

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»

На правах рукописи

Балакирева Софья Юрьевна

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР ЦЕННОСТНОГО КРИЗИСА
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

5.10.1 – теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, доцент
Попов Евгений Александрович

Барнаул – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Культурфилософские основания осмысления ценностного кризиса культуры	18
1.1. Понятие ценностного кризиса культуры в современных философско-культурологических исследованиях.....	18
1.2. Культурфилософская рецепция кризисности и ценностного кризиса культуры.....	38
1.3. Цивилизационный фактор как основной детерминант ценностного кризиса культуры.....	72
Глава 2. Цивилизационные основания ценностного кризиса современной культуры	95
2.1. Культурно-цивилизационная «центрация» консолидирующих ценностей.....	95
2.2. Роль ценности гражданственности в преодолении ценностного кризиса современной культуры.....	115
2.3. Духовная безопасность в условиях культурно-цивилизационного развития и ценностного кризиса.....	131
Заключение	148
Список литературы	152

Введение

Актуальность избранной темы. Состояние ценностного кризиса культуры зачастую описывается как априорное, сопутствующее развитию культуры с момента ее зарождения; при этом основным аргументом, объясняющим такое положение дел, становится установление различных колебаний ценностей в результате социокультурной динамики. Так, например, традиционные ценности начинают уступать место инновационным, которые в свою очередь не могут в полной мере прижиться в культуре, отторгаются, на смену им приходят другие ценности, которые еще не прошли проверку временем, а потому не могут стать полноценной заменой ушедшим, и т. д. – по сути, в такой смене ценностей, их трансформации и видится кризис. Отмеченное состояние активно исследуется в русле культурологической науки, но и с точки зрения культурфилософского направления возникает интерес к данной проблематике. Вместе с тем в рамках теории и истории культуры важное значение приобретает именно культурфилософская рецепция ценностного кризиса, поскольку в этом случае в основании исследований лежат выявление и анализ состояний онтологизации культуры, при которых появляются новые смыслы бытия или которые сами по себе способствуют появлению новых смыслов. Таким образом, именно в рамках культурфилософской рецепции предстоит дать ответы на ряд ключевых вопросов, имеющих принципиальное значение для теории и истории культуры: например, как изменяются с течением времени такие смыслы бытия, как истина, добро, красота и какие ценности в связи с этим закрепляются в пространстве культуры, получают статус традиционных, передаются от одного поколения другому, а какие, напротив, становятся выраженными антиценностями, еще более влияя на деструкцию ядра культуры. Важно иметь в виду и другой момент: поиск факторов, объясняющих процессы онтологизации культуры, равно как и тех, которые могут в значительной степени оказывать влияние на ценностный кризис

культуры, имеет большое значение для науки, поскольку позволяет рассчитывать на выявление состояний, объясняемых не только с точки зрения социокультурной динамики, но и с позиции изменения смыслов бытия. В таком случае традиционный объект для исследования – сопряженность культуры и цивилизации – в рамках настоящего исследования дает возможность идентифицировать цивилизационный фактор как ценностно-смысловой ресурс для изменения традиционных смыслов бытия и возникновения кризиса культуры. Актуальность приобретает исследовательский ракурс, позволяющий рассматривать цивилизационный фактор как совокупность детерминант, оказывающих столь существенное воздействие на культуру, ее ценности и нормы, что не только сама по себе их трансформация приводит к кризисному состоянию, но и сдвиги смыслов бытия вызывают изменения в социальной реальности. При всей многоаспектности изучения темы сопряженности культуры и цивилизации именно культурфилософский уровень ее рецепции позволяет увидеть, каким образом разворачивается ценностный кризис современной культуры и к каким последствиям он приводит. Таким образом, в силу того что кризисное состояние является неотъемлемой характеристикой современной культуры, представляется необходимым установить ключевой фактор, определяющий данное состояние.

Научная проблема. В культурфилософской рецепции кризисности и ценностного кризиса культуры основной акцент делается на осмыслении трансформационных процессов, происходящих в ценностно-нормативной системе культуры под воздействием различных социальных, экономических, политических и иных изменений. При этом исследуются трансформации ценностей и культурных универсалий в их передаче от одного поколения носителей культуры другому в результате социокультурной динамики, символического обмена и т. д. В наименьшей степени уделяется внимание цивилизационному влиянию на ценностный кризис культуры – такое влияние предполагает не только смену ценностных приоритетов в социальной

реальности, но и «сдвиг» смыслов бытия, связанных с обеспечением выживания индивидов, борьбой за лучшее социальное или политическое положение в обществе, рационализацией бытия и повседневной жизни, в результате чего происходит «деонтологизация» ценностей – разрыв их «привязанности» к таким смыслам бытия, которые традиционно оказывали воздействие на развитие человека, культуры, общества. Для оценки данных процессов необходимо учитывать факторы, которые способствуют «сдвигу» смыслов бытия и, таким образом, проявлениям ценностного кризиса культуры. С этой точки зрения научная проблема заключается в отсутствии направления культурфилософского анализа, который был бы связан с осмыслением цивилизационного фактора как основного способа идентификации ценностного кризиса современной культуры.

Степень разработанности избранной темы. Тема соотношения культуры и цивилизации широко представлена в научном дискурсе. Прежде всего следует подчеркнуть, что она является объектом изучения на междисциплинарном уровне: вопросы экономики, политики, общественных отношений нередко связываются с точками сопряженности культуры и цивилизации. Эти аспекты затрагиваются в работах Ф. Броделя, М. Вебера, Р. Гвардини, Дж. Нейсбита, Э. Трельча и других. Так, например, в известных трудах Фернана Броделя «Грамматика цивилизаций» и «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» проводится идея о том, что каждая цивилизация «привязана» к климату, территориальному локусу, структуре экономического развития, проблемам социального порядка, в то время как «местом» развития культуры являются традиции, ценности и нормы, которые олицетворяют дух и нрав народа, поколений и служат для их единения. Таким образом, Броделю точками сопряженности культуры и цивилизации видятся не сами по себе детерминанты поступательного развития, накопления преимуществ в экономике и политике, а возможности трансляции социального и культурного опыта между поколениями. В свою очередь Джон Нейсбит в книге «Мегатренды» анализирует процессы дегуманизации экономики и

приходит к выводу о том, что именно данная черта экономического развития в значительной степени способствует стиранию границ культуры и цивилизации – утрата экономической ориентации на человека стимулирует формирование экономики цивилизации и экономики культуры со своими системами ценностей и норм.

Между тем поиск точек сопряженности культуры и цивилизации можно рассматривать как своеобразный тренд научной дискуссии, которая разворачивается во многих эпохах и становится выраженной приметой современности. В этой связи представляется необходимым обозначить три основных вектора таких исканий. Во-первых, многие исследователи и мыслители уделяют внимание техногенным ресурсам цивилизационного развития, а определяющим фактором в культурной динамике называют универсалии, которые приобретают новые значения, но в то же время сохраняют традиционализм. Так считают К. Вельцель, П. С. Гуревич, Р. Инглхарт, Н. Н. Исаченко, Х. Йоас, Д. Д. Калимуллин, Т. М. Кожевникова, Н. Н. Лавринова, В. Н. Лексин, О. Р. Онищенко, В. И. Разумов, В. П. Сизиков, С. А. Чеботарёв и другие. Во-вторых, социально-политические детерминанты развития цивилизации и культуры рассматриваются в качестве ключевых для раскрытия их потенциала: для цивилизации таким потенциалом является, например, посткапитализм, постиндустриализм, для культуры – либерализм; авторы исследований находят наиболее существенным доминирование политики среди других детерминант развития цивилизации и культуры (И. Антхольц, Н. Н. Исаченко, Н. И. Лапин, М. Лаццарато, А. Печчеи, А. В. Скоробогатько, Р. Фишер, В. С. Магун, М. Г. Руднев и др.). В-третьих, соотношение культуры и цивилизации раскрывается сквозь призму ценностных приоритетов и систем ценностей: отмечается устоявшаяся традиция идентифицировать главную цель культуры как сохранение ценностей и норм для последующей их трансляции другим поколениям, а в качестве основной задачи цивилизации – трансформацию ценностей для достижения конкретного результата, например, обеспечения выживаемости, борьбы за ресурсы и т. д.

Практически все исследователи так или иначе касаются этого ракурса и при этом, сопоставляя ценности цивилизации и ценности культуры, отмечают существенные различия между ними. Так, Н. И. Лапин в одной из своих работ «Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии» делает акцент на том, что ключевой ценностью для цивилизации является ценность обеспечения выживаемости индивидов, в то же время и другие исследователи также полагают, что именно жизнь как витальная ценность становится своего рода «водоразделом» цивилизации и культуры: цивилизация аккумулирует ресурсы для обеспечения жизни, а культура устанавливает круг ценностей и универсалий, создающих «задел» для последующих поколений. Данную позицию разделяют К. Вельцель, Р. Инглхарт, М. В. Ковалева, В. Н. Лексин, В. С. Невелева, М. Д. Попкова, Ш. Шварц и другие.

Следует отметить довольно любопытный подход ряда современных сибирских исследователей, предложивших концепцию духовно-экологической цивилизации как вариант сопряженности культуры и цивилизации в современных условиях. Так, А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин и другие, отталкиваясь от положения о цивилизационной кризисогенности и техногенно-потребительской ориентации цивилизационного развития, приводят убедительные доводы относительно необходимости построения концепции духовно-экологической цивилизации с опорой на взгляды представителей евразийства. Примечательно, что авторы затрагивают вопрос о возможной смене приоритетов в системе координат, в которой традиционно оценивается взаимодействие цивилизации и культуры. Так, например, в работе «Социально-философские основания типологии цивилизаций» Е. А. Тюгашев замечает, что «поскольку культура довольно часто понимается информационно-семиотически, то идентификация цивилизаций с конкретными культурами в латентной форме опирается на выделение

отдельных элементов духовной жизни (например, мировых религий)»¹. В действительности, именно духовные аспекты человеческого бытия, формирование системы ценностей-антиценностей, которая накладывается на широкий круг общественных отношений, являются основой для социокультурной динамики и «водоразделом» культуры и цивилизации. Закономерно, что исследователи обратили внимание на связь человека и природы, сделав ее основанием построений духовно-экологической цивилизации. По сути, речь идет о возврате смыслов бытия к исконным ценностям, в частности, определяющим взаимодействие человека и природы, нашедшим свое отражение в мировых религиях, мифологии, эпосе, художественном творчестве, искусстве и т. д.

Между тем культурфилософские основания осмысления ценностного кризиса культуры складываются из следующих положений. Прежде всего ключевым направлением является цивилизационный подход, представленный идеями шотландского философа Адама Фергюсона² и британского историка Нила Фергюсона³, Ж. Гобино⁴, М. Блока⁵, Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера, П. Сорокина и других. Как известно, мыслители, с одной стороны, идентифицировали цивилизацию как универсальную систему развития человечества с акцентами на политике, экономике, труде, материальных и духовных ценностях, с другой стороны, они констатировали повышенный интерес науки к цивилизационному развитию, поскольку оно становится определяющим для формирования множества смыслов бытия, например, таких, как символический обмен, кумуляция культурного опыта, гражданское общество, духовная безопасность и т. д. В рамках обозначенного цивилизационного подхода преобладают социальные коннотации: построение

¹ Тюгашев Е. А. Социально-философские основания типологии цивилизаций // Сфера культуры. 2020. № 1. С. 126.

² Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000.

³ Фергюсон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М., 2014.

⁴ Гобино Ж. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2001.

⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.

цивилизации рассматривается сквозь призму усложнения общественных отношений.

В целом цивилизационный ракурс исследований позволяет решить по крайней мере три важные задачи для теории и истории культуры и в целом социогуманитарного знания: 1) установить ценностно-смысловые основания или критерии для сравнения цивилизации и культуры; 2) выявить пределы кризисности в условиях социокультурной динамики; 3) определить сдвиги смыслов бытия, оказывающие влияние на кризис ценностей и норм. Таким образом, цивилизационный подход по-прежнему остается востребованным в современной науке, однако в силу его выраженной социальной ориентации он не в полной мере оказывается задействованным исследователями, ставящими цель культурфилософской рецепции рассматриваемой проблематики соотношения культуры и цивилизации и порождаемого этим взаимовлиянием ценностного кризиса культуры. В этом плане следует обратиться к положениям теории и истории культуры, которые дают представление о смысловых характеристиках ценностного кризиса культуры.

Такие особенности подчеркиваются в ряде ключевых работ, содержащих идеи, направленные на идентификацию ценностного кризиса культуры в его связи со сдвигами смыслов бытия; по сути, мыслителями и исследователями ведется поиск факторов, оказывающих существенное воздействие на онтологизацию культуры, т. е. на обеспечение ее традиционных устоев, вытекающих из оснований духовности, духовного мира, духовной жизни человека и общества. Можно отметить, что почти все философы и современные авторы, занимающиеся исследованием культурной проблематики, признают необходимость идентификации онтологизации культуры как ее важнейшего свойства, связанного с духовностью, в то же время ими ставится вопрос о сдвигах смыслов бытия, которые приводят к глубокому ценностному кризису культуры. Историческим аспектам кризисности и онтологизации культуры посвящены работы Н. А. Бердяева, Г. В. Ф. Гегеля, П. С. Гуревича, Г. Зиммеля, Р. Гвардини, Н. Гартмана,

Р. Д'Андреа, Р. Мекера, С. В. Хоружей, Х. Ортега-и-Гассета, Р. Панвица, В. С. Соловьева, Э. Трельча, З. Фрейда, М. Фролиха, Й. Хейзинга, М. Шелера и других. В них на первое место выдвигается анализ исторических предпосылок кризисности, возникающей как отклик на трудный поиск концепции личности, концепции культурного развития, концептуализации ключевых смыслов духовности. При этом исследуется богатейший социокультурный материал и на его анализе делаются важные обобщения, в частности, о роли цивилизации в истории культуры. С особой остротой этот вопрос дискутируется С. Хантингтоном и его учеником Ф. Фукуямой.

Другой пласт работ составляют интерпретации различных детерминант ценностного кризиса культуры; среди них выделяются исследования, посвященные «эндогенному кризису». Они регистрируют ценностный кризис, происходящий за счет трансформации ценностей или их перемещений из ядра культуры на ее периферию с утратой ими общечеловеческой роли, а также функций «центрации» культурного развития (развитие культуры за счет своих внутренних ресурсов) (Х. Матёва, С. Нароцки и Н. Беснер, Л. Н. Столович, Н. А. Углинская, А. Хаген, Г. Хофстеде, В. К. Шохин, Д. Н. Яцук и другие). Нидерландскому исследователю А. Хаген принадлежит идея «центрирования культурных универсалий» («centering cultural universals»), когда культура прочно притягивает к себе культурные универсалии, создает условия для сохранения их функциональности, но в то же время в условиях цивилизационного развития мира именно цивилизация начинает «оттягивать» универсалии от культуры к себе, наделяя их другими функциями и смыслами бытия. По сути, А. Хаген затронула в своем исследовании характеристики и «эндогенного», и «экзогенного» кризиса, который проявляется в силу ценностных трансформаций под воздействием тех или иных факторов – политического, экономического, географического и т. д.

Особую роль играет и цивилизационный фактор, отмечающий влияние цивилизационных процессов на кризис культуры. В основном в исследованиях данный фактор рассматривается с позиций глобальных и модернизационных

изменений, затрагивающих социально-политические, социально-экономические обстоятельства кризисности. На этот аспект проблемы обращают внимание и представители культурфилософского направления, и цивилизационного, и иных (М. Вебер, Н. Я. Данилевский, Г. Зиммель, А. В. Иванов, И. А. Ильин, Р. Инглхарт, Н. И. Лапин, Д. С. Мережковский, Ю. В. Попков, Е. А. Попов, П. А. Сорокин, И. В. Фотиева и другие). В то же время нуждается в рецепции определение роли цивилизационного фактора в ценностно-смысловых изменениях, происходящих в пространстве современной культуры, и с этой точки зрения данное диссертационное исследование позволяет более прицельно раскрыть указанную проблему.

Объектом исследования является ценностный кризис современной культуры, а **предметом** – цивилизационный фактор ценностного кризиса современной культуры.

Цель исследования определяется необходимостью выявления роли цивилизационного фактора в возникновении и развитии ценностного кризиса современной культуры.

Задачи исследования согласуются с целью работы, и для их выполнения важное значение имеют следующие действия:

- 1) раскрыть содержание понятия ценностного кризиса культуры в современных философско-культурологических исследованиях;
- 2) охарактеризовать в культурфилософском аспекте концепты кризисности и ценностного кризиса культуры;
- 3) выявить признаки цивилизационного фактора как основного детерминанта ценностного кризиса культуры;
- 4) проанализировать состояние консолидирующих ценностей в условиях ценностного кризиса современной культуры;
- 5) установить роль гражданственности как ценности в преодолении ценностного кризиса современной культуры;

б) охарактеризовать ценностно-смысловые аспекты духовной безопасности в условиях культурно-цивилизационного развития и ценностного кризиса.

Источниковая база исследования. Основными источниками работы послужили данные, полученные в ходе глобальных мониторингов ценностных трансформаций и их воздействия на социокультурную жизнь людей разных поколений и стран (в межстрановом сравнении) в рамках семи раундов (1981–2020) Всемирного обзора ценностей (World Values Survey). Были использованы также некоторые результаты Европейского социального исследования (European Social Survey), направленного на многолетнее (2001–2021) сравнение ценностей, установок, взглядов и поведения населения стран Европы, включая Россию. Обобщались результаты опросов ВЦИОМ «Влияние Запада и российская культура» (2022), «Тренды культурного досуга: 1992–2022» (2022), «Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать» (2022), данных, полученных в ходе реализации общероссийского проекта «Культура безопасности современного российского общества», осуществленного Институтом социально-политических исследований (ИСПИ) РАН (2002). Кроме того, источниками работы стали результаты теоретических и эмпирических обобщений, связанных с ценностным кризисом культуры, полученных Р. Инглхартом, К. Вельцелем, Г. Хофстеде, Ш. Шварцом. Для идентификации ценностного кризиса современной культуры применялись некоторые данные исследований, опубликованных в нидерландском журнале «Krisis», основная цель которого состоит в обобщении ценностных кластеров кризисности. Рассматривались в работе и положения Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

Теоретические основания исследования определяются целью и задачами работы и включают следующие направления научной рефлексии: 1) рецепция культуры как ценностно-смысловой системы (Н. Гартман, П. С. Гуревич,

Э. Гуссерль, Н. Н. Исаченко, Х. Йоас, О. И. Жукова, Э. Кассирер, М. В. Ковалева, Н. П. Копцева, Ю. В. Маслянка, В. С. Невелева, Е. А. Попов, М. Д. Попкова, Т. А. Семилет, Л. Н. Столович и другие); 2) понимание ценности как элемента культурно-цивилизационного развития (А. Вебер, Р. Инглхарт, Н. И. Лапин, В. Н. Лексин, Дж. Нейсбит, Т. Парсонс, В. И. Разумов, Т. Ю. Сидорина, В. С. Степин, Ш. Шварц и другие); 3) выявление соотношений цивилизации и культуры (А. В. Иванов, Ю. В. Попков, П. А. Сорокин, Э. Тоффлер, Е. А. Тюгашев, И. В. Фотиева, Й. Хейзинга, М. Ю. Шишин и другие); 4) осмысление кризисности как смысла бытия и основания ценностного кризиса культуры (Л. В. Баева, Н. А. Бердяев, Ф. Бродель, М. Вебер, Н. И. Лапин, С. В. Хоружая, В. К. Шохин, О. М. Штомпель и другие).

Методологические основания и методы исследования. Ключевым методологическим основанием исследования является *культурфилософский подход*, позволяющий рассматривать культуру, ее ценности и состояние ценностного кризиса как проявление ценностно-смысловых трансформаций и сдвигов бытия (Н. А. Бердяев, Ф. Бродель, П. С. Гуревич, П. А. Сорокин, Л. Н. Столович, Г. Хофстеде и другие). При этом данный подход апеллирует к онтологизации культуры и направлен на выявление истоков кризисности и факторов, способствующих ее проявлениям в развитии современной культуры.

Значимыми также являются *цивилизационный* и *аксиологический* подходы. В русле первого решаются не только задачи по выявлению роли цивилизации в индивидуальном и коллективном бытии человека, в трансформации социальной реальности, характеристике нюансов в соотношении цивилизации и культуры, но и важнейшая задача по идентификации кризиса культуры. Данный подход представлен идеями Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона, Ф. Фукуяма и др. В то же время *аксиологический подход* направлен на выявление различных состояний ценностей в их связи друг с другом и с другими объектами и атрибутами бытия, а также проявляющихся в результате ценностно-

нормативной детерминации. Идеи А. Вебера, П. С. Гуревича, Г. Зиммеля, Н. И. Лапина, Ф. Ницше, Л. Н. Столовича и других составляют суть данного подхода в исследовании проблематики культуры и ее ценностного кризиса.

Важное место в исследовании занимает *междисциплинарный подход*, дающий возможность использовать данные, полученные в рамках других областей знания (социологии, психологии, антропологии, культурологии, истории) и связанные с рассматриваемой проблематикой. По сути, данный подход можно идентифицировать как синтез социокультурного и детерминистского подходов.

Решение конкретных задач исследования предполагает соответствующий выбор *методов* исследования. В их числе как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, обобщение, типология и др.), так и метод вторичного анализа данных при работе с результатами Всемирного обзора ценностей и Европейского социального исследования, а также метод социокультурной «центрации» (А. Хаген, Дж. Холден), позволяющий установить пределы соотношения ценностей цивилизации и ценностей культуры, методы культурно-исторического и историко-генетического анализа.

Научная новизна диссертации проявляется в следующих ключевых результатах исследования:

- 1) обоснована авторская трактовка понятия ценностного кризиса культуры сквозь призму соотношения культуры и цивилизации;
- 2) установлены основные направления культурфилософской рецепции кризисности и ценностного кризиса культуры;
- 3) выявлено, что основным способом идентификации ценностного кризиса современной культуры является цивилизационный фактор;
- 4) консолидирующие ценности идентифицированы в качестве ключевого условия развития современной культуры под влиянием цивилизационного фактора;

5) доказана роль гражданственности как ценности в преодолении ценностного кризиса современной культуры;

б) установлено, что духовная безопасность в условиях культурно-цивилизационного развития и ценностного кризиса является маркером не только сохранности традиционных смыслов бытия, но и преодоления негативных последствий цивилизационного фактора.

Положения, выносимые на защиту:

1) ценностным кризисом культуры является такое состояние культуры, при котором происходит трансформация смыслов бытия, отраженных в определенных ценностях, чаще всего традиционных, под воздействием цивилизационного фактора;

2) культурфилософская рецепция кризисности и ценностного кризиса культуры осуществляется в историкоцентристском, интериоризационном и духовно-ориентированном направлениях;

3) цивилизационный фактор представляет собой ценностно-нормативный вектор развития культуры, который способствует процессу перераспределения («центрации») смыслов человеческого бытия и соответствующих им культурных ценностей из пространства современной культуры в пространство современной цивилизации под воздействием актуальных социально-политических, социально-экономических и других детерминантов;

4) точками сопряженности культуры и цивилизации являются консолидирующие ценности (например, гражданственность, патриотичность, религиозность и др.); по данным Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) (1981–2020) и Европейского социального исследования (European Social Survey) (2001–2021) культурная «центрация» таких ценностей осуществляется по принципу их соответствия основам духовной безопасности и культурной политики, в то время как цивилизационная «центрация» идет по иному пути: консолидирующие ценности «притягиваются» в те области человеческого индивидуального и коллективного бытия, в которых возрастает

социальная напряженность, катастрофизация истории и социальных отношений, конфликтность и т. д.;

5) в преодолении или минимизации последствий ценностного кризиса современной культуры важное значение имеет гражданственность как ценность: под воздействием цивилизационного фактора, выполняя ключевую функцию консолидации носителей культуры и их поколений, она сохраняет сопряженность с «онтосами» – традиционными смыслами бытия, обеспечивает общинность на уровне традиционных ценностей и обладает культуросозидающим началом;

б) духовная безопасность ориентирована на сохранение ключевых смыслов бытия и онтологизацию культуры, так она способствует снятию цивилизационной напряженности, снижению угроз и рисков для дальнейшего развития, уменьшению проявлений кризисности в мировоззрении и миропонимании.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования заключается в применении результатов диссертации для развития направления культурфилософской рецепции при изучении сопряженности культуры и цивилизации. Кроме того, данное направление позволяет при исследованиях кризиса культуры, ценностного кризиса исходить не только из социально-политических, социально-экономических процессов современности, но и эндогенных характеристик культурно-цивилизационного развития, что в конечном итоге будет способствовать укреплению позиций онтологизации культуры. С другой стороны, полученные в ходе предпринятого исследования данные являются основой для проведения дальнейших эмпирических исследований ценностного кризиса современной культуры. В то же время практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты находят свое применение при совершенствовании культурной политики в разрезе страны или отдельных ее регионов, при разработке программ культурного развития, направленных в том числе на сохранение традиционных ценностей и норм, консолидацию носителей культуры, диалог

культур, а также при разработке некоторых образовательных программ. Полученные обобщения использованы для совершенствования учебных курсов по теории и истории культуры, культурологии, философии культуры.

Степень достоверности и апробации результатов. Достоверность результатов обеспечивается ориентацией на адекватную цели и задачам исследования теоретическую, методологическую и источниковую базу исследования. Для философского знания в целом не характерно обращение к итогам эмпирических исследований, однако в данном случае обращение к базам данных по всемирному и европейскому обзорам ценностей, а также к результатам российских ценностных мониторингов обеспечивает верификацию полученных выводов.

Апробация результатов обеспечивалась на уровне публикаций по теме диссертации и выступлений с докладами и сообщениями на научных мероприятиях различных уровней. Всего было опубликовано 16 статей, в том числе одна размещена в издании Scopus, 8 – в изданиях, рекомендованных ВАК, основные идеи диссертации раскрыты на следующих мероприятиях: Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ» (г. Барнаул, 2020), V Международной научно-практической конференции «Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе (г. Москва, 2020), Международной научно-практической конференции, состоявшейся в рамках I Махмутовских чтений «Стратегическое развитие региона: проблемы, механизмы, факторы» (г. Уфа, 2022), VI Международной научно-практической конференции «Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы (Современный мир в условиях глобальной турбулентности)» (г. Новокузнецк, 2022).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав и шести параграфов, заключения и списка литературы из 195 источников.

Глава 1. Культурфилософские основания осмысления ценностного кризиса культуры

1.1. Понятие ценностного кризиса культуры в современных философско-культурологических исследованиях

При постановке любого вопроса об исследовании культуры в рамках социогуманитарного знания так или иначе заходит речь о ценностях и нормах. При всем многообразии определений культуры большая их часть как раз затрагивает ценностную сферу человеческого бытия. Как нам представляется, сказать новое слово в вопросах ценностной определенности культуры довольно сложно, но в том случае, если в аспекте культурфилософской рецепции рассматривается такое понятие, как ценностный кризис, то не все представляется так однозначно. Само понятие кризиса, кризисности, тем более применительно к характеристике сферы культуры, следует применять с некой осторожностью. Если, например, социологи кризис культуры могут связать с тем обстоятельством, что индивиды утратили интерес к искусству, перестали посещать культурные учреждения и мероприятия, то для философской рецепции этого все же будет явно недостаточно. На самом деле ценностный кризис, о котором пойдет речь в настоящем исследовании, не лежит на поверхности, хотя идентифицировать ценностный кризис современной культуры на самом деле мы можем по огромному числу проявлений человеческого бытия, по критериям или приметам, свидетельствующим прямо или косвенно о пребывании культуры в кризисном состоянии. При этом нужно учитывать выбор индивида, социальную детерминированность культурных процессов, социокультурную динамику и статику, многочисленные культурные стереотипы и их влияние на человека и т. д. Каждая из этих особенностей может быть соотнесена с культурным кризисом. В то же время о ценностном кризисе мы можем говорить только тогда, когда изменения коснулись не только «периферийных» элементов культуры, но и ее ядра. Культурные ценности

имеют прочные связи именно с ядром самой культуры. Они изменяются, а их изменение может привести к кризису, если мы установим разрыв этих связей с ядром культуры.

В настоящей работе мы будем прежде всего исходить из понимания культуры как ценностно-смысловой системы, отражающей «профиль всей совокупности бытия и духовной жизни»⁶, а также обеспечивающей передачу опыта от одного поколения другому посредством ключевых ценностей и норм. Такая трактовка культуры вполне укладывается в философскую систему духа, в которой, как полагал Эрнст Кассирер, «каждая отдельная форма получала бы смысл исключительно благодаря занимаемому ей в этой системе месту, а ее содержание и значение характеризовались богатством и своеобразием отношений и взаимосвязей с другими духовными энергиями и, наконец, с ними как целым»⁷. Данная интерпретация позволит нам идентифицировать границы ценностного кризиса на любом «отрезке» культурного развития. Например, если нарушается передача опыта между носителями культуры, вероятнее всего, можно будет констатировать наступление ценностного кризиса, если, с другой стороны, будет наблюдаться отсутствие конвенциональных связей и разрыв между поколениями, то и в этом случае появляются основания для выявления ценностного кризиса и т. д. Для того чтобы определиться с содержанием ключевого для всей работы понятия – ценностного кризиса современной культуры, мы должны исходить из следующих важных обстоятельств:

1) ценностный кризис может быть характерной чертой современной культуры, но может быть перманентным состоянием человеческой культуры независимо от эпохального фактора; 2) ценностный кризис может быть отголоском или следствием несовпадения культуры и цивилизации в построении ценностно-нормативной системы общества; 3) ценностный кризис, вероятно, совпадает с конкретными ценностными трансформациями, например, с диверсификацией

⁶ Кассирер Э. Философия символических форм. М., 2001. С. 18.

⁷ Там же. С. 19.

общечеловеческих ценностей и т. д. Данные аспекты исследования, как представляется, приблизят нас к пониманию ценностного кризиса современной культуры и при этом позволят обратить внимание на многие значимые процессы современности, которые затрагивают культуру.

Для понимания сути ценностного кризиса культуры необходимо определить основные направления исследований ценностей. Разумеется, мы исходим из того, что в культурфилософском ключе существуют различные подходы к пониманию культурной ценности. Так, например, Л. Н. Столович достаточно подробно исследует аксиологические течения в современной русской философии и обращает внимание на следующие аспекты исследования ценностей: онтологические, гносеологические, антропологические, праксеологические, герменевтические. Автор также предлагает проводить «различение между ценностью как "объективным феноменом", "смыслозначимой целью существования" и субъективной оценкой как отношением, направленным "от личности к объекту"»⁸. Л. Н. Столович делает акцент на проблематике онтологизации ценностей, полагая при этом, что «теоретическое обоснование онтологизации ценностей, т. е. признание их объективности, было различным в истории аксиологической мысли»⁹.

Подробнейший анализ различных подходов к осмыслению ценностей приведен Л. В. Баевой. Исследователь с точки зрения понимания ценности «как объективного бытия, усматриваемого или усваиваемого субъектом в процессе практической, познавательной, нравственной или эстетической деятельности», выделяет следующие направления в осмыслении сущности ценностей: «1) ценность как вневременная и внепространственная объективная сущность, имеющая трансцендентальный характер и иррациональное происхождение (Платон, Г. Лотце, М. Шелер, Н. Гартман, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Лосский, С. Франк, Э. Трельч, В. Франкл и др.);

⁸ Столович Л. Н. Аксиологические течения в современной русской философии // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 4 (32). С. 13.

⁹ Там же. С. 16.

2) ценность как социокультурный феномен, имманентно присущий развитию общественного бытия, выражающий направление его развития, суть которого состоит в трансформации природных потребностей в нравственно-рациональные (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Г. Зиммель, Г. Маркузе, Л. Н. Столович, А. А. Ивин, В. С. Степин, М. А. Розов и др.); 3) ценность как идеальный продукт материальных и духовных потребностей личности, формирующихся объективно под влиянием экономического фактора (Т. Гоббс, Дж. Локк, С. Ф. Анисимов, В. А. Василенко, П. Р. Леиашвили и др.); 4) ценность как продукт интеллектуально-психологических потребностей личности, формирующийся преимущественно под воздействием биологического фактора (А. Шопенгауэр, Ю. Вейденгаммер, З. Фрейд, Э. Фромм и др.)»¹⁰. Как правило, исследователи отмечают многообразие трактовок ценностей, например, выделяя «семиотическую, лингвистическую, психологическую, социологическую и другие теории ценностей»¹¹. В. К. Шохин склонен видеть в этом сложную методологическую проблему развития философской теории ценностей, он считает, что само понятие ценности способствует полифонизму или аморфности различных концепций ценностей: каждый автор дает свою расширительную трактовку. С другой стороны, как отмечает исследователь, возникает множественность трактовок, часто идущих в одном направлении друг с другом, но в то же время претендующих на самостоятельность¹².

В настоящей диссертации не ставится цель продуктивного анализа различных направлений исследования ценностей, однако в силу того, что в работе используется понятие ценностного кризиса, возникает необходимость отметить существование теоретико-методологических сложностей в трактовках ценностей. Представляется эвристически значимой, например, следующая трактовка культурной ценности: *«Культурная ценность – это*

¹⁰ Баева Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия. Опыт экзистенциальной аксиологии. М., 2003. С. 7.

¹¹ Маслянка Ю. В., Сухина А. В. Проблема ценностей в философии: методологический аспект // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 75.

¹² Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2016. С. 22–40.

особая разновидность идеала, сложившаяся в цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры, имеющая характер проектной реальности и существующая в ситуации жизненного выбора тех или иных практически значимых образцов»¹³. В данной трактовке прослеживается связь культуры и цивилизации; более определенно она выражается в другой интерпретации: нами взято за основу следующее определение культурной ценности, предложенное израильским ученым Ш. Шварцем: «Культурная ценность есть элемент культурно-цивилизационного развития, который обеспечивает взаимодействие человека, общества и культуры в непрерывной трансляции межпоколенческого опыта»¹⁴. Выбор данного определения культурной ценности объясняется следующими причинами: во-первых, в нем отражается соотношение культуры и цивилизации, что затрагивает ракурс настоящего диссертационного исследования, во-вторых, оно в наибольшей степени отвечает проблематике кризисности, поскольку любой из разрывов в цепочке взаимодействия человека, общества и культуры и соответственно в передаче социального и культурного опыта от одного поколения к другому способствует появлению и развитию ценностного кризиса культуры. Важное значение имеет и то обстоятельство, что понимание ценности как «элемента культурно-цивилизационного развития» отчасти совпадает с логикой определения культурных ценностей, содержащегося в статье первой Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, принятой 14 мая 1954 года¹⁵. В этом случае содержание понятия «культурная ценность» в большей степени приближено к объективной реальности, что дает возможность в дальнейшем идентифицировать ценностный кризис не на абстрактных моделях человеческой коллективной и индивидуальной

¹³ Копцева Н. П., Лозинская В. П., Махонина А. А. Проблема культурных ценностей и ее решение в философии Генриха Риккерта // Философия и культура. 2013. № 7. С. 977.

¹⁴ Schwartz S. A theory of Cultural Value Orientations: Explication and applications. Comparative Sociology. 2019. Vol. 5. Is. 2–3. P. 150.

¹⁵ Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36185.html (дата обращения: 22.03.2022).

жизнедеятельности, а на вполне объективных явлениях и процессах, отражающих конкретное состояние развития современной культуры. Здесь мы вслед за Хансом Йоасом, считавшим необходимым отказ от дискуссий по поводу трактовки ценностей в силу того, что в этом вопросе царит полная неопределенность¹⁶, также воздержимся от вступления в многочисленные споры относительно теории и практики ценностей.

Между тем для прояснения содержания понятия ценностного кризиса необходимо затронуть аспект исследования кризиса культуры. Можно было бы сказать, что ценностный кризис является более «точечным» измерением состояния культуры на определенном этапе ее исторического развития, однако, как нам кажется, на уровне культурфилософской рецепции следует эти явления рассматривать как самостоятельные, «отягощенные» собственными признаками. По поводу кризиса культуры в последнее время все чаще прослеживается тенденция идентифицировать данный феномен как трансформацию или даже утрату смыслов бытия, а вместе с ними и утрату «общего поля культурного понимания»¹⁷. Если исходить из того, что культура представляет собой ценностно-смысловую систему, становится понятно, что заложенные в ее пространстве смыслы имеют важнейшее значение для развития общества и самой культуры, а вот их утрата или трансформация способна привести к серьезным последствиям как для человека, так и для широкого круга социальных отношений.

Кроме того, кризис культуры явно воспринимается как следствие ситуации неопределенности, которую все чаще исследователи называют тем обстоятельством, которое влияет на рассмотрение различных аспектов развития кризиса культуры. Так, например, А. И. Извеков в своей докторской диссертации подчеркивает, что ситуация неопределенности серьезным образом изменяет сами способы «обнаружения смыслов бытия», именно

¹⁶ Йоас Х. Возникновение ценностей / пер. с нем. СПб., 2014. С. 17–18.

¹⁷ Хоружая С. В. Кризисная динамика смыслов культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 2 (39). С. 110.

кризис культуры привел к таким последствиям¹⁸. Отчасти разделяет эту позицию также и М. Д. Попкова, полагающая, что «в современной же культуре господствует «принцип неопределённости»¹⁹. Таким образом, кризис культуры идентифицируется через глубочайшее состояние трансформации ценностных смыслов, но в то же время меняется сама система координат оценки кризиса культуры: из-за социальной, семантической, социокультурной неопределенности довольно сложно определить четкие границы кризиса культуры. Ситуация усложняется и тем, что, во-первых, кризис культуры может быть рассмотрен сквозь призму кризиса ценностей, но скорее всего, как отмечают некоторые исследователи, должна измениться сама система координат в оценках кризисности и кризиса культуры. Поэтому закономерно ставится вопрос о том, наблюдаем ли мы в действительности сам кризис культуры и идентифицируем его по тем или иным признакам или же мы сталкиваемся с кризисом «стратегий действия»²⁰ и не имеем в таком случае доступа к новым современным системам оценивания кризисности и конкретно кризиса культуры. Такого рода методологическая проблема подробно рассматривается М. Вебером, полагающим, что в анализе состояния культуры, в том числе и кризисного, явно недостаточно исходить только лишь из исторического контекста, а нужно обращать внимание на новые смыслы, порождаемые в ходе развития культуры²¹. На подобную необходимость, что примечательно, указывает и Альфред Вебер, рассуждая о кризисе европейской культуры: кризис нужно уловить не в привычных условиях поиска ценностных крушений и утрат, а в движении культуры, когда возникает «душевно обусловленная рядоположность символов»²². Вместе с тем ряд зарубежных авторов на первое место

¹⁸ Извеков А. И. Интроекция противоречий кризиса культуры в структуру личности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2015. С. 12.

¹⁹ Попкова М. Д. Культура XX века: кризис самоидентичности и проблема границ // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2012. № 22 (276). Вып. 27. С. 41.

²⁰ Углинская Н. А. Кризис культуры: кризис системы ценностей или кризис стратегий действия? // КАНТ. 2020. № 3 (36). С. 191–195.

²¹ Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Культурология: XX в. М., 1995. С. 27.

²² Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб., 1998. С. 21.

выдвигают *цивилизационный фактор* при обнаружении кризиса культуры, полагая, что именно он дает возможность определить системный кризис культуры²³. Данный аспект будет затронут в следующем параграфе диссертации, в котором как раз пойдет речь об анализе различных способов идентификации ценностного кризиса.

В то же время необходимо провести черту между кризисом самой культуры и ценностным кризисом культуры. В первом случае акцент делается на трансформации ключевых смыслов бытия, т. е., по сути, деонтологизации культуры (так, к примеру, мы можем наблюдать аккумуляцию материально-потребительских смыслов и утрату позиций смыслов духовных и морально-нравственных и т. д.); когда же речь заходит о ценностном кризисе культуры, то в этом случае мы ведем речь о том, что именно трансформация смыслов бытия как отражение кризиса культуры в результате приводит к наступлению ценностного кризиса. Иными словами, ценностный кризис является результатом системного кризиса самой культуры.

Далее сделаем несколько замечаний относительно использования понятий «ценностный кризис культуры» и «кризис ценностей». Среди зарубежных исследователей выработалась единая исследовательская линия относительно соотношения данных понятий. Так, например, польские ученые Х. Матёва и Я. Дворжек полагают, что «кризис культуры как объект исследования подразумевает констатацию конкретных его проявлений, т. е. акцент делается все же на слове "кризис", в то время как ценностный кризис свидетельствует о сущностном анализе данного явления»²⁴. Эту точку зрения также разделяют Н. Тренкле и Дж. Робинсон: «Ценностный кризис мы видим в глубине явлений, он захватывает не только сами ценности, но и нормы. Что касается кризиса ценностей, то в этом случае мы должны четко обозначить, какие именно ценности такой кризис поразили, – и мы можем уклониться в

²³ Asakaviciute V. Cultural Crisis as a Decline in Human Existential Creativity. *Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology*. 2018. № 15(1). P. 65-83; Antholz I. Ein Paradigma von Werten, auf die sich alle freuen. Bonn, 2010.

²⁴ Mat'ová H., Dvoracek J. CSR concept and the Value Crisis // *Intercathedra*. 2023. Vol. 29/1. P. 391.

многочисленные примеры, которые будут об этом говорить»²⁵. Примерно в этом же направлении развивает свою мысль другой автор – Э. Джимту: «Можно было бы и дальше использовать кризис ценностей для того, чтобы различить процессы, происходящие в культуре под воздействием глобализационных и модернизационных трансформаций, однако мы бы не смогли приблизиться к пониманию того, как и почему этот кризис происходит, в таком случае мы должны, вероятнее всего, применить иной подход – выявить ценностный кризис как маркер социокультурной реальности»²⁶. Важность дифференциации явлений ценностного кризиса и кризиса ценностей также обнаруживает в своих суждениях представители экономической науки С. Нароцки и Н. Безнер, считающие, что явление кризиса характерно для ценностей, которые подвержены влиянию различных обстоятельств, и если ценностный кризис поражает всю систему ценностных связей и отношений, то кризис ценностей, если о нем вести речь, предельно конкретизирует эту систему и эти взаимодействия»²⁷.

С учетом этих мнений можно сделать следующий вывод: когда в качестве объекта исследования выступает кризис ценностей культуры, то мы должны четко представлять, о каких именно ценностях идет речь (например, нравственных, политических, эстетических или других) и какие воздействия на них привели к состоянию кризиса. В то же время, когда рассматривается ценностный кризис, то мы должны исследовать все условия его возникновения, которые могут быть связаны с глубинными процессами, происходящими в самой культуре, например, это может быть разрыв связи между поколениями носителей культуры, приоритет модернизации и т. д. Объясняя свой выбор в пользу ценностного кризиса культуры, мы также можем апеллировать к специфике его возникновения в цивилизационных условиях. Здесь мы также принимаем во внимание точку зрения современного

²⁵ Trenkle N., Robinson J. Value and Crisis: Basic Questions. Mediations. 2013. Vol. 27. Is. 1–2. P. 18.

²⁶ Gemtou E. The Concept of Crisis in Art and Science // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2013. Vol. 5. № 3. P. 31.

²⁷ Narotzky S., Besnier N. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy. Current Anthropology. 2018. Vol. 55. Sup. 9. P. 4–16.

индийского исследователя М. Деббарма, полагавшего, что «цивилизационные скачки культурного развития в наибольшей степени позволяют нам установить пределы ценностного кризиса, поскольку именно ценности и нормы более всего отзывчивы на такого рода изменения»²⁸. К слову сказать, вариации тематики кризиса в культуре или кризиса культуры все же довольно разнообразны. Например, П. С. Гуревич в известной своей работе «Кризис ценностных ориентаций» использует понятия «кризисная культура» и «ценностный вакуум», имея при этом в виду, что кризисная культура «стремится обуздать спектр ценностных ориентаций, стянуть их к нескольким точкам, обескровить содержание культуры. Сегодня в отечественной культуре наметилась очевидная опасность, связанная с ценностным вакуумом»²⁹. Таким образом, в случае соотношения кризиса ценностей и ценностного кризиса мы будем придерживаться обозначенного исследователями подхода, в частности, ценностный кризис связывается с системными процессами, происходящими в культуре под воздействием различных детерминант, важное значение среди которых занимает цивилизационный детерминант.

В этой связи можно предположить, что с возрастанием роли цивилизации в бытии человека усиливаются проявления ценностного кризиса в культуре, и он приобретает практически постоянный характер. В этом смысле ценностный кризис может рассматриваться как перманентное состояние современной культуры независимо от фактора эпохи. Наиболее распространенной точкой зрения является мнение о том, что ценностный кризис в пространстве культуры является вялотекущей или обостряющейся формой неприятия происходящих в мире социальных трансформаций, затрагивающих бытие человека. Так, например, ряд зарубежных исследователей обнаруживает в ценностном кризисе культуры ее выход за рамки эпохи и даже цивилизации: культура как будто бы отвечает своим

²⁸Debbarma M. Importance of Human Values in the Society. International journal of English Language, Literature in Humanities. 2020. Vol. 2. Is. 1. P. 191.

²⁹ Гуревич П. С. Кризис ценностных ориентаций. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1657949855&tld=ru&lang=ru&name=Gurevich_Krizis_cennostnikh_orientaciy (дата обращения 17.12.2021).

ценностным кризисом на события и метаморфозы, происходящие в обществах и захватывающие все человечество. Смена власти, процессы глобализации, неорганическая модернизация, политические конфликты и т. д. – все это так или иначе может сказаться на проявлениях ценностного кризиса. С другой стороны, по словам Джона Холдена, ценностный кризис культуры обладает по крайней мере двумя выраженными свойствами: во-первых, он сопутствует развитию человеческой культуры независимо от конкретного времени и пространства, т. е. в любое время мы можем обнаружить признаки кризисного культурного состояния (Холден объясняет такое положение дел не столько изменениями самих ценностей, сколько поиском концепции личности), во-вторых, ценностный кризис мы можем наблюдать в условиях интенсивного развития цивилизационных факторов, под которыми понимаются поиск новых ценностей, развитие технологий, смещение стереотипов восприятия реальности (например, в системе постмодернизма) и т. д.³⁰ Таким образом, закономерно, что ценностный кризис, с одной стороны, является, по сути, неотъемлемой приметой культурного развития в любую эпоху, но, с другой стороны, более выражен для современной культуры, которая в наибольшей степени подвержена влиянию различных цивилизационных факторов.

Исходя из этого обстоятельства, мы также, вслед за Дж. Холденом, будем рассматривать ценностный кризис в проявлениях именно современной культуры, находящейся в условиях цивилизационного развития под существенным прессом различных политических, социально-экономических и прочих обстоятельств. Но в то же время нельзя упустить из внимания важную мысль, высказанную Холденом по поводу роли человека в понимании кризисного состояния и самой культуры, и ее ценностной системы. Именно данному аспекту в исследовании ценностного кризиса культуры уделяют внимание в последнее время многие авторы: П. С. Гуревич, например, отмечает следующее: «Ныне мы живем в эпоху разрушающихся и исчезающих традиций.

³⁰ Holden J. Cultural Value and the Crisis of Legitimacy Why culture needs a democratic mandate. London, 2006. P. 17–19.

Поэтому вместо того, чтобы новые ценности создавались посредством обнаружения уникальных смыслов, происходит обратное. Универсальные ценности приходят в упадок. Поэтому все большее число людей охватывается чувством бесцельности и пустоты или экзистенциальным вакуумом. Тем не менее, даже если все универсальные ценности исчезнут, жизнь остается осмысленной, поскольку уникальные смыслы остаются не затронутыми потерей традиции»³¹. Отчасти идею экзистенциального вакуума разделяет Л. Н. Столович, полагая, что «в ценностных представлениях значения субъективны (они могут быть индивидуально-субъективными или же коллективно-субъективными, «партийными»), сами же ценности характеризуются объективными значениями. Каков критерий этой объективности? Он абстрактен и вполне конкретен – отношение к Человеку и Человечеству»³². В конечном итоге встают вопросы о ценностном переосмыслении и о том, насколько современный носитель культуры способен опознавать, декодировать многочисленные смыслы бытия. По сути, мы можем наблюдать следующую картину: меняются ценности – меняется человек – меняются смыслы бытия – меняются системы оценок этих смыслов: парадигмы, концепции, методологические ракурсы.

Ценностный кризис культуры, безусловно, отражается на человеке; данный аспект проблемы активно рассматривается в русле философской антропологии. В рамках теории и истории культуры для нас имеет значение акцент на цивилизационном факторе, влияющем на ценностный кризис культуры. В этой связи нами принимается за основу определение ценностного кризиса культуры, предложенное Дж. Холденом: *«ценностный кризис культуры – это такое состояние, при котором скорее изменяются не сами ценности, ведь они могут оставаться неизменными на протяжении огромного числа лет или даже эпох, а смыслы бытия, закрепленные за ними, а*

³¹ Гуревич П. С. Указ. соч.

³² Столович Л. Н. Аксиологические течения в современной русской философии // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 4 (32). С. 13; Столович Л. Н. И. Кант и проблема ценности // Кантовский сборник: Научный журнал. 2009. № 2 (30). С. 20–30.

интерпретации этих смыслов зависят от множества причин»³³. Данный подход согласуется с рядом суждений исследователей, которые наблюдают в ценностном кризисе культуры «рассогласованность» смыслов бытия, а точнее – изменение систем координат, в рамках которых данные смыслы идентифицируются, получают дополнительные коннотации и т. д.³⁴ Таким образом, принимая за основу позицию Холдена в трактовке ценностного кризиса культуры, мы в дальнейшем предполагаем развить ее исследовательский потенциал.

Данный аспект проблемы трудно отделить от проблемы ценностных трансформаций. В частности, возникает закономерный вопрос: насколько оправданным является положение, согласно которому трансформация ценностей, например изменения в системе общечеловеческих ценностей или даже Абсолютов, действительна? Мы полагаем необходимым развить эту тему в третьем параграфе настоящей диссертации. Здесь же отметим, что, конечно, ценности чрезвычайно изменчивы; выше уже приводилась цитата П. С. Гуревича, полагавшего систему ценностей достаточно подвижной, изменчивой, как будто в ней априори заложены основания или механизм трансформации. Но обязательно ли в связи со сменой ценностей или ценностных приоритетов возникает ценностный кризис культуры? Переход к новым ценностям, по мнению Н. И. Лапина, «осуществляется под воздействием новых потребностей индивидов и общества, влечет новые дифференциации их отношений»³⁵. Ученый также соотносит кризисы социальный и ценностный, считая при этом, что они почти всегда сопутствуют друг другу³⁶. То есть вполне ожидаемо новые потребности человека, с одной стороны, предполагают новые ценности, с другой стороны,

³³ Holden J. Указ. соч. С. 33.

³⁴ Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск, 1998; Ласло Э. Предисловие. На пути к планетарному сознанию // Аршинов В. И., Лайтман М., Свирский Я. И. Сфирот познания. М., 2007. С. 4–14; Баева Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей. Астрахань, 2008.

³⁵ Лапин Н. И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 11.

³⁶ Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 4. С. 120–159.

следуют за уже включенными в ценностно-нормативную систему культуры ценностями.

В работе О. И. Жуковой и С. А. Пушненконой утверждается, что «происходит пересмотр ценностей и "перестройка" старых аксиологических приоритетов, сопровождающиеся изменением ценностной иерархии в аксиосфере культуры. Одновременно с этим, в процессе создания и актуализации новых ценностей, начинает создаваться новая система ценностей, с новой иерархией их взаимоотношений – вырабатывается новая аксиологическая парадигма»³⁷. Как видим, ученые отмечают, что параллельно с изменениями в системе ценностей меняется и парадигма, в которой данные системы ценностей трактовались. С течением времени само отношение к ценностям меняется, изменяются парадигмы и подходы, которые трактуют ценности определенным образом. В конечном итоге любая парадигма «кризисности» вполне закономерно будет отмечать любые сдвиги в системе ценностей как кризисные и соответственно идентифицировать ценностный кризис культуры. С этой точки зрения позиция немецкого культурфилософа Г. Мекера позволяет вполне резонно представить следующую трактовку ценностного кризиса культуры: «... *ценностный кризис* не обязательно связан с крушением ценностей или их серьезными трансформациями, скорее всего он является следствием многократного осмысления и переосмысления данных ценностных изменений: очевидно, что ценность Бога, хотя и является абсолютной, но в то же время подвержена изменениям намного большим, чем ценность духа и души»³⁸. В связи с этим можно обратиться к известному примеру, имеющему политическую окраску. Его описывает П. С. Гуревич как пример смещения ценностных приоритетов, когда речь заходит о ценности Бога: «Весной 2005 года редактор отдела культуры датской газеты Jyllands-Posten Флемминг Роуз опубликовал карикатуры на пророка Мухаммеда. Эти материалы вызвали

³⁷ Жукова О. И., Пушненко С. А. Аксиологический кризис и поиск общечеловеческих ценностей в современном социокультурном пространстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4–1. С. 239.

³⁸ Mecker G. Kulturkrise: Einschätzungen von Zuständen und Wandlungen von Werten und Normen. Berlin, 2022. 239 P.

огромный скандал, захвативший исламский мир. Детский писатель, который писал книгу про пророка Мухаммеда выступил в прессе, заявив, что он не может найти для нее художника: все карикатуристы боялись за свою жизнь. Впоследствии удалось обязать художников, но они настаивали на анонимности»³⁹. Хорошо известно, чем обернулось покушение на одну из ключевых ценностей исламского мира в этом случае. Примеры такого рода серьезных покушений на ценности – это попытка их переосмысления, смены парадигмы, возможно, новый подход. Но и он нуждается в серьезной проработке, он не может быть в угоду политике, экономике. Он должен учитывать глубинные социокультурные процессы, приведшие к традиционализации той или иной ценности, а также необходимость смещения приоритетов в интерпретации ее роли в жизни человека и общества.

Исходя из этих позиций можно установить, что ценностный кризис культуры может трактоваться в следующей системе координат:

- 1) трансформация смыслов бытия, закреплённых за теми или иными ценностями в силу различных культурно-исторических, социокультурных и иных обстоятельств (например, трансформация смыслов гражданственности, религиозности, образованности, потребительства, экономизма, технократичности и т. д.); некоторые исследователи отмечают в связи с этим, что «ценности в рамках ценностного сознания как новой формы мировоззрения, во-первых, выходят из подчиненного положения, во-вторых, вбирают в себя и переосмысливают все разнообразие имеющихся мировоззрений, поскольку требуется коммуникация и поиск продуктивных компромиссов между представителями этих разных мировоззрений»⁴⁰;
- 2) утрата конкретных традиционных ценностей или их существенное видоизменение (к примеру, трансформация ценности семьи, других общечеловеческих ценностей): «... в России ценностный вакуум особенно очевиден, поскольку он сопряжен с распадом базовых ценностей –

³⁹ Гуревич П. С. Указ. соч.

⁴⁰ Розов Н. С. Указ. соч.

патриотизма, нравственного здоровья, национальной идеи»⁴¹. Но следует также учитывать и третий вектор измерения ценностного кризиса культуры, который связан с *цивилизационным фактором*.

В «столкновении» культуры и цивилизации, в серьезных онтологических и гносеологических проблемах, вызванных данным «столкновением», появляются механизмы, влияющие на прочное закрепление ценностного кризиса в пространстве культуры. Речь идет о факторе конфликта цивилизаций. Так, А. В. Скоробогатко полагает, что «на фоне самых общих процессов остался относительно незамеченным юбилей для западной цивилизации. Прошло ровно пятьсот лет со времени принятия Западом лютеровских реформ. Западная цивилизация достаточно давно и основательно начала отказываться от первохристианской догматики и двигаться к новому религиозному мировоззрению. Это, в свою очередь, отразилось на общественной морали, традициях, укладах, нормах и ценностях»⁴². Действительно, трудно рассчитывать на сохранение статуса тех или иных ценностей в условиях конфликта цивилизаций, который иногда даже называют конфликтом миров⁴³. Развитие современной культуры в контексте теории и истории культуры все чаще рассматривается сквозь призму противостояния цивилизации и ценностно-нормативных систем.

В этой связи представляется возможным выделить несколько направлений философско-культурологических исследований, в рамках которых при идентификации ценностного кризиса культуры учитывается именно цивилизационный фактор. При этом под *цивилизационным фактором*, оказывающим воздействие на ценностный кризис культуры, нами вслед за Роем Гудвином Д'Андрате понимается *«ценностно-нормативный вектор изменения*

⁴¹ Гуревич П. С. Указ. соч.

⁴² Скоробогатко А. В. Проблемы и кризис в сфере ценностей в современном мире: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 20.

⁴³ Frohlich M. Spiritual Discipline, Discipline of Spirituality: Revisiting Questions of Definition and Method. Spiritus A Journal of Christian Spirituality. 2001. № 1 (1). P. 71.

в развитии современной культуры в сопряженности с развитием цивилизации»⁴⁴.

В системе исследований с учетом данного фактора можно выявить следующие направления: 1) рассмотрение ценностного кризиса культуры на основе трансформации общечеловеческих ценностей, поскольку именно они при наличии тенденции к уверенному сохранению своего статуса в культурно-историческом пространстве все же подвержены значительным изменениям под воздействием цивилизационного фактора⁴⁵; данное направление исследований делает акцент на том, что цивилизационный фактор является одним из основных в том случае, если речь идет о сохранении тех или иных ценностей культуры или же об их трансформации; Э. Тоффлер, например, отмечает, что наиболее яркие и «точные» ценности, которые отражают истинные смыслы бытия и одновременно «схватывают» национальную специфику культуры, при кажущейся их незыблемости на самом деле в наибольшей степени уязвимы под воздействием цивилизационных процессов: ценности труда, мира, добра и другие претерпевают серьезные потрясения⁴⁶; 2) идентификация ценностного кризиса культуры в связи с культурным лагом, когда развитие культуры происходит неравномерно и одни элементы не успевают за другими; наиболее часто это происходит под воздействием цивилизационного фактора в силу того, что модернизационные процессы происходят по нарастающей; на этот счет исследователи склонны полагать, что «модернизация – кумулятивно самовозрастающая эволюция цивилизации и благополучия людей. Но это отнюдь не линейный процесс. Выбор людьми новых способов воздействия на объекты и результаты своей деятельности, новых условий жизни происходит,

⁴⁴ D'Andrade R. G. Cultural Meaning Systems // Richard A. Shweder, Robert A. LeVine. Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion. Cambridge, 1984. P. 102.

⁴⁵ Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие основания и ценностные приоритеты. М., 2005; Калимуллин Д. Д. Мир смыслов и ценностей духовной культуры. М., 2012; Лавринова Н. Н., Чеботарёв С. А., Кожевникова Т. М. Социальные функции духовно-нравственных традиций в культуре // Неофилология. 2022. Т. 8. № 1. С. 179–192; Сандакова Л. Б. Фреймы повседневного прокреативного дискурса в современной культуре // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 342–351; Столович Л. Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 86–97; Яцук Д. Н. Взаимосвязь духовных ценностей в культуре (философско-антропологический и аксиологический аспекты): автореф. дис. ...канд. филос. наук. СПб., 2002; Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.

⁴⁶ Тоффлер Э. Указ. соч. С. 99–105.

когда нарушается "баланс между заинтересованностями акторов в увеличении своего удовлетворения и в минимизации отсутствия удовлетворения" (приведена цитата Т. Парсонса⁴⁷)»⁴⁸. При этом исследования затрагивают и варианты сохранения статуса ценностей в силу того, что они являются традиционными для определенных территорий или народов и народностей и, таким образом, не оказываются в ситуации культурного лага⁴⁹; 3) предпринимаются попытки исследования ценностного кризиса культуры с позиции трансформаций смыслов бытия, которые видоизменяются в условиях цивилизационного фактора: появляются ценностно-смысловые системы культурной и духовной безопасности, информационных фейков (существенно искажающих культурные и социальные смыслы) и т. д.

Отчасти данные философско-культурологические исследования продолжают линию изучения символизации и кодирования смыслов бытия, но, с другой стороны, затрагивают ментальные особенности культуры и человека, его духовную жизнь и распространяются на систему культурной политики⁵⁰. Как видим, выявленные нами направления исследований в полной мере охватывают философско-культурологическую проблематику кризисности и ценностного кризиса культуры, но также позволяют сформулировать определение понятия ценностного кризиса культуры с учетом

⁴⁷ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 434.

⁴⁸ Лапин Н. И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 11.

⁴⁹ Клямкин И. М. Куда ведет кризис культуры. Опыт междисциплинарных диалогов. М., 2011; Корольков С. В. Этнорегиональная культура: определение понятия // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 4. С. 43–46; Новые идеи в аксиологии и анализе ценностного сознания. Екатеринбург, 2007; Санжеева Л. В. Менталитет как конструкция модели мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11): в 4 ч. Ч. 1. С. 185–189; Семилет Т. А. Идеалы и ценности отечественной культуры в традиционном и новационном измерениях // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2–2 (82). С. 270–274; Степин В. С. Устойчивое развитие и проблема ценностей // Техника, общество и окружающая среда. М., 1998. С. 11–21.

⁵⁰ Ковалева М. В. К вопросу о кризисе системы культурной ценности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 2. С. 230–233; Момина Н. П. Тема кризиса западной цивилизации в историософии Ф. И. Тютчева и Н. А. Бердяева // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 3 (78). С. 97–103 Нейсбит Дж. Мегатренды. М., 2003; Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985; Сидорина Т. Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей. М., 2001; Сидорина Т. Ю. Парадоксы кризисного сознания. М., 2002; Степанова И. Н. Как исчезла вера в европейскую культуру? // В мире научных открытий. 2015. № 7–6 (67). С. 2285–2301; Сулимов С. И., Черниговских И. В. Взаимодействие внутреннего и внешнего варварства в моменты кризиса цивилизации // Вестник Бурятского государственного университета. 2021. № 2. С. 17–26; Шохин В. К. Указ. соч.

цивилизационного фактора. В исследованиях последних двадцати лет не предпринимались попытки детекции такого рода понятия в заданном аспекте.

В определении содержания понятия ценностного кризиса культуры важно придерживаться следующих важных моментов. Во-первых, понятие ценностного кризиса следует отграничивать от других смежных или рядом положенных понятий, таких как кризис культуры и кризис ценностей. И если некоторые исследователи не видят разницы между ценностным кризисом и кризисом ценностей, хотя, как уже отмечалось выше, ряд зарубежных авторов настаивают на их разделении по смыслу, то в случае соотношения кризиса культуры и ценностного кризиса мы исходим из того, что *кризис культуры* – более емкое понятие, затрагивающее, по меньшей мере, состояние ценностей и норм и отмечающее кризис всей ценностно-нормативной культуры. При этом ценностный кризис идентифицируется нами как определенное состояние ценностей культуры, связанное либо с детерминацией культурного развития со стороны социальных, модернизационных или глобализационных процессов, либо с трансформацией смыслов бытия, которая в свою очередь влияет на состояние ценностей и т. д. Во-вторых, необходимо иметь в виду, что ценностный кризис культуры может рассматриваться с учетом цивилизационного фактора, позволяющего определять наличие такого состояния в системе сопряженности культуры и цивилизации. При данном подходе появляются новые возможности более прицельного исследования проявлений ценностного кризиса в культуре с учетом влияния цивилизационного развития.

Таким образом, *ценностный кризис культуры* рассматривается нами преимущественно как *такое состояние культуры, при котором происходит трансформация смыслов бытия, отраженных в определенных ценностях, чаще всего традиционных, под воздействием цивилизационного фактора*. При таком подходе мы имеем в виду не только отрицательные проявления ценностного кризиса культуры, когда, к примеру, речь идет о вымещении (замещении) традиционных ценностей инновационными (складывается

ценность нового типа семьи и т. д.) или же когда подвергаются существенному изменению общечеловеческие ценности Добра, Красоты и Истины, сопрягаемые с ценностями массовой культуры и потребительства) и другие схожие с этими трансформации, но и положительные явления, которые, напротив, могут стимулировать развитие культуры, но воспринимаются именно как «кризисные», поскольку обладают выраженным инновационным потенциалом. Пример такого состояния в контексте протекающих европейских социокультурных процессов приводит В. Азакавичуте: система ценностей Европы длительное время двигалась по пути выработки единого системообразующего фактора – «культурной интеграции», теперь обнаруживается тенденция к десемантизации данного смыслового комплекса, а вместе с ней и приход нового явления – «культурной дезинтеграции»; но надо понимать, что это может оказаться совсем не плохим состоянием, т. к. культуры вновь получают формат своего уникального и самобытного развития⁵¹. Исследователь как раз в этом обобщении демонстрирует необходимость учитывать сразу несколько важных аспектов понимания ценностного кризиса культуры: 1) в основе данного явления, как правило, лежит трансформация смыслов – отрицательная или положительная для человеческого бытия, но чаще со знаком минус, поскольку само понятие кризисности и кризиса имеет преимущественно негативные коннотации; 2) следует учитывать цивилизационный фактор, который не только символизирует собой сложные системные отношения культуры и цивилизации, но и позволяет проследить, каким образом изменения, носящие цивилизационный характер (развитие технологий, искусственного интеллекта, процессов модернизации во всех сферах бытия) сказываются на состоянии культуры и ее ценностей (изменились ли приоритеты традиционных ценностей добра, истины, красоты, гражданственности, религиозности и др.) или все-таки изменились сами смыслы бытия, а ценности остались прежними.

⁵¹ Asakaviciute V. Указ. соч. Р. 82.

Таким образом, на данном этапе исследования можно сделать следующие предварительные выводы: 1) в современных философско-культурологических и междисциплинарных исследованиях ценностный кризис культуры чаще всего идентифицируется как самостоятельное явление, связанное с изменением статуса тех или иных ценностей (например, утратой универсальными ценностями своего статуса и т. д.); в этом смысле культура, рассматриваемая как система ценностей и норм, демонстрирует трансформации данных элементов под воздействием технического прогресса, социальных, политических, территориальных, этнонациональных и иных детерминант; вместе с тем следует иметь в виду, что для определения более полного ракурса исследования ценностного кризиса культуры явно недостаточно констатировать только лишь изменения статуса ценностей, их преобразование в культурные нормы или, наоборот, культурных норм в ценности; 2) включение цивилизационного фактора в данный ракурс исследований позволит представить ценностный кризис культуры несколько в ином ключе, а именно как трансформацию смыслов бытия, которая происходит в силу цивилизационных изменений (изменений в сфере труда – «бесполезность труда»⁵², потребностей⁵³, финансов⁵⁴ и т. д.), а затем получает фиксацию или точнее – отражение в конкретных ценностях культуры. При этом ценностный кризис идентифицируется только тогда, когда мы не только констатируем смену конкретных ценностей или иные ценностные процессы, но и определяем границы трансформации смыслов бытия, возникающие в силу цивилизационного фактора.

1.2. Культурфилософская рецепция кризисности и ценностного кризиса культуры

⁵² Попов Е. А. Беспольный труд: концепция Дэвида Грэбера // Философский журнал. 2022. Т. 15. № 2. С. 94–108.

⁵³ Лапин Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3–15.

⁵⁴ Лаццарато М. Деньги, долг и война // Логос. 2019. № 6 (133). С. 73–84.

Явление кризисности лежит в основании культурфилософской рецепции ценностного кризиса культуры. Данный вид рецепции становится уникальным направлением осмысления значимых феноменов и процессов развития культуры, социокультурной динамики, приобретая характер междисциплинарного, отталкивающегося от онтологических, антропологических, социально-философских, историко-философских и других научных подходов к исследованию культурной проблематики в самом широком пространстве ее звучания. Кризисность – это обобщенное состояние культуры, которое как будто бы стало неотъемлемой характеристикой развития самой культуры и все чаще в границах тех или иных парадигм и подходов оценивается в негативном ключе. Например, в европейском философском журнале «Кризис. Журнал современной философии»⁵⁵ регулярно публикуются статьи, освещающие проблематику кризисности в широкой ее трактовке как отражающую состояние бытия человека и общества. Кризисность захватывает умы людей, культуру, социокультурную динамику, мораль, но также распространяется на климат, менеджмент, политические процессы и т. д.

Но все же, если рассматривать кризисность с точки зрения смысловой определенности, необходимо не столько отмечать ее разящее влияние на все стороны человеческого бытия, сколько стремиться объективировать, конкретизировать, выявить наиболее значимые аспекты, позволяющие «уловить» кризисность в различных формах или видах ее проявления. Известный нидерландский исследователь Гас Ван Оуэн в статье «Разразился кризис: идентичность, политика, культура» дает следующую трактовку кризисности: по сути, всё, что «мы видим, или всё, что мы так или иначе переосмысливаем, может уже сейчас находиться в состоянии кризисности. Это такое состояние, когда ощущается тонкая грань между смыслами бытия: она вот-вот может совсем исчезнуть, и смыслы тоже потеряются, а может еще долго и долго висеть на одном волоске и питать наши иллюзии...»⁵⁶.

⁵⁵ Krisis / Journal for Contemporary Philosophy. URL: <https://krisis.eu> (дата обращения 14.01.2022).

⁵⁶ Van Oenen G. Krisis breekt uit: identiteit, politiek, cultuur // Krisis. 2022. № 40 (1). P. 31.

Признаем, что именно в таком направлении – ценностно-смысловом – трактовка кризисности предпочтительнее для глубинного понимания этого состояния. Мы можем лицезреть многочисленные проявления кризисности во многих явлениях и процессах, но всегда ли мы можем дать ответ на вопрос о происхождении этих состояний. Возможно, в таких промежуточных случаях совершенно нет необходимости вести речь о кризисности и можно ограничиться другой интерпретацией, более отвечающей духу эпохи, онтологии, сопряженности смыслов бытия и т. д. На эту сторону кризисности, в частности, обращает внимание немецкий исследователь Тивадар Вервурт в статье «Идентичность, кризис и критика». Он считает, что кризисность только кажется бесконечной, взявшейся от самой природы общества, человека, но на самом деле мы наблюдаем кризисность в условиях сопротивления двух важнейших систем бытия – культуры и цивилизации; когда об этом заходит речь, можно быть уверенным наверняка, что в таком сопротивлении состояние кризисности является само собой разумеющимся⁵⁷. Для цели настоящего исследования данное суждение имеет важное значение: мы вслед за указанными авторами будем трактовать *кризисность* как *состояние, связанное с ценностно-смысловыми трансформациями, вызванными главным образом «сопротивлением» по отношению друг к другу культуры и цивилизации.*

Такой подход открывает перспективы для идентификации ценностного кризиса культуры и одновременно для констатации фактов изменения самой системы оценивания кризисности и кризиса в культуре. Как отмечает Е. А. Попов, «состояние кризисности проявлялось как в “заблуждении” философской мысли..., так и собственно в системных противоречиях культуры...»⁵⁸. Кризисность и ценностный кризис культуры в трудах философов в рамках культурфилософской традиции вызывают неоднозначные трактовки, которые нам необходимо отметить, чтобы понять, насколько продуктивно установление

⁵⁷ Vervoort T. Krisis, identiteit en kritiek. Krisis. 2022. № 40 (1). P. 62–63.

⁵⁸ Попов Е. А. Особенности витального комплекса русской культуры XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2006. С. 3.

«сопротивления» цивилизации и культуры для идентификации ценностного кризиса культуры.

Сначала установим параметры кризисности как ценностно-смысловой трансформации. По словам Карла Ясперса, «после того как произошло расколдование мира, мы осознаем разбожествление мира, собственно говоря, в том, что нет больше непререкаемых законов свободы и его место занимают порядок, соучастие, желание не быть помехой»⁵⁹. Используемые мыслителем метафоры дают возможность представлять состояние кризисности в очень ярких тонах. Но Ясперс предложил вполне релевантную методологию для исследования кризисности. Ее он применил для раскрытия содержания осевого времени и в целом мировой истории, предложив оценивать их состояние через систему трех главных координат: 1) всеобщность – индивидуальность (такую же систему предлагает и О. Шпенглер, отмечая, что следует соотносить «возможную и действительную культуру, т. е. культуру как идею – *общего* или *единичного* – существования и культуру как плоть этой идеи»⁶⁰; любое явление бытия находится в рамках всеобщего и индивидуального, пребывая либо в том, либо в другом состоянии, переходя из одного состояния в другое и т. д.; 2) начало – завершенность; обязательно должен произойти переход к завершенности, но в определенных случаях завершенность эфемерна, а начало само по себе становится перманентным состоянием и уходит в бесконечность («бесконечное начало», отодвигающее завершенность); 3) единство – противоположность; явления культурной сферы подчинены единству: ценности и нормы объединяются в ценностно-нормативную систему, чтобы осуществить передачу социально-культурного опыта между поколениями; цивилизация в противоположность культуре ценности и нормы разъединяет, стремиться абсолютизировать устройство мира, а не духа⁶¹.

⁵⁹ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 336.

⁶⁰ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1998. С. 204.

⁶¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 249–264.

В таком случае, если мы опираемся на предложенную систему (или парадигму), мы можем определить параметры кризисности, наблюдаемой в культурной сфере: во-первых, всеобщность в форме цивилизации распространяется на все эпохи и в особенности захватывает современную реальность, отражая в ней неупорядоченность смыслов: каждый индивид ощущает воздействие плохой экологии от бурного развития загрязняющих атмосферу и в целом природу производств по всему миру, но в то же время человек не способен категорически признать, что готов отказаться от такого положения дел, т. к. получает дивиденды в виде комфортной жизни, удовлетворения своих массовых потребностей; культура выражает свои смыслы на уровне индивидуальной ценностной определенности: пытается сохранить свою уникальность, сопротивляется влиянию модернизационных процессов, обеспечивает передачу культурного опыта внутри поколений и т. д. – в результате соотнесения всеобщности цивилизации и индивидуальности культуры мы можем наблюдать кризисность как сопротивление цивилизации и культуры, при этом носителю культуры приходится все время пребывать в состоянии выбора между кластером своих атрибутивных потребностей и постижением смыслов духовной культуры.

Во-вторых, цивилизация все время находится в состоянии смыслового «начала» – она занимается поиском все новых возможностей для получения совершенных технологий, продвижения трендов, связанных с искусственным интеллектом, роботизацией; можно сказать, что цивилизация берет свое начало в определенном историческом периоде и затем все время набирает свои обороты, как бы начиная заново отсчитывать свое развитие; для культуры всякая непродуманная новизна в коррекции ценностно-нормативной системы губительная, культура пребывает в состоянии «завершенности», потому что она не сможет отказаться от своих традиционных устоев и смыслов и не приемлет новых модернизационных ценностей и норм; эффект кризисности в таком случае неизбежен, он не является каким-то формализованным, объективированным, но он присутствует как основа для развития ценностного

кризиса в силу того, что культура как будто бы «запаздывает» за цивилизационным фактором. Наконец, в-третьих, нужно учитывать соотношение единства и противоположности: цивилизация основана на соединении усилий всех субъектов человеческого бытия для прорывов в технике и технологиях, но при этом такое единство эфемерное, оно направлено на «заколдовывание» реальности, навязывание ей смыслов комфорта, уюта, благополучия, беспредельности финансовых потоков и т. д.; культура соткана из противоположностей: в ней даже культурные универсалии, которые, казалось бы, должны поддерживать каркас культуры, вполне подвержены трансформации: универсалия мира подменяется универсалией войны, универсалия духовности универсалией антидуховности – состояние кризисности сопутствует данному соотношению, оно не всегда идентифицируется именно как кризис в соотношении цивилизации и культуры, однако вполне становится неким ценностно-смысловым «фоном» для всех протекающих на данной волне социальных, политических, экономических и других процессов и изменений.

Учитывая данные особенности, можно признать, что состояние кризисности является перманентным и неизбывным, соответствует цивилизационно-культурным трансформациям, по сути, является вневременным, проявляющимся как в архаичные эпохи, так и в современных условиях. Данное обстоятельство свидетельствует, кроме того, о том, что в силу состояния кризисности происходят глобальные изменения смыслов, поэтому вполне вероятно, что в таких условиях происходит контаминация общечеловеческих ценностей, возрастает давление на культурные универсалии под воздействием цивилизационного фактора; в конце концов происходит перестройка всей системы смыслов человеческого бытия. *Эти смыслы аккумулируются в системе ценностей и антиценностей.* Так, например, универсалии Добра и Зла, являясь классическими, неизбывными для культуры, получают антиценностные коннотации, поскольку цивилизационный фактор меняет приоритеты: Зло становится более

всеобъемлющим, Добро уступает в силу выраженной духовной организации. Ф. Ницше отмечал: «Поскольку "зло" может быть рассматриваемо как преувеличение, дисгармония, диспропорция, постольку "добро" может быть, так сказать, предохраняющей диетой против опасности впасть в преувеличение, дисгармонию и нарушение пропорций»⁶². Не случайно, по-видимому, для установления «пропорций» зла, добра и ада Институт философии РАН объявил в 2021 году исследование на тему «Является ли злом существование ада?»⁶³. Такой ракурс осмысления проблематики кризисности свидетельствует как об изменении расстановки сил в соотношении добра, зла (ада), так и о подвижках в системе осмысления данных явлений человеческого бытия.

Еще в более сложной системе координат «цивилизация – культура – мировая история» проблему кризисности исследуют С. Хантингтон в известной работе «Столкновение цивилизаций?»⁶⁴ и его ученик Ф. Фукуяма в трактате «Конец истории?»⁶⁵. Оба автора ставят знак вопроса в конце своих ключевых определений, тем самым призывая ученых к большой дискуссии.

Следует отметить, что при всей очевидной политической детерминированности представленных концепций, в них явно прослеживается апелляция к роли культурных ценностей в столкновении цивилизаций. Мы полагаем, что в целом оба мыслителя сходятся в одной из ключевых позиций: они рассматривают универсальную историю человечества как необходимое условие снятия кризиса и кризисности политического, экономического, социального и культурно-цивилизационного характера. «Универсализм» становится точкой отсчета в преодолении столкновения цивилизаций, равно как и в преодолении конца истории. Рассматривая цивилизацию как основной проводник универсализма, С. Хантингтон, по сути, заявляет о ее фундаментальности для самоопределения народов и их культур: по его

⁶² Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 50.

⁶³ В институте философии РАН объяснили «изучение ада». URL: <https://ria.ru/20211231/issledovanie-1766259309.html> (дата обращения 20.03.2022).

⁶⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.

⁶⁵ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 134–155.

мнению, цивилизации «более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами»⁶⁶. Он рассматривает роль цивилизации в культурной идентификации носителей культуры: принадлежность к цивилизации может определяться стремлением все время изменять мир и его ключевые системные позиции развития (например, включенность в соперничество за обладание ресурсами, военной мощью и т. д.), в то время как принадлежность культуре (самоидентификация) предполагает опору на «стабильные» ценностно-смысловые структуры бытия, имеющие непосредственное отношение к культуре и социокультурным процессам (например, общечеловеческие ценности и нормы, традиционные ценности и т. д.).

Идеи Хантингтона и Фукуямы в свете настоящего исследования важны для понимания соотношения культуры и цивилизации и для выявления смысловой нагрузки так наз. *цивилизационного фактора*, который, в том числе, предполагает выделение универсальных признаков ценностного кризиса современной культуры – признаков, которые позволяют идентифицировать данный фактор в качестве «проводника» ценностного кризиса. Определяющим моментом в этом случае будет являться положение о том, что цивилизационный фактор обеспечил универсальность ценностного кризиса, не только закрепив его в системе социокультурной динамики, но и предопределив его развитие вместе с развитием цивилизации. Отметим, что неким «умиротворяющим» или промежуточным звеном в воззрениях по поводу конца истории или столкновения цивилизаций может служить концепция Р. Гвардини, изложенная им в работе «Конец Нового времени». В ней мыслитель, в частности, отмечает: «Сегодня сомнения и критика идут изнутри самой культуры. Мы ей больше не доверяем. Мы не можем больше, как это делало новое время, воспринимать ее как наше субстанциальное жизненное пространство и надежный порядок жизни. И уж подавно мы не видим в ней – как «объективном духе» – воплощения истины вашего бытия. Напротив, мы явственно ощущаем, что с ней что-то не так. Нам нужно ее остерегаться, быть

⁶⁶ Хантингтон С. Указ. соч.

начеку. И не потому только, что в ней есть недостатки или она представляет исторически пройденную ступень, а потому, что самая ее воля и заданная ею парадигма ложны. Потому что делу рук человеческих вообще нельзя доверять так, как это делало новое время – ни ему, ни природе»⁶⁷. Гвардини не ставит под сомнение весь ход истории, однако подвергает серьезной критике конкретный исторический этап, и его аргументы звучат довольно убедительно.

Таким образом, нам необходимо показать, что, с одной стороны, культура в результате ценностного кризиса лишается своего универсального смысла (например, в закреплении общечеловеческих ценностей и норм в качестве механизма преемственности культур), с другой стороны, она сохраняет свой универсализм через цивилизационный фактор, который «предзадает» ценностный кризис культуры в ее историческом развитии.

Тема кризисности, как мы видим, становится предметом культурфилософской рецепции. При этом она так же, собственно, как и ценностный кризис культуры, приобретает важное направление для исследования в рамках культурфилософской методологии. Далее мы рассмотрим основные направления культурфилософской рецепции ценностного кризиса, обратившись к работам известных мыслителей, развивавших идеи кризисности и ценностного кризиса, а также переосмысливавших системное соотношение культуры и цивилизации. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что зачастую в данном вопросе концепции зарубежных и отечественных мыслителей разводятся, поскольку общеизвестно, что те и другие обращали внимание прежде всего на этнонациональную специфику проявления кризисности и ценностного кризиса. Однако ценностный кризис – это преимущественно универсальное явление, характерное для всех культур в различные эпохи их становления и развития; более того, любая культура в своем формировании и последующем

⁶⁷ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. URL: http://krotov.info/libr_min/04_g/va/rdini.htm (дата обращения 21.10.2021).

развитии содержала признаки ценностного кризиса изначально, он был в ней заложен и предопределен изначально. При этом для достижения новизны в анализе указанных направлений культурфилософии мы будем исходить из положения, согласно которому цивилизационный фактор ценностного кризиса культуры является его основным маркером.

Прежде всего отметим, что рецепция ценностного кризиса культуры простиралась еще во времена античности, когда, например, Платон соотнес ценностный кризис с разочарованием в демократии и одновременно был обеспокоен поиском общепринятых метафизических ценностей, которые могли бы смягчить последствия такого кризиса. Во многом платоновский ракурс предопределил дальнейшие культурфилософские искания мыслителей: в действительности, поиск таких «общепринятых ценностей» занимал умы многих и многих философов различных культурно-исторических эпох. Но вместе с тем мыслители выявляли роль различных факторов в нарушениях, происходящих в системе ценностей не только универсальных «общепринятых», но и этнонациональных, когда происходило вымещение традиционных ценностей и норм инновационными, модернизационными, глобализационными и т. д. При этом в основании таких процессов рассматривалось не просто веяние времени, требующее новизны, но и переоценка процессов социокультурной динамики. Исходя из того, что в основе идентификации ценностного кризиса современной культуры лежит *цивилизационный фактор* как основа «универсальности» в соотношении культуры и цивилизации, мы в анализе основных направлений культурфилософской рецепции будем ориентироваться на то, как мыслители определяют границы универсальности в проявлениях кризисности и ценностного кризиса.

Первое направление – это *историкоцентристские* концепции, в которых акцент сделан на соотношении культуры и цивилизации сквозь призму переосмысления исторического процесса. Следует отметить, что для многих мыслителей поиск границ мировой истории являлся основополагающим для понимания культурно-исторических трансформаций и их роли в развитии

обществ. Если говорить об универсальности как факторе определения границ исторического процесса и одновременно о возможности идентификации ценностного кризиса культуры, то в этом вопросе можно обозначить *три основных ракурса*.

Прежде всего, речь идет о концептуализации «мира-как-истории» (О. Шпенглер). Используемая Шпенглером формула «мира-как-истории», являющаяся ключевой в его «морфологии мировой истории» (именно такой подзаголовок имеет его трактат «Закат Европы»), позволяет значительно расширить границы истории, но еще важнее – определить ключевые аспекты ценностного кризиса культуры: «Переход от культуры к цивилизации происходит в античности в IV веке, на Западе – в XIX веке. С этого рубежа великие духовные решения приходятся уже не на "весь мир"...»⁶⁸. Универсализм достигался «великими духовными решениями», но в силу перехода к цивилизации его принципы оказались нарушенными. Однако мыслитель не оставляет попытки выявить универсальные особенности ценностного кризиса, рассматривая культуру «как сумму ее очувствленных, ставших пространственными и доступными выражений: деяний и настроений, религии и государства, искусств и наук, народов и городов...»⁶⁹. Универсализм кроется в «очувствлении», когда культура воспринимается не просто как система ценностей, а как идея, идея единения неких состояний и смыслов человеческого индивидуального и коллективного бытия. Необходимо подчеркнуть, что Шпенглер предложил свою систему оценок мировой истории, которая вряд ли может считаться универсальной и применимой, например, к восточным типам культур; тем не менее, в его концепции определенным образом представлен универсальный инструментарий для осмысления ценностного кризиса культуры. Такой кризис, с точки зрения Шпенглера, обнаруживается в историческом стыке времен, который оказывается предопределенным в ходе столетий «в точно

⁶⁸ Шпенглер О. Указ. соч. с. 164.

⁶⁹ Там же. С. 204.

установленных границах большого исторического организма»⁷⁰. Именно такой стык времен является предпосылкой для появления ценностного кризиса культуры. Бесспорно, в дальнейшем развитии культуры переходный период от одной эпохи к другой всегда сопровождался ценностно-смысловым кризисом. Пример конца XIX – начала XX столетий свидетельствует о таком кризисе и сложных исканиях нового пути развития общества и культуры (общемировая тенденция смены мировоззренческих систем с акцентом на индустриализме, в отечественной социокультурной традиции – Серебряный век русской культуры и философской мысли).

В концепции Шпенглера *цивилизационный фактор* ценностного кризиса культуры выражен особенно ярко. Нам представляется необходимым отметить следующие его особенности, учитывая позицию мыслителя. Во-первых, цивилизационный фактор определяет движение культуры от восходящего состояния к нисходящему, т. е. цивилизации; такое направление движения происходит не одномоментно, а растягивается во времени и пространстве иногда на тысячелетия, но в любом случае для такой динамики характерны три основных состояния, в которых пребывает культура: 1) поиск символических оснований, сопряженный с «мифологизацией» культуры; 2) «удержание» религиозной специфики развития культуры; 3) идентификация более позднего состояния культурной динамики – цивилизации. Ценностный кризис при этом возникает в любом из указанных состояний культуры: например, в состоянии «мифологизации» культуры может происходить героизация ценностей, что ведет к утрате первоначальных смыслов бытия. Во-вторых, цивилизационный фактор определяет конец или закат культуры. Причем у Шпенглера указанные явления носят вовсе не симптоматический характер, а вполне рациональный, связанный с «закатом Европы», гибелью Запада и т. д.

Вторым ракурсом историкоцентристских концепций ценностного кризиса культуры, как мы полагаем, является известный подход А. Тойнби,

⁷⁰ Шпенглер О. Указ. соч. С. 184–185.

изложенный им в трактате «Постижение истории»⁷¹. Его теория «вызова-и-ответа» является определяющей для развития цивилизаций и культур и символизирует перераспределение социальных сил в ответе на вызовы: нередко творческое меньшинство обладает выраженной социальной энергией для решения цивилизационных проблем, связанных с ответом на вызовы современности. В основе постижения истории как раз лежит цивилизационный фактор; для Тойнби именно цивилизация становится ключевым понятием, которым мыслитель оперирует для обоснования своей культурфилософской позиции. Им было выделено 37 цивилизаций, но дело, конечно, не в том, сколько их на самом деле, а в том, можно ли применить к их анализу какой-либо универсалистский прием, позволяющий идентифицировать ценностный кризис. Как нам представляется, в работе Тойнби такой прием находится; более того, он указывает на то, что при всей непохожести цивилизаций, противоречивости в их судьбе и историческом развитии, частой политической и социальной детерминации их исторического пути, возникает эффект «культурного смысла», который и можно расценивать как универсальный прием. В нашей работе мы обосновываем ценностный кризис культуры через изменение смыслов бытия, «культурных смыслов», поэтому идея Тойнби о том, что именно они являются одним из способов идентификации «универсальной цивилизации», имеет для нас важное значение.

Представляется, что трансформация культурных смыслов, обладающих универсальностью, затрагивает абсолютно все цивилизации, возможно, оказывает воздействие на еще большую их разобщенность, формируя цивилизационный кризис. Таким образом, ценностный кризис культуры может быть описан через кризис цивилизаций. Но в то же время остается не до конца проясненным вопрос о том, какую роль в трансформации «культурных смыслов» имеет именно концепт постижения истории, предлагаемый Тойнби. Можем предположить, что постижение истории – это

⁷¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 2010.

как раз способ соотношения культуры и цивилизации: история как таковая не может быть идентифицирована по иным формам отношений – политике, праву, науке, искусству, морали и т. д. Они являются следствием соотношения (или сопротивления) культур и цивилизаций. С этой точки зрения постижение истории рассматривается нами не просто как отвлеченная метафора, но как концепт, как ценностно-смысловая идентификация человеческой истории через рубежи кризисов культуры и цивилизации: для культуры такими рубежами становятся «ответы», для цивилизации – «вызовы», если использовать подход Тойнби.

С другой стороны, постижению истории противопоставлен конец историзма как такового. Здесь мы обращаемся к подходу Эрнста Трельча, изложенному в книге «Историзм и его проблемы»⁷², а также концепции Фридриха Мейнеке, представленной в работе «Возникновение историзма»⁷³. По оценкам философов, для осмысления развития культуры и цивилизации необходимо прибегнуть к историко-реалистической интерпретации бытия в целях реконструкции исторической действительности. При этом оба мыслителя склонны полагать, что исторический путь развития цивилизации не дает полной картины о том, с какими сложностями она сталкивается в различные периоды, а вот обращение к культурным смыслам вполне способно развеять сомнения по поводу цивилизационного историзма. Мейнеке касается в своей работе и *цивилизационного фактора*, соотнося его с ценностным кризисом культуры: «характерен ли ценностный кризис для любой культуры? Конечно, да. Но что является его основой? Можно было бы здесь заподозрить смещение полюсов в оценках, например, уделить внимание позитивистскому механицизму, однако все дело в цивилизационном факторе – он дает полную картину кризиса: культуры всегда испытывают кризисы, часто ценностно-нормативные, но они не так четко проявляются, иногда носят скрытый характер, но как только мы

⁷² Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994.

⁷³ Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004. С. 5–440.

наблюдаем рост потенциала цивилизации, то сразу же кризис становится реальным и даже рациональным»⁷⁴.

Важное замечание Мейнеке лишней раз подчеркивает необходимость учитывать роль цивилизационного фактора при идентификации какого-либо кризиса культуры, имея в виду и ценностный. По сути, в концепциях мыслителей речь идет о том, что, во-первых, наступает кризис историзма, выразившийся в необходимости поиска новых оснований в оценках исторического процесса, а во-вторых, Трельч связал кризис историзма с мировоззренческим кризисом цивилизации. Таким образом, в подходах Трельча и Мейнеке явно прослеживается идея о *тотальности* кризиса или кризисности, пронизывающей не только мировоззрение, онтологию, но и историзм как фундаментальную основу измерения человеческого бытия во всех его проявлениях. Что Трельч противопоставил кризису цивилизации – «культурный синтез», сопряженный с так наз. европеизмом. При этом важно иметь в виду, что мыслитель рассматривает «культурный синтез» не как формальное единение культур французской, английской и немецкой, а как «удержание» ими своими культурного ядра в неизменном состоянии и в то же время как «обмен смыслами», который прогнозируемо обеспечивает процессы социокультурной динамики. Однако, как замечает Ф. Мейнеке, именно в обмене смыслами и скрывается ценностный кризис культуры: при сохранности культурного ядра, тем не менее, «обмен смыслами» происходит столь разительно, что культуры не способны удерживать свой «центр» в традиционном состоянии и становятся подверженными различным ценностно-смысловым влияниям. По этому поводу Мейнеке отмечает: «... разве только цивилизации склонны к упадку и переоценке ценностей? Культуры также оказываются в непрестом положении, и их тоже настигает кризис, поскольку они с трудом способны удержать свои традиционные ценности в неизменном состоянии...»⁷⁵. Эти утверждения, по сути, совпадают с нашей убежденностью в том, что

⁷⁴ Мейнеке Ф. Указ. соч. С. 221.

⁷⁵ Там же. С. 320.

ценностный кризис культуры является универсальным событием и предопределен как внешними (*цивилизационный фактор*), так и внутренними обстоятельствами социокультурной динамики (например, невозможностью сохранения культурного ядра и традиционных ценностей и норм).

Если у Трельча и Мейнеке обнаруживается идея тотального кризиса, связанного с историзмом, то другой мыслитель – Фернан Бродель выступает за идею тотальной истории. Отчасти его концепция имеет точки соприкосновения с теорией постижения истории Тойнби, но в то же время Бродель предлагает свой взгляд на универсальность данного принципа. Кроме того, он обращает внимание на структуры повседневности, которые так же, как и культура, склонны к кризисности. С точки зрения Броделя, история происходит не от случая к случаю, не от события к событию, а ежедневно и ежечасно. Мыслитель отталкивается от понятия материальной цивилизации и характеризует ее как «поток исторических событий, привносящих все новые и новые явления в окружающую реальность»⁷⁶. Подход философа имеет значение для цели настоящего диссертационного исследования в силу следующих обстоятельств: 1) понятие повседневности актуализируется не только для осмысления «тотальной истории», но и происходящих в культуре событий, таких, например, как эпохальная переоценка ценностей в силу того, что материальная цивилизация «стоит» на материальных ценностях, а культура, прежде всего, на духовных; 2) «тотальная история» – это непрекращающийся обмен смыслами бытия, он носит универсальный характер и подчинен только тому, как спорят за этот обмен цивилизация и культура: «... история пронизывает бытие, порождает смыслы и определяет особую роль общества и человека в их постижении и усваивании – так протекает время очень большой длительности, в котором есть место и для ценностного кризиса, поскольку история предопределяет его включенность в бытие»⁷⁷. Мы в своей работе не станем использовать понятия повседневности

⁷⁶ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2022. С. 76.

⁷⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 3. Время мира. М., 2006. С. 451.

и тотальной истории в качестве ключевых оснований для идентификации ценностного кризиса культуры, однако тот факт, что они связаны с редукцией смыслов бытия и, таким образом, могут способствовать проявлениям ценностного кризиса культуры, нами принимается как один из основополагающих в культурфилософской рецепции кризисности человеческого бытия.

Между тем в историкоцентристских культурфилософских концепциях важное место занимает и третий выявленный нами аспект. Он связан с работами нидерландского философа и историка культуры Й. Хейзинга. В них мыслитель раскрывает роль прогресса в изменении статуса и содержания культуры. «Универсальным» способом идентификации историко-культурного процесса ему представляется поиск идеала: любой прогресс направлен прежде всего на отыскание идеала – идеала культуры, идеала личности, идеала общества, но, как считает Хейзинга, именно стремление обрести идеал связано с высокой степенью рисков для дальнейшего развития любого из атрибутов социального или индивидуального бытия. Идеал несет благо, но всякое благо в определенный момент времени вполне может обернуться «антиблагом»⁷⁸. Важным моментом в концепции мыслителя является исследование культур через призму истории: как правило, исторический процесс ведет к тому, что и культуры оказываются в его влиянии: сложные и неблагополучные эпохи вызывают кризисы культуры и ее ценностей, в то время как эпохи «зрелые» способствуют минимизации последствий кризисного состояния в культуре⁷⁹.

Примечательно, что Хейзинга оперирует и понятием цивилизации, которое он использует в двух смыслах: во-первых, цивилизация предстает как «мерило» материальных и духовных ценностей, и всякий раз она перераспределяет их роль в бытии, во-вторых, цивилизация рассматривается и как своего рода «оператор» высших ценностей: «Если эта цивилизация будет спасена, если она не потонет в веках варварства, но, сохранив свои высшие

⁷⁸ Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. М., 2010. С. 44–48.

⁷⁹ Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 233–235.

ценности, доставшиеся ей по наследству, перейдет в обновленное и более прочное состояние, тогда совершенно необходимо, чтобы ныне живущие отдавали себе отчет в том, насколько далеко зашла угрожающая этой цивилизации порча»⁸⁰. Цивилизация, таким образом, воспринимается мыслителем как прогресс в развитии мысли и культуры, а *цивилизационный фактор* заключается в том, как мы полагаем, что и цивилизация, так же, как и культура, сохраняет высшие ценности, не стремится преобразовать их в такие, которые бы утратили значение для общества и личности. По сути, прогресс у Хейзинга – это и есть цивилизационный фактор; как известно, в деле сохранения высших ценностей особая роль отдается именно культуре, но мыслитель последовательно обосновывает свою позицию, согласно которой цивилизация также выполняет свою функцию по сохранению и трансляции высших ценностей. Следует ли критически относиться к такому положению? Вероятно, да. Исходя из того материала, который свидетельствует об обратном, о повышенной роли цивилизации в деле перераспределения ценностей с приоритетом материальных структур, в трансформации традиционных ценностей и норм, можно говорить о некой идеализации цивилизации. Но вместе с тем Хейзинга верно уловил идею о том, что поиск идеала относительно или культуры, или цивилизации указывает на возможность сохранения ценностей, несмотря на их перераспределение в социальной реальности.

Историкоцентристская позиция нередко обнаруживается и в трудах отечественных культурфилософов, занятых переосмыслением ценностного кризиса культуры. Здесь мы можем отметить два имеющих для нас значение направления рецепции. Прежде всего в воззрениях Н. А. Бердяева обнаруживается проблематика истории, в русле которой осмысливается и ценностный кризис культуры. В ряде своих программных работ русский философ занимает позицию разделения культуры и цивилизации по принципу противоположности, в частности, указывает на существование «ложной и

⁸⁰ Хейзинга Й. Homo Ludens. С. 245–246.

механистической цивилизации, глубоко противоположной всякой подлинной культуре»⁸¹. «Историзм» мыслителя – это универсальное свойство проникновения «исторического материала» в процессы противостояния культуры и цивилизации. С одной стороны, такое противостояние обозначает границы кризиса, связанного с тем, что переосмысливаются исторические факты, и в этом вопросе Бердяев занимает позицию религиозной рецепции, идентифицируя при этом «единичный, неповторяемый, единственный, ни с чем не сравнимый, ни на что не похожий, однажды бывший и не могущий повториться, факт исторический и вместе с тем и метафизический, т. е. раскрывающий глубины жизни, – факт явления Христа»⁸². С другой стороны, мыслитель допускает, что для развития мира необходимо с осторожностью подходить к характеристике всяких ценностей, поскольку они «не нужны для спасения от гибели, могут быть даже вредны – в страшный час смерти лучше забыть о них. Тут ставится для христианского сознания очень мучительный вопрос. Если религиозная жизнь исчерпывается искуплением греха, то высшая, творческая полнота бытия недостижима и не нужна. Бытие суживается и упрощается»⁸³. В конце концов, убеждение в том, что «для нашей эпохи характерно обострение сознания и кризис сознания во всех сферах»⁸⁴, предопределяет ракурс рецепции эпохи в трудах Бердяева.

Для цели нашей работы значение приобретают следующие положения. Во-первых, идея об «ограниченности» ценностей, когда речь идет о кризисности, кризисной эпохе, ценностном кризисе: философ в этом случае на первый план выдвигает необходимость *объективирования* культуры, под которым понимается не «откровение», не творчество, а «качественный уровень культуры», который измеряется в ее соотношении с цивилизацией⁸⁵ или же идентифицируется по признакам упадка, и в этом последнем случае, как пишет Бердяев, «культура постепенно отделяется от своего жизненного, бытийного

⁸¹ Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 302.

⁸² Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 2002. С. 27.

⁸³ Бердяев Н. А. Смысл творчества ... С. 335.

⁸⁴ Там же. С. 275.

⁸⁵ Бердяев Н. А. О культуре // Антология культурологической мысли. М., 1996. С.195–196.

источника и на вершине своей она противопоставляет себя жизни, бытию. Тогда наступает эпоха поздней культуры упадка, самой утонченной и прекрасной культуры. Это – красота отцветания, красота осени, красота, знающая величайшие противоположности...»⁸⁶. При этом он довольно часто использует термин «объективная культура». Во-вторых, историзм Бердяева открывает перспективы для оценок судьбинности культуры как универсалии, характерной для любого типа культурных отношений: надломы в судьбе культуры определяются историческими перевалами, враждой с цивилизацией, но также и трансформацией смыслов бытия: «Культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть осуществление новых ценностей. Все достижения культуры символичны, а не реалистичны. Культура не есть осуществление, реализация истины жизни, добра жизни, красоты жизни. могущества жизни, божественности жизни. Она осуществляет лишь истину в познании»⁸⁷. Необходимость поиска новой системы оценок кризиса культуры ставится Бердяевым во главу угла культурфилософской традиции, признается она и нами. Кстати, в работах другого русского философа И. А. Ильина также прослеживается созвучная Бердяеву мысль относительно судьбинности культуры и всего русского народа. В частности, в своих работах «Грядущая Россия»⁸⁸ и «Сущность и своеобразие русской культуры»⁸⁹ мыслитель проводит линию о том, что судьба России – в ее духовности, национальном характере, приводит ключевые «прафеномены» русской культуры: «молитва; старчество; праздник Пасхи; почитание Богородицы и святых; иконы»⁹⁰, но в то же время высказывает суждение о значимости переоценки ценностей, о роли судьбы в их определении. С точки зрения И. А. Ильина, ценностный кризис может возникнуть тогда, когда к культуре относятся без «чувства» и «созерцания», в тоже время для него характерно «указание на роль сердца как центрального "органа" русской культуры», которое «содержит в себе момент

⁸⁶ Бердяев Н. А. Кризис искусства. М., 1990. С. 24.

⁸⁷ Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 163.

⁸⁸ Ильин И. А. О грядущей России. М., 1993.

⁸⁹ Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры // Москва. 1996. № 1–12.

⁹⁰ Кураев В. И. И. А. Ильин: философия духовного опыта // История русской философии. М. 2004. С. 507.

противопоставления Западу, где, как подчеркивает философ, много твердости, холодной рассудительности, формализма, где сердечные порывы скованы моралью и внешней лояльностью»⁹¹. Как полагает В. И. Кураев, «из этого следует, что для выхода из кризиса как философия, так и духовная культура в целом должны коренным образом изменить сущность, состав и структуру того духовного акта, который лежит в основании современной культуры, и в частности философии, заменив его новым по природе, составу и структуре духовным актом, ядром которого были бы названные Ильиным важнейшие внутренние силы и способности человека»⁹².

Между тем в отечественной рецепции, окрашенной коннотациями историзма, имеет значение и роль концепции Н. Я. Данилевского. В своем труде «Россия и Европа» он не только проводит культурно-цивилизационные параллели между Россией и Европой, Россией и Западом, но и предлагает свою систему оценивания кризиса культуры. Примечательно, но в работе мыслителя не встречается как таковое понятие культурной ценности, которое могло бы лечь в основу предложенной им концепции культурно-исторических типов, однако эпохальный фактор (или фактор судьбинности), а также религиозное основание дифференциации культурно-исторических типов позволяют рассматривать историзм как фундамент преобразований в культуре и цивилизации. Важными для цели настоящей работы следует признать два обстоятельства: 1) *цивилизационный фактор* в концепции Данилевского предстает как движение цивилизации к великому и общечеловеческому: «...быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке – вот она, та возвышенная роль, которая досталась нам в удел, – роль, в которой родная Европа будет нам сочувствовать, содействовать своими благословениями, всеми пожеланиями души своей, будет рукоплескать нашим цивилизаторским деяниям к великому...»⁹³, но этот же фактор способствует кризису культурного развития, который, с точки зрения мыслителя, возникает

⁹¹ Каграманов Ю. Любовь к Ивану Ильину как веха русского опамятования // Новый мир. 1997. № 7.

⁹² Кураев В. И. Указ. соч. С. 502.

⁹³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 77.

в ситуациях потери культурно-историческими типами своего универсального основания, например, религиозного или политического; 2) приводя законы движения или развития культурно-исторических типов, мыслитель акцентирует внимание на том, что именно такой тип является первоосновой для зарождения и последующего развития любой цивилизации, а следовательно, «первичность» культурного начала в таких процессах; по этому поводу он, в частности, полагает: «...цивилизация, то есть раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип под влиянием своеобразных внешних условий, которым они подвергаются в течение своей жизни, тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составные элементы, то есть народности, входящие в образование типа»⁹⁴. Таким образом, подход Данилевского в наибольшей степени приближает к пониманию роли историзма в идентификации ценностно-смысловых трансформаций во взаимодействии культуры и цивилизации.

Второе направление культурфилософской рецепции кризисности и ценностного кризиса – это *интериоризационные* концепции, основанные на кумуляции и передаче социокультурного опыта между поколениями носителей культуры. Понятие интериоризации, применяющееся довольно активно в психологии, здесь использовать вполне уместно, поскольку оно непосредственно определяет границы накопления и трансляции человеческого индивидуального и коллективного опыта. Исходя из того, что культура – это ценностно-смысловой опыт человека и человечества, а цивилизация – это фактор закрепления или модернизации (глобализации) такого опыта, мы можем определить круг концепций и подходов, в основе которых лежит ключевой принцип «опытной» идентификации ценностного кризиса культуры. Здесь имеет смысл сосредоточить внимание на двух основных концептуальных блоках. *Первый* – это концепции, отмечающие «бытийственный кризис» и конфликт ценностей как своего рода недостаточность в передаче опыта в пространствах культуры и цивилизации.

⁹⁴ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 125.

Второй – это подходы, в которых обнаруживается этический аспект кумуляции социального опыта, а моральные принципы расцениваются как сдерживающие или, напротив, дающие дополнительные возможности для возникновения ценностного кризиса.

«Бытийственный кризис» Н. А. Бердяев рассматривает не только применительно к творчеству как таковому, в широком смысле его понимания, но и к ценностям культуры. С одной стороны, культура знаменует собой «опытный переход» человека от бытия социального к религиозному или «иному бытию»⁹⁵, с другой стороны, «культура... есть осуществление новых ценностей. Все достижения культуры символичны, а не реалистичны. Культура есть осуществление, реализация истины жизни, добра жизни, красоты жизни, могущества жизни, божественности жизни»⁹⁶. Для мыслителя важен сам «опытный переход»: поиск нового всегда вращается вокруг «воли к культуре». Общество, с его точки зрения, наращивает свой социальный опыт, и в условиях цивилизационного развития он является востребованным, значимым, актуальным, но когда речь заходит о культуре, то здесь имеет значение опыт религиозный, божественный, жизненный, духовный. Кризис будет нарастать, если «воля к культуре» будет замещена цивилизационными исканиями или «продвижением» социального опыта.

Вопрос конфликта ценностей поднимают Н. Гартман и Р. Панвиц. С точки зрения Гартмана, конфликт ценностей возникает в силу того, что они имеют различное содержание: одни являются религиозными, другие – политическими, третьи – социальными и т. д., в то время как выбор таких ценностей связывается с конфликтом, в котором оказалось общество или человек: примириться в обществе с той или иной системой ценностей (например, религиозных) готов не каждый индивид; более того, такую систему ценностей может не признавать даже большинство.

⁹⁵ Бердяев Н. А. Смысл творчества ... С. 350.

⁹⁶ Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре. С. 163.

Примечательно, что подход Гартмана идентифицирует конфликт ценностей как положительное явление, т. к. он отражает глубину морально-нравственных исканий общества и, таким образом, для общества появляется шанс обрести свою собственную жизнеспособную этическую систему. В данной концепции для нас имеют значение два момента: 1) ценностный кризис культуры вызывает не сам конфликт ценностей, который исторически предзадан любой культуре, а тот факт, что общество не может с таким конфликтом совладать и чаще всего вынуждено соглашаться с ним; 2) Гартман не уделяет внимания отношениям культуры и цивилизации, однако отмечает, что «если бы культура могла сохранить свой опыт цивилизационного развития, то она сумела бы превратить конфликт ценностей в достаточно серьезный стимул для последующего развития»⁹⁷. В свою очередь понятие цивилизационного развития вполне соотносимо с понятием *цивилизационного фактора*, который рассматривается в настоящей работе как один из ключевых детерминантов ценностного кризиса культуры. Гартман полагает, что законы морали делают всякую культуру сильнее, значимее, заметнее в мировом пространстве, однако те же законы для цивилизации почти всегда связаны с конфликтом ценностей, потому цивилизации нужно стремиться только вперед, она не «может отодвинуться даже на пару лет назад», а значит, для нее любые законы, даже этические, морально-нравственные, затрудняют этот путь вперед»⁹⁸. Идеи Гартмана оказались созвучны теории немецкого философа Рудольфа Панвица, изложившего свои взгляды относительно кризиса «социального опыта» в своей работе «Кризис европейской культуры» (1917). Для мыслителя важно было подчеркнуть, что выбор пути для европейской культуры – это цивилизационный выбор, именно поэтому она находилась и продолжает находиться в состоянии затяжного кризиса. Дело в том, что цивилизация, как полагал Панвиц, накапливает и позитивный, и негативный опыт в своем развитии, в отличие от культуры,

⁹⁷ Гартман Н. Эстетика. М., 1958. С. 340.

⁹⁸ Там же. С. 233–238.

которая любой негативный опыт старается переосмыслить и перевести его в соответствующую систему координат. Приводится пример с Добром и Злом как вечный конфликт ценностей: только в условиях цивилизационного выбора Добро и Зло смешиваются воедино и не всегда могут быть четко разделены, культура тоже принимает обе эти ценности, но расставляет их по-разному в системе смыслов бытия: Добро – в одной системе, ценностной, Зло – в другой, антиценностной⁹⁹. Идеи Гартмана и Панвица вновь заостряют внимание на смене самих оснований для оценивания кризиса культуры и кризисности как таковой: если культура «схватывает» кризис на каком-то этапе своего развития и при стечении определенных обстоятельств (например, в условиях конфликта ценностей), то для цивилизации характерно «стремиться» к кризисности, поскольку она является стимулом для развития цивилизации и, таким образом, позволяет рассматривать цивилизационный фактор ценностного кризиса культуры как основополагающий.

«Конфликтный потенциал» ценностного кризиса культуры затрагивается и Г. Зиммелем в ряде его работ. С его точки зрения, кризисность – это «форма», которую может разрушить жизнь. Зиммель особое внимание уделяет тому, насколько субъект культуры способен выдерживать любые происходящие в пространстве культуры процессы и изменения. Вводя понятие конфликта современной культуры¹⁰⁰, мыслитель, по сути, ведет речь о кризисе «форм», которые вбирают самые разнообразные «слежки» и смыслы бытия – культурные, социальные, религиозные и т. д. Эти «формы» могут серьезным образом разрастаться и иначе как кризисными, их не назовешь, но в то же время только жизнь способна «разбить» эти «формы» и таким образом освободить культуру от конфликтности. Что такое конфликт культуры, по мнению Зиммеля? Это и есть конфликт культурных «форм», которые полностью зависят от влияния на них жизни. В данном случае мыслитель

⁹⁹ Pannwitz R. Die Krisis der europaeischen Kultur. URL: <https://archive.org/details/diekrisisdereuro00pann/page/n5/mode/2up> (дата обращения 16.03.2022).

¹⁰⁰ Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 378–399.

апеллирует к социальному опыту, который накапливается в «формах» и усугубляет кризис.

Интериоризационные концепции в культурфилософии связаны с этической проблематикой, сквозь призму которой оценивается и кризис культуры, и явление кризисности. Здесь мы можем обратиться к подходам Х. Ортега-и-Гассета, Р. Гвардини, Ф. Ницше, З. Фрейда. В основе их позиции лежат нормы взаимодействия общества и человека, культуры и государства и т. д. В оценках кризиса культуры довольно сложно избежать морально-нравственных акцентов, но они, как правило, сопряжены с оценками политической, социальной или экономической ситуации. Поэтому «эффект» ценностного кризиса культуры здесь идентифицируется по принципу «веры в культуру» – такой системы координат, в которой ценностный кризис выступает только как фон социокультурных процессов и трансформаций. Например, в концепции Х. Ортега-и-Гассета «вера в современную культуру была унылой: безрадостно знать, что завтрашний день в основном повторит сегодняшний, что прогресс – это шаг за шагом по дороге, неотличимой от уже пройденной. Такая дорога больше смахивает на тюрьму, которая растягивается, как резина, не выпуская на волю»¹⁰¹. Кроме того, мыслитель замечает: «...есть лишь один всеобъемлющий упадок – утрата жизнеспособности...»¹⁰². «Всеобъемлющий упадок» выступает фоном, на котором развивается ценностный кризис культуры. Эту идею разделяет и Р. Гвардини, полагающий, что масса как «человеческая структура» не способна различить ни самой культуры, ни кризиса ее ценностей¹⁰³; в таком случае, очевидно, что «вера в культуру» безосновательно возлагается на массы, она более свойственна индивиду, но способен ли он осознать причины и последствия кризисности и ценностного кризиса – возникает важнейший вопрос. Ницше более определенно трактует эту ситуацию, возводя моральные ценности в круг кардинальных ценностей общества, поэтому они наиболее «стабильны» и менее подвержены кризисному влиянию, однако, с

¹⁰¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1930. С. 16.

¹⁰² Там же. С. 20.

¹⁰³ Гвардини Р. Указ. соч.

точки зрения мыслителя, вера в культуру невозможна в силу убыли достоинства человека: «Самый общий признак современной эпохи: невероятная убыль достоинства человека в его собственных глазах. Долгое время он вообще – средоточие и трагический герой бытия...»¹⁰⁴. При этом Ницше настаивает на том, что ключом к постижению веры в культуру является переоценка всех иных ценностей, кроме моральных. По его мнению, «ценность такого кризиса в том, что он очищает, что он сводит вместе родственные элементы, которые взаимно губят друг друга, в том, что он людям противоположного образа мыслей указывает на общие задачи; обнаруживая и среди них более слабых и менее уверенных, он этим создает особую иерархию сил с точки зрения здоровья: признавая повелевающих – повелевающими, подчиняющихся – подчиняющимися. Конечно, оставляя в стороне все существующие общественные группировки»¹⁰⁵. Обращая внимание на *цивилизационный фактор* ценностного кризиса культуры, Ницше указывает на то, что «высшие точки подъема культуры и цивилизации не совпадают: не следует обманываться в вопросе о глубочайшем антагонизме между культурой и цивилизацией. Великие моменты культуры всегда были, морально говоря, эпохами испорченности; с другой стороны, эпохи преднамеренного и насильственного укрощения зверя-человека (цивилизации) были временами нетерпимости по отношению к наиболее духовным и наиболее смелым натурам. Цивилизация желает чего-то другого, чем культура – быть может даже чего-то прямо противоположного»¹⁰⁶. Настаивает Ницше на переоценке всех ценностей, уделяя особое внимание моральным, и в другом своем труде – «Сумерки идолов»¹⁰⁷.

В воззрениях Фрейда отношение к кризисности в культуре складывается в сложную картину, актуализированную в русле психоанализа. Вместе с тем в

¹⁰⁴ Ницше Ф. Воля к власти ... С. 37.

¹⁰⁵ Ницше Ф. Указ. соч. С. 59.

¹⁰⁶ Там же. С. 90.

¹⁰⁷ Ницше Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Nietzsche_Sumerki_idolov_ili_Kak_filosofstvuyut_molotom.pdf (дата обращения: 16.10.2021).

известной работе «Неудовлетворенность культурой»¹⁰⁸ Фрейд затрагивает важную этическую проблему, которая позволит, по его мнению, «снять» кризис культуры, – это проблема счастья. Трактовку счастья нельзя признать однозначной, оно сводится у мыслителя к обретению наслаждений и удовольствий, но в то же время не только в гедонизме человек может получить свое счастье, но и через упорядоченное влияние на него со стороны различных институций, например, семьи. Этический аспект обретения счастья, бесспорно, является одним из ключевых в преодолении постулируемого Фрейдом принципа неудовлетворенности культурой.

Таким образом, в концепциях этического характера устанавливаются два ключевых момента, которые нами будут учитываться в разработке проблематики кризисности и ценностного кризиса культуры: 1) переоценка ценностей в результате ценностного кризиса может не коснуться моральных ценностей; 2) «вера в культуру» является главенствующим основанием переоценки ценностей, при этом роль цивилизационных изменений в таком случае сводится к минимуму.

К **третьему направлению** культурфилософской рецепции ценностного кризиса нами будут отнесены концепции, в которых данное явление рассматривается сквозь призму духовности. Такое направление можно назвать *духовно-ориентированным*. В нем особое место занимают взгляды Г. В. Ф. Гегеля, Э. Гуссерля, Г. Р. Лотце, М. Шелера, из отечественных философов – Н. А. Бердяева, Вл. Соловьева, М. О. Гершензона, Н. О. Лосского, П. А. Сорокина. Основной ракурс осмысления ценностного кризиса культуры для данных культурфилософских идей связан не только с противопоставлением духовного и материального, но и ценностно-смысловыми исканиями человека и общества, в ходе которых переоцениваются и переосмысливаются многие системы и смыслы бытия.

¹⁰⁸ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=9147&p=1> (дата обращения: 12.11.2021).

В трудах Гегеля понятие культуры не встречается как самодостаточное, однако мыслитель создал свою теорию культуры, в которой обозначил рубежи ценностных исканий человека. Примечательно, что его подход складывался в русле философии истории, но затем обрел самостоятельное звучание, поэтому Гегеля смело можно отнести к культурфилософам, представившим свой оригинальный взгляд на развитие культуры и ее ценностный кризис. Прежде всего следует подчеркнуть, что Гегель в свойственной ему манере ставит во главу угла концепты абсолютного духа и самопознания идеи. При этом развитие культуры рассматривается с точки зрения возможности или невозможности оценивания сознанием всего многообразия жизни. Гегель отмечает: «С одной стороны, человек находится в плену повседневной жизни и земного существования, страдает под гнетом потребности и нужды, его теснит природа, он опутан материальными делами, чувственными целями и их удовлетворением, поработан и охвачен потоком естественных влечений и страстей. С другой стороны, он возвышается до вечных идей, до царства мысли и свободы, дает себе в качестве воли всеобщие законы и определения, снимает с окружающего мира покров его живой, цветущей действительности и разлагает его на абстракции. Дух утверждает свое право и достоинство лишь в бесправии и угнетении природы, которую он заставляет терпеть те же бедствия и насилия, какие он сам испытал от нее»¹⁰⁹. В то же время Гегель дает понять, что вместе с «расколотостью жизни и сознания для современной культуры и ее рассудочного мышления возникает требование найти решение этого противоречия. Рассудок, однако, не может отказаться от неизменности этих противоположностей. Решение противоречия остается для сознания простым долженствованием, и наличная действительность беспокойно мечется из стороны в сторону, ища примирения и не находя его»¹¹⁰. Для мыслителя культура должна снять противоречие между жизнью и сознанием: в центре жизни, с точки зрения Гегеля, находится поиск высшей ценности,

¹⁰⁹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. М., 1968. Т. 1. С. 60.

¹¹⁰ Там же.

являющейся «основой нравственного начала»¹¹¹, сознание стремится постичь истину, а культура должна в таком случае раскрыть «гениальную натуру индивида»¹¹². Ценностный кризис культуры возникает не только тогда, когда она не способна снять противоречия между жизнью и сознанием, но и тогда, когда невозможно достичь «идеального состояния мира». Примечательно, что Гегель уделяет внимание и роли цивилизации в ценностном кризисе, полагая, что «в нецивилизованном состоянии общества и общественного союза чаще встречается поэтому форма добродетели как таковой, ибо здесь нравственное и его осуществление есть в большей степени индивидуальное желание и проявление своеобразной гениальной природы индивида; так, в древности добродетель приписывалась преимущественно Гераклу»¹¹³. Для нашего исследования подход Гегеля имеет значение в двух основных аспектах: 1) ценностный кризис культуры возникает в результате противоречия жизни и сознания, когда недостижимо идеальное состояние мира; 2) повышение роли субъекта в бытии культуры возможно только в «нецивилизованном состоянии общества», когда открываются возможности для раскрытия «гениальной природы индивида».

Поиск духовного образа Европы занимает Э. Гуссерля в одной из его работ «Кризис европейского человечества и философия»¹¹⁴, но этот образ не является абстрактным, он соотносим с поиском «духовной цели», которая приобретает свои очертания в результате переосмысления ключевых ценностей, таких, например, как сокровенность, самосохранение и т. д. Ценностный кризис, как полагает Гуссерль, возникает не потому, что Европа не достигает своего духовного образа, а в силу того, что недостает возможностей для улавливания трансформации смыслов бытия. Ценностный кризис является следствием такой трансформации, а изменить данную ситуацию может только новая «духовная структура»; Гуссерль здесь имеет в виду «универсальное знание», составляющее

¹¹¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 192.

¹¹² Там же. С. 204.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 45–67.

суть мировой философии. Акценты на ценностно-смысловых трансформациях, лежащих в основе кризиса культуры, являются важными для цели настоящей диссертации, поскольку в идентификации ценностного кризиса культуры нами на первое место выдвигается принцип изменения смыслов бытия, а для интерпретации такого изменения необходима новая парадигма, например, цивилизационный фактор.

Объединяющим моментом для работ Р. Г. Лотце и М. Шелера, в которых также уделяется внимание ценностному кризису культуры, становится поиск «ценностных модальностей», которые зависят от определенных факторов, к примеру, речь идет о «модальности», которая «отвечает только минутному и случайному состоянию или какой-нибудь индивидуальной особенности души»¹¹⁵ или же о «модальности», по М. Шелеру, зависящей от «материального порядка»¹¹⁶ и т. д. Идентифицировать ценностный кризис в случае применения парадигмы «модальностей» не представляет труда, поскольку исследователи акцентируют внимание на детерминистском подходе: изменения в культуре – определенные «модальности» – происходят в силу воздействия на культуру и ее ценности и нормы со стороны различных обстоятельств. Лотце настаивает, что существование ценностей является объективной данностью, но в то же время понимание тех процессов, которые происходят в системе ценностей, возможно, только если они осознаются «идеальной душой». В таком случае осознание ценностных преобразований, включая и идентификацию ценностного кризиса культуры, возможно в системе координат, демонстрирующей смену смыслов бытия: ценность искусства или произведений искусства, с точки зрения Шелера, может существенным образом меняться как того требует, например, система религиозных смыслов и т. д. Кроме того, М. Шелер полагает, что духовные ценности, не зависящие от субъекта, проживают свое бытие, они становятся «ценностями ценностей» и, таким образом, приподнимаются в своей иерархии над человеком,

¹¹⁵ Лотце Р. Г. Основания практической философии. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003595479?page=1&rotate=0&theme=black> (дата обращения 19.10.2021).

¹¹⁶ Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 319.

обществом, государством¹¹⁷. Ни Лотце, ни Шелер не обращаются к цивилизационному фактору, определяющему специфику ценностного кризиса культуры, однако в их работах присутствует подобная коннотация: так, Лотце высказывает мысль о том, что если культура в какой-то момент своего развития почувствует слабость, связанную, к примеру, с утратой высших ценностей, то усугубить эту ситуацию либо обеспечить движение культуры вперед и ее выживание может именно цивилизация¹¹⁸; Шелер выделяет «духовную модальность» культуры, которая исчерпать сама себя не может, но в то же время может «ослабить духовное наполнение», а значит, открыть возможности для влияния на нее других «модальностей», среди которых могут оказаться «бренность цивилизации» или же «материальный смысл бытия»¹¹⁹. Очевидно, что идеи мыслителей, главным образом, связанные с «духовной модальностью», изменяемой в силу тех или иных причин и подверженных влиянию различных факторов и детерминант, имеют значение для цели настоящего исследования.

Невозможно обойти вниманием концепции русских философов Н. А. Бердяева, Вл. Соловьева, М. О. Гершензона, Н. О. Лосского, П. А. Сорокина, которые также затрагивали проблему духовного поиска, характерного как для субъекта культуры, так и для самой культуры в целом. Безусловно, для ряда мыслителей важнейшим ракурсом осмысления культурной проблематики является религиозный: так, Вл. Соловьев рассматривает в качестве ключевого критерия идентификации ценностей культуры «божественную идею»¹²⁰, а ценностный кризис предлагает определять по тому, как в культуре в определенной степени проявляются «отрицательные начала» (зло, безобразие, ложь)¹²¹. С другой стороны, мыслитель возводит в ранг высшей ценности и одновременно важнейшего критерия идентификации ценностного кризиса

¹¹⁷ Шелер М. Указ. Соч. С. 299.

¹¹⁸ Лотце Р. Г. Указ. соч.

¹¹⁹ Шелер М. Указ. соч. С. 261–267.

¹²⁰ Соловьев В. С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 712.

¹²¹ Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 131.

человеческое достоинство, уделяя ему внимание в известном трактате «Оправдание добра»: здесь Соловьев соотносит достоинство со смыслом «всего мироздания» и заключает, что только «достойное бытие» с сохранением приоритетов Добра, Истины и Красоты способно преодолеть любой кризис¹²². В свою очередь Н. Лосский вводит понятие «ценностный момент», которое связано с разделением смыслов бытия: сначала осознается божественное и вездесущее, и этого оказывается вполне достаточно для появления ценностного момента, но затем происходит опознание различных сторон мира, и в таком случае появляются иные смыслы бытия, дополняющие или даже изменяющие вездесущее. Так появляется и распространяется повсеместно, с точки зрения Лосского, ценностный момент¹²³, который совпадает с «чувством ценности». Мыслитель затрагивает идею ценностного кризиса, обращая внимание на двойственный процесс: вездесущее стремительно захватывает бытие, и это не всегда дает возможность в полную силу уловить множественность мира, а значит, «ценностный момент» является неполным и вызывает кризис ценностей, не согласуемых с вездесущим, с другой стороны, как считает Лосский, сам по себе «ценностный момент» никогда не является всеобъемлющим, в нем всегда возникают иллюзии прошлого и настоящего, а это нагнетает духовные сомнения и чувство ценности теряет свою «одухотворенность»¹²⁴.

Примерно в этом же ключе рассматривает ценностный кризис М. О. Гершензон в статье «Кризис современной культуры»¹²⁵ и в письмах к В. Иванову: «Вам казалось до сих пор, что, наскучив внешними достижениями культуры, я в досаде собираюсь неосторожно вылить из ванны с водою и ребенка. Нет, нет! Я все время говорю о соблазнах в духе, о яде в крови, которая есть сама жизнь; я говорю именно о самом ценном, что добыто в

¹²² Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 2012. С. 230–245.

¹²³ Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 277.

¹²⁴ Там же. С. 245–252.

¹²⁵ Гершензон М. О. Кризис современной культуры // Гершензон М. О. Тройственный образ совершенства. М.; СПб., 2017. С. 13–18.

тысячелетнем существенном опыте, о так называемых вами подлинных посвящениях отцов, об истине объективной и непреложной, – я говорю, что именно этот живой родник духовного бытия отравлен и уже не животворит души, а умерщвляет»¹²⁶. По Гершензону, ценностный кризис наступает вместе с грехопадением культуры от «соблазнов в духе» и от «яда в крови», но еще ошутимее, с его точки зрения, он воплощается в метафизике кризиса, когда первоначальные смыслы бытия теряют свою сущность и приобретают значение ценностей-фетишей и ценностей-вампиров, а в целом становятся «ядами культуры»¹²⁷. Смещение смыслов бытия «со своих мест» в «поднявшемся мировом вихре» ценностного кризиса отмечает и Н. А. Бердяев¹²⁸.

Для цели настоящего диссертационного исследования идеи мыслителей важны для идентификации ценностного кризиса культуры с позиций трансформации смыслов бытия, свидетельства которой приводятся русскими философами. Цивилизационный фактор здесь не имеет решающего значения, ценностный кризис закономерно рассматривается изнутри самой культуры как ее системная характеристика. Между тем его роль подчеркивается П. А. Сорокиным, концепция которого отнесена нами к духовно-ориентированным в силу того, что «поиск» ценностного кризиса им осуществляется через «чувственные формы», в т. ч. связанные с духовным миром человека: «Тщательное изучение ситуации показывает, что настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция, столь же достойная внимания, каковой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета»¹²⁹. При этом, как известно, Сорокин выделяет идеациональную, идеалистическую и чувственную формы культуры. Ценностный кризис может случиться в любой из чувственных форм, но в понимании мыслителя одним из факторов

¹²⁶ Иванов В. И., Гершензон М. О. Переписка из двух углов. М., 2006. С. 46.

¹²⁷ Там же. С. 50, 54.

¹²⁸ Бердяев Н. А. Кризис искусства. С. 22.

¹²⁹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 435.

ценностного кризиса культуры также выступает и цивилизационный фактор, который связан с жизнестойкостью: цивилизация более «приспособлена» к жизни, культура же такой жизнестойкостью не обладает: ее чувственные формы, как полагает Сорокин, характеризуются «конечным пределом чувственным желанием, покрывающим все чувственные ценности»¹³⁰. Как видим, противопоставляя культуру и цивилизацию, мыслитель опирается на атрибутивный смысл жизнестойкости, которому соответствуют или же не соответствуют чувственные формы культуры, но который прочно закреплен за цивилизацией.

Таким образом, в культурфилософской рецепции кризисности и ценностного кризиса культуры мы исходили из двух положений: 1) концептуализация кризисности (как ключевого смысла бытия на протяжении длительного времени и целых эпох развития человечества и обществ) и ценностного кризиса культуры (как трансформации смыслов бытия и неупорядоченных систем ее оценивания и переосмысливания) характерна для зарубежной и отечественной культурфилософской мысли различных периодов; 2) акцент на ценностном кризисе делался не с точки зрения противопоставления цивилизации и культуры, а в плане сопряженности смыслов бытия, которые подвергались изменениям в силу различных причин, в том числе и по причине существенного влияния именно цивилизационного фактора на социокультурную динамику. С учетом этих обстоятельств были выявлены три основных направления культурфилософской рецепции кризисности и ценностного кризиса – историкоцентристское, интериоризационное и духовно-ориентированное.

1.3. Цивилизационный фактор как основной детерминант ценностного кризиса культуры

¹³⁰ Сорокин П. А. Указ. Соч. С. 503.

Наиболее важным и методологически ценным моментом для настоящего исследования является определение способа идентификации ценностного кризиса современной культуры. Как отмечает О. М. Штомпель, «кризис является необходимым и закономерным этапом в развитии современной культуры, её социодинамика представляет собой перманентный процесс разрушения и обретения идентичности, дестабилизации и достижения нового уровня стабильности, архаизации и обновления, рассогласования и гармонизации социального и культурного миров»¹³¹. Исследователь обращает внимание на такие особенности социокультурного кризиса как всеобщность, проявляемая «в различных сферах и способах жизнедеятельности техногенной цивилизации», и глобальность, носящая «непрерывный характер», при этом проявления кризисности заметно усиливаются¹³².

Действительно, кризис присущ современной культуре, поскольку для нее характерно пребывание в динамичном состоянии, когда происходит постоянная смена ценностей и норм, а вместе с ней меняется и система координат, в которых различные состояния культуры оцениваются и переосмысливаются.

Для нас рамками современной культуры является период конца XX – начало XXI в., вплоть до наших дней. Само понятие современной культуры, как уже отмечалось ранее, соотносится с ценностно-нормативной системой, а значит, когда мы ведем речь о том или ином состоянии современной культуры, мы прежде всего анализируем состояние ее ценностно-нормативной системы. Определяя границы ценностного кризиса, мы имеем в виду характеристику положения ценностей в ценностно-нормативной системе культуры либо как самостоятельного явления, либо детерминированного воздействием различных факторов и прежде всего одного из ключевых для современности – фактора *цивилизационного*. Как полагают некоторые исследователи, «реалии социальной жизни показывают, что объем и

¹³¹ Штомпель О. М. Социокультурный кризис: теория и методология исследования проблемы: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д., 1999. С. 7.

¹³² Штомпель О. М. Указ. соч. С. 7.

значимость цивилизационных факторов в жизнедеятельности человечества возрастает. Это связано с интенсивным ростом объема и качества человеческих потребностей, с включением в потребительскую гонку все большего количества людей, чему в немалой степени способствуют процессы глобализации»¹³³.

Для выявления роли цивилизационного фактора нужно обратить внимание на способы идентификации ценностного кризиса, которые наметились в культурфилософской традиции. Такие способы позволяют на методологическом уровне определять границы состояния кризиса и на этом основании давать ему четкую характеристику. К примеру, как отмечают исследователи, «в настоящее время выработаны определённые методологические принципы исследования кризиса. Так, выделяются его характерные черты: быстрота наступления, длительность, степень глубины воздействия на систему, предметная область кризиса. Исследуется динамика кризисного состояния, фиксируются его основные этапы и предпосылки, когда система исчерпывает потенциал своего развития и возникают первые симптомы будущего кризиса; возникновение и развитие кризисного состояния, кульминационный этап; разрушение старого качественного состояния и возникновение новой системы. Выделяется также структура кризиса (так, например, кризисы классифицируются в связи с их "кульминационной вершиной" – одной или несколькими)»¹³⁴. На самом деле, способов идентификации ценностного кризиса предлагается не мало, но для цели нашей диссертации имеют значение только те способы, которые позволят увидеть роль цивилизационного фактора в его развитии. Тем не менее, некоторые из приведенных механизмов при идентификации ценностного кризиса современной культуры нами также будут взяты на вооружение, в частности, имеет значение динамика кризиса – как он зарождается и к чему приводит. В этом смысле идентификация ценностного кризиса удовлетворяет

¹³³ Груздева В. В., Груздев Г. В. Антропологический подход к исследованию динамики цивилизации и культуры // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 99.

¹³⁴ Штомпель О. М. Указ. соч. С. 7.

двум основным условиям: 1) кризис не рассматривается как данность, как некое предзаданное состояние культуры; 2) динамика кризиса совпадает с социокультурной динамикой, а следовательно, почти наверняка любой процесс социокультурной динамики предполагает «испытание культуры на прочность» в связи с возникающими кризисными состояниями в ценностно-нормативной системе. Рассмотрим далее различные способы идентификации ценностного кризиса культуры.

Прежде всего обратимся к довольно любопытной методологии, которая позволяет рассматривать цивилизационное развитие в духовно-экологическом аспекте. Данную проблему исследует ряд сибирских ученых: А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин и другие. Они делают акцент на поиске наиболее адекватной модели цивилизации, отвечающей интересам человека, общества, культуры, государства, и рассматривают в качестве ключевой формы цивилизационного развития духовно-экологическую цивилизацию. По мнению ученых, особую роль в «великом процессе становления новой цивилизации призвано сыграть Сердце человеческое, как орган синтетического познания и самопознания человека и как важнейшее средство практического укоренения в софийном естестве мира»¹³⁵. Со всей очевидностью возрастают «требования» духовности к любому витку цивилизационного развития, а одним из основных критериев ценностно-смысловой рецепции цивилизации становится «порядок бытия», базирующийся на смыслах и категориях, которые позволяют увидеть ценностный кризис, распространившийся в культуре.

Как справедливо полагают исследователи, в порядке бытия важно вернуться «к древним идеям о единой природе человека, вписанной в мировой порядок бытия, и о его свободной воле, которая в постоянной внутренней борьбе выбирает свой путь – саморазвития или же саморазрушения. Выбирает и то, как именно идти, по каким дорогам и тропинкам; прямо и уверенно или

¹³⁵ Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2010. С. 6.

же постоянно уклоняясь и набивая шишки. Именно поэтому люди и разные, причем, качественно разные: одни поднимаются к вершинам, а другие, увы, сползают вниз»¹³⁶. В основе подхода к идентификации духовно-экологической цивилизации лежат идеи *евразийства*, которые позволяют достаточно полно выявить точки сопряженности смыслов и ценностей духовного развития и экологии, единения человека и природы – именно консолидирующий смысл духовно-экологической цивилизации является определяющим в ее становлении и развитии. По словам Е. А. Тюгашева, «в качестве варианта “духовной” типологии цивилизаций можно рассматривать отождествление цивилизаций с определенными культурами. Поскольку культура довольно часто понимается информационно-семиотически, то идентификация цивилизаций с конкретными культурами в латентной форме опирается на выделение отдельных элементов духовной жизни (например, мировых религий)»¹³⁷.

Также исследователь обращает внимание на проблематику экологизации, которая становится ключевой в консолидации усилий носителей культуры для сохранения единства человека с природой¹³⁸. Отталкиваясь от характеристик глобальных миросистем, исследователи предлагают выделять три типа цивилизаций: традиционную (биоцентричную), техногенно-потребительскую (техноцентричную) и духовно-экологическую (ноосферную или ноосфероцентричную), при этом подчеркивают, что «каждый тип порождает свой тип культуры (традиционная с доминированием религиозных представлений – культура технической цивилизации с доминированием науки – синтетическая культура ноосферной цивилизации) и формирует определенный антропологический тип (природный человек, органически вписанный в природу – технический человек, потребительски

¹³⁶ Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул, 2014. С. 37.

¹³⁷ Тюгашев Е. А. Социально-философские основания типологии цивилизаций // Сфера культуры. 2020. № 1. С. 126.

¹³⁸ Тюгашев Е. А. Где находится России и куда она движется? // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. 22. № 3–4. С. 251–261.

преобразующий и эксплуатирующий природу – ноосферный духовный человек, эволюционирующий вместе с природой и отвечающий за ее развитие). Отсюда совершенно правомерна трактовка нарождающейся цивилизации как экологической»¹³⁹. Отметим, что в основе идентификации духовно-экологической цивилизации лежит также *ресурсный* подход, позволяющий трактовать переход «к духовно-экологической стратегии развития» с учетом оценки ресурсного потенциала того или иного территориально-географического локуса¹⁴⁰. Поскольку мы в настоящей работе ценностный кризис культуры рассматриваем не только с точки зрения конкретных изменений в системе ценностей (например, когда одни ценности замещаются или вымещаются другими), но и с позиций изменений смыслов бытия, которые транслируются через ценности и нормы культуры, то концепция духовно-экологической цивилизации с ее основанием «порядка бытия» представляется эвристически значимой для понимания сути кризисности и ценностного кризиса.

Кроме того, следует иметь в виду, что исследователи в идентификации построений духовно-экологической цивилизации предлагают обратить внимание на «три общечеловеческих ценности»: 1) защита «всех национальных идеалов и святынь, отвечающих только одному условию – они должны не оскорблять идеалы и святыни других культур»; 2) «взгляд на любые формы естественной природной эволюции (от минералов до биогеоценозов) не столько как на "ресурс", сколько как на сокровище, вверенное человеку для сохранения и творческого преумножения»; 3) «понимание человека как духовно-космического деятеля, имеющего не только безграничные возможности для роста сознания и духа и актуализации резервов своей телесно-физиологической организации, но и несущего нравственную ответственность за эволюционные процессы на Земле и в

¹³⁹ Иванов А. В., Попков Ю. В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2. С. 407.

¹⁴⁰ Иванов А. В., Попков Ю. В. Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте // Siberian Socium. 2021. Т. 5. № 1 (15). С. 12.

Космосе»¹⁴¹. Тот факт, что в основе «смыслов бытия» лежат ценности, а ценностный кризис как таковой способен влиять на все трансформационные процессы в культуре и цивилизации, позволяет рассматривать цивилизационный фактор как ключевое основание меняющихся смыслов бытия и ценностей культуры. Очевидно, что «смена ценностей» и «смена смыслов бытия» могут рассматриваться в качестве основы любого кризиса, в том числе и ценностного. По замечанию некоторых исследователей, «смена ценностей в связи с этим есть конец выстроенной на их основании цивилизации и зарождение новой. Пока жива наша теперешняя цивилизация, за ее ценности будут инстинктивно (закон цивилизационного самосохранения) "держаться" и люди, и бизнес. Поэтому, забегаая вперед, можно утверждать, что выход из любого цивилизационного кризиса чаще всего становится лишь возвращением к исходному предкризисному состоянию, к тем же ценностям, которые его спровоцировали»¹⁴².

Между тем нам нужно сделать акцент на том обстоятельстве, как именно мы собираемся выявлять роль цивилизационного фактора в ценностном кризисе современной культуры. Вероятно, в таком случае необходимо использовать подход, основанный на выявлении эмпирических границ ценностного кризиса культуры. Поскольку нам важно выработать тактику в идентификации ценностного кризиса культуры с учетом цивилизационного фактора, наша задача усложняется, однако использование данного подхода позволяет рассчитывать на получение эвристически значимых результатов. Для такого направления анализа мы воспользуемся методологическим ракурсом, предложенным современным нидерландским ученым Аннамарией Хаген в ее работе «Как участвовать в практике Критики? От универсальной концепции хорошей жизни к оспариванию универсалий». Примечательно, что в ее универсальной концепции хорошей жизни акцент сделан на том, как

¹⁴¹ Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. Барнаул, 2010. С. 18.

¹⁴² Лексин В. Н. Цивилизационный кризис и его российские последствия // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 7.

культура «ухватывается» за свои универсалии и не хочет с ними расставаться, а цивилизация, напротив, допускает возможность полного отказа от универсальности и универсалий и, таким образом, в ценностно-смысловом плане обыгрывает на исторической дистанции культуру¹⁴³. Хаген предлагает довольно любопытный инструмент для выявления ценностного кризиса культуры, при этом в основе ее методологии лежит обобщение данных масштабного Европейского социального исследования, в рамках которого проводилось межстрановое репрезентативное исследование ценностей и ценностных ориентаций разных социальных групп и в разных временных отрезках¹⁴⁴. В подходе исследователя для идентификации ценностного кризиса А. Хаген предлагается механизм «центрирования культурных универсалий» («centering cultural universals»), состоящий из трех основных этапов.

1. На начальном этапе нужно определить, «притягивает» ли культура к себе универсалии или, напротив, отталкивает их, поскольку они не выполняют предписанных им функций; например, основой современной культуры служит язык как ключевая универсалия, но по причине «перехода» индивидов в глобальную сеть Интернет и многочисленные социальные сети, субъекты коммуникации утрачивают полноценную языковую картину мира, сводят использование языка к минимуму для общения и коммуникаций в сетях и в стереотипных должностных условиях в банке, институте и т. д. Значит ли это, что язык перестает быть культурной универсалией: нет, не перестает, однако в силу аберрации своих функций культура постепенно вытесняет язык из системы универсалий, что в конечном итоге ведет к ценностному кризису.

2. На промежуточном этапе следует обратить внимание, как полагает А. Хаген, на то, остается ли та или иная культурная универсалия с утратой присущих ей конкретных функций в ядре культуры или перемещается («центрируется») в культурную периферию; таким образом, задействуется

¹⁴³ Hagen A. How to Engage in Practices of Critique? From a Universal Conception of the Good Life to the Contestation of Universals. *Krisis*. 2019. № 1. P. 2–14.

¹⁴⁴ Европейское социальное исследование (ESS). URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 22.09.2021).

механизм компенсации: культура любыми способами стремится сохранить универсалии и ключевые ценности, но состояние «центрирования» универсалий, тем не менее, уже обретает черты предкризисного или кризисного, но пока без каких-либо тяжелых последствий; например, универсалия межличностного общения или коммуницирования при большей включенности индивидов в разного рода глобальные социальные сети не имеет выраженного функционального потенциала – люди не консолидируются и выплескивают в сетях свои негативные эмоции, впечатления, суждения – таким образом при всей важности универсалии общения она постепенно переходит на «периферию» культуры и способствует поддержанию ценностного кризиса.

3. На завершающем этапе, согласно обобщениям А. Хаген, «центрирование культурных универсалий» приобретает цивилизационный характер: именно цивилизация «оттягивает» универсалии на себя, стремится укрепить свои позиции на их основе, что еще больше усугубляет ценностный кризис культуры, т. к. ценности атомизируются, не проходят проверку временем, искажают социальную реальность и не соответствуют общепринятым «смыслам бытия» (морально-нравственным, духовным, традиционным, консолидирующим); исследователь приводит следующий пример такого центрирования: универсалия диалога культур, являющаяся основой межкультурного взаимодействия, стирания границ коммуницирования, «притягивается» к цивилизации и вместо стирания границ, продуцирования диалога и партнерского взаимодействия, приобретает свойства «диалога цивилизаций», который уже выстраивается в современных условиях совершенно на иных основаниях: политических, правовых, экономических, социальных, утилитарных, потребительских, локально-территориальных и т. д.¹⁴⁵.

Методология Хаген, помимо того, что акцентирует внимание на культурных универсалиях, сама по себе является универсальной, поскольку

¹⁴⁵ Hagen A. Указ. соч. Р. 12.

соединяет культуру и цивилизацию и одновременно указывает на то, какую роль цивилизация («*цивилизационный фактор*») играет в ценностном кризисе культуры. Исследователь в основание своей методологии «центрирования культурных универсалий» положила известный цивилизационный подход и результаты обобщения по кросс-культурному анализу в рамках указанного выше Европейского социального исследования. Примечателен и своего рода «реверс», который указывает на то, что цивилизация, «отцентрировав» культурные универсалии и простимулировав ценностный кризис культуры, идет по пути формирования своих собственных *цивилизационных универсалий*. Для них более характерен хозяйственно-экономический, технократический смысл, не всегда сопряженный с морально-нравственными основаниями, духовностью, добром, истиной, красотой и т. д. Таким образом, по сути, цивилизация развивается бурно, позаимствовав у культуры ее ключевые универсалии, а человек же вынужден все время решать: он имеет дело с цивилизационными универсалиями или культурными, которые еще сохраняют в том или ином виде свой потенциал. В результате «порядок бытия» и смыслы бытия трансформируются настолько, что индивиду приходится создавать свой новую систему координат, в которых он будет идентифицировать культуру и ее ценности и нормы. Основываясь на предложенной А. Хаген методологии, мы можем уточнить понятие *цивилизационного фактора* при выявлении ценностного кризиса культуры: данный фактор представляет собой такой *ценностно-нормативный вектор развития культуры, который способствует ее кризисному состоянию в процессах перераспределения («центрации») культурных универсалий из пространства современной культуры в пространство современной цивилизации*.

Такое понимание цивилизационного фактора дает возможность не определить суть ценностного кризиса культуры в связи с «центрацией» культурных универсалий, но и рассматривать таковые в качестве основания развития современной цивилизации. Традиционно в современном

культурфилософском дискурсе ведется речь о том, что «источниками» развития цивилизации становятся различные техногенные, экономические, политические процессы, которые основываются на универсалиях эконоцентризма, юридизации и политизации смыслов человеческого бытия, но эти универсалии между тем не всегда «совпадают» с направлением развития культуры, им не присуща духовная интегрированность, «вписанность» в ядро ценностей и норм культуры. Происходит подмена культурных универсалий универсалиями цивилизационными; обладая при этом некоторыми характеристиками именно культурных универсалий, они все же таковыми уже не являются, «центрируются» в пространство цивилизации; например, традиционная культурная универсалия «орудия труда», которая является источником материальной культуры и в то же время фактором развития человеческих навыков и способностей, превращения «хомо сапиенс», приобретает в современных условиях цивилизационный смысл и становится, таким образом, цивилизационной универсалией, т. к. орудие труда, а точнее его совершенствование связывается с получением еще большей экономической прибыли и выгоды и т. д. Важно иметь в виду, что такая «центрация», на наш взгляд, вовсе не обозначает, что универсалия «орудия труда» должна оставаться слаборазвитой, неэффективной, речь идет о том, какие именно смыслы бытия закрепляются за данной универсалией: в любом случае нужно определять, сохранился ли за ней, скажем, смысл материальной культуры или же он претерпел изменения и стал связываться со смыслом техногенности, повышенного риска и конфликтности, экономизма, операциональности и т. д.

Идея «центрации» культурных универсалий с точки зрения культурфилософской рецепции ценностного кризиса возникла, прежде всего, в условиях повышенного внимания к происходящим ценностным изменениям, за которыми следует и трансформация смыслов бытия. Именно в таком ключе мы настойчиво развиваем данную тематику. Вместе с тем следует подчеркнуть, что идентификация ценностного кризиса в последних разработках ученых

осуществляется не только посредством глубокого теоретизирования и обобщения ракурсов, например, известного цивилизационного подхода, но и на основании достаточно известных и авторитетных эмпирических измерений мира ценностей и норм культуры. Именно результаты таких измерений и обобщений позволяют получить полную картину ценностного кризиса современной культуры. В 1992 и в 1994 годах известный исследователь Шалом Шварц предложил довольно любопытную методологию изучения ценностей культуры: отталкиваясь от понимания базовых ценностей как желаемых кросс-ситуативных целей, определяющих жизненные приоритеты индивидов, он призвал обратить внимание на ценностную модель, в которой за каждой из таких базовых ценностей закрепляется определенный смысложизненный ориентир индивида. Он, в свою очередь, связан с конкретными смыслами бытия, имеющими самую широкую ценностно-смысловую окрашенность – это могут быть цивилизационные смыслы, смыслы сохранения безопасности, традиций, культурных универсалий, диалога культур, культурной модернизации и т. д.¹⁴⁶.

Очень важно отметить, что Шварц особое значение придает именно цивилизационным смыслам бытия¹⁴⁷. Что конкретно по этому поводу он предлагает? Прежде всего он анализирует ключевые ценности, называя их культурными универсалиями, но не в самодостаточном их выражении как данность, которая возникла с течением времени в результате тех или иных обстоятельств, а как продолжение «способов осмысления мира», помогающих индивиду преодолеть серьезные социальные и иные испытания. При этом Шварц акцент делает на двух полюсах ценностей – индивидуалистических и коллективистских, выделяя в каждой группе по две подгруппы: среди индивидуалистических – ценности самоутверждения (эгоистические) и ценности креативности, а среди коллективистских – ценности

¹⁴⁶ Schwartz S. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? *Journal of Social Issues*. 1994. № 50 (4). P. 19–45.

¹⁴⁷ Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical advances and Empirical Tests in 20 countries // Zanna M. (ed. by). *Advances in Experimental Social Psychology*. N.-Y., 1992. P. 1-65.

«горизонтальной социальности» (забота о других) и «вертикальной социальности» (защита со стороны других). Данная типология, как нам представляется, адекватным образом отражает ценностные кризисные изменения. Дело в том, что Шварц точно установил механизм возникновения ценностного кризиса: стоит только произойти «сдвигам» в ценностях одного порядка, сразу же или постепенно, но все равно в течение непродолжительного времени происходят заметные подвижки в других ценностях – они как будто бы «перехватывают» кризисное состояние в силу своей инерционности и в дальнейшем кризисное состояние становится своего рода их ценностной программой. Изучив огромные пласты ценностных «сдвигов» в рамках кросс-культурных исследований индивидуализма-коллективизма, Шварц, по сути, пришел к логичному выводу, согласно которому ценностный кризис не является однонаправленным или монокризисом – он охватывает практически все системы ценностей. Так, например, исследователь установил, что как только ценность здоровья, относящаяся к классу индивидуалистических и стоящая ближе к эгоистическим, перестает входить в пятерку ключевых ценностей современности (уступая место финансам, работе, благополучию и т. д.), так сразу же следуют нарушения в системе коллективистских ценностей: если для индивида ценность здоровья перестает быть ключевой, то он не может проявлять должной заботы о других в той мере, как это могло бы быть в силу проявлений заботы о себе самом, своем здоровье.

Некоторые исследователи, взяв на вооружение методологию Ш. Шварца, приводят значимые обобщения, в соответствии с которыми для констатации ценностного кризиса культуры как такового явно недостаточно установить те или иные «сдвиги» ценностей, большое значение имеет также идентификация ключевых факторов, повлиявших на возникновение и развитие ценностного кризиса. К примеру, В. С. Магун и М. Г. Руднев, исследуя особенности ценностей россиян в системе общеевропейских ценностей, полагают, что ценностные ориентации россиян изменяются так быстро и существенно, что в этой череде «сдвигов» совершенно очевидно ожидается ценностный кризис, при этом такие

«сдвиги» прежде всего наблюдаются по оси индивидуалистических – коллективистских ценностей и объясняются авторами с точки зрения «социального обмена»¹⁴⁸. Принцип «социального обмена» многое объясняет, прежде всего, в «сдвигах» ценностей на основании социального опыта, формируемого за счет тех или иных ценностных традиций и стереотипов или модернизационных процессов. Однако если речь идет о сопряженности межстрановых или межконтинентальных систем ценностей и норм («вписанность» ценностных ориентаций россиян в общеевропейский контекст), то в этом случае фактор социального обмена не всегда является действенным, т. к. сам принцип социальности для России и Европы формировался по-разному: в России установки на коллективизм, в Европе – антропоцентристские установки и т. д. Поэтому важно обнаружить некий «универсальный» фактор, определяющий ценностный кризис культуры. Таким фактором мы считаем *цивилизационный фактор*.

Применение методологии Рональда Инглхарта в анализе ценностей и ценностного кризиса культуры позволяет идентифицировать цивилизационный фактор как важнейший способ определения ценностного кризиса; при этом Инглхарт ведет поиск таких ценностей и норм, которые бы всячески «сопротивлялись» ценностному кризису, продолжали оставаться в статусе культурных универсалий и способствовали минимизации последствий такого кризиса.

Культурфилософский подход Инглхарта имеет выраженные социальные коннотации, но, вместе с тем, в нем четко проявляется культурно-цивилизационный градиент. Исследователь ведет поиск оснований ценностного кризиса и в то же время занят выявлением таких ценностей или систем ценностей, которые препятствуют распространению кризиса. В его концепции главное место занимает понятие культурной эволюции, которое сопряжено с

¹⁴⁸ Магун В. С., Руднев М. Г. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2020/07/17/za-predelami-cheloveka-sovetskogo-rossijane-v-evropejskoj-cennostnoj-tipologii> (дата обращения: 12.12.2021).

другим не менее значимым для понимания сути социокультурных процессов понятием – ценностного кризиса. С точки зрения исследователя, ценностный кризис – это прежде всего «сдвиг к нормам индивидуального выбора»¹⁴⁹; дополняет эту мысль позиция другого исследователя К. Вельцеля, полагающего, что в такой ситуации, которую описывает Инглхарт, возникает эффект «повышения приоритетности свободы выбора по собственному выбору»¹⁵⁰, что приводит к изменению расстановки ключевых ценностей, обеспечивающих преемственность культур, культурную и духовную безопасность. Ученые предлагают обратить внимание на явление гуманистической культуры, делающей «акцент на самовыражении, распространяется на все основные сферы жизни людей, способствуя изменению сексуальных норм, гендерных ролей, семейных ценностей, религиозности, мотивации к труду, отношений между человеком и природой, общественной и политической активности людей»¹⁵¹. Таким образом, дается следующая характеристика гуманитарной культуры, в которой, с одной стороны, культурные универсалии сохраняют свою стабильность, с другой – «сдвиги» смыслов бытия указывают, что они претерпевают переформатирование:

1) «молодые в целом делают куда больший акцент на секулярно-рациональных ценностях и ценностях самовыражения, чем представители старших возрастных групп. И напротив, в странах с низкими доходами населения, не имевших в последние 50 лет значительного экономического роста, межпоколенческих различий не выявляется: представители младших и старших возрастных групп демонстрируют примерно одинаковые показатели по шкале традиционных/современных ценностей. Этот результат позволяет предположить, что подобные различия между поколениями связаны не с

¹⁴⁹ Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как изменяется мир. М., 2018. С. 119.

¹⁵⁰ Welzel C. Fluchtpunkt Humanentwicklung: Über die Grundlagen der Demokratie und die Ursachen ihrer Ausbreitung. Opladen, 2002. P. 13.

¹⁵¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М., 2011. С. 13.

самим возрастом людей, а с изменениями исторического характера»¹⁵²; *исторический фактор* закономерно изменяет масштаб ценностей, передаваемых от одного поколения другому, но также определяет локальную специфику ценностных трансформаций; в таком случае, по мысли Инглхарта и Вельцеля, ценностный кризис возможен не только в силу разрыва между поколениями, который наблюдается почти во все времена и во всех культурах и цивилизациях, но и по причине *историзации* самих ценностей, когда за ними прочно закрепляются привычные традиционные смыслы, не изменяемые на протяжении столетий¹⁵³;

2) основу культурной эволюции составляет «широкий спектр ценностей, связанных с измерением "ценности выживания/самовыражения". Общества, где акцент делается на ценностях выживания, отличаются относительно низким уровнем индивидуального благосостояния, худшим здоровьем населения, характеризуются низким уровнем взаимного доверия между людьми и поддержки гендерного равенства, а также относительной нетерпимостью к чужеродным или маргинальным группам. В этих обществах преобладающую роль играют материалистические ценности, там относительно высок уровень веры в возможности науки и техники, слаба экологическая активность и существует скорее позитивное отношение к авторитарным формам правления. В обществах, занимающих высокие места в рейтинге ценностей самовыражения, как правило, преобладают противоположные предпочтения по всем перечисленным пунктам. В целом ценности самовыражения отражают эмансипационные и гуманистические этические принципы, делающие упор на личную независимость и свободу выбора»¹⁵⁴. При таком положении дел, следуя логике рассуждений Инглхарта и Вельцеля, можно обнаружить, что основания для ценностного выбора лежат уже в плоскости *цивилизационного фактора*, оказывающего влияние на кризис культуры – преобладание ценностей выживания вполне соотносится с

¹⁵² Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 19.

¹⁵³ Там же. С. 37–38; 77–78.

¹⁵⁴ Там же. С. 87.

ключевой целью цивилизации: обеспечить выживаемость индивидов на основе всеобщей деятельности, обеспечивающей сохранение рода и обмен социальным опытом. С точки зрения культурной эволюции ценности выживания существенно ограничивают пространство гуманитарной культуры, по сути, делают все культурные универсалии более инертными, подчиненными цивилизационному развитию и т. д.

Очевидно, что *цивилизационный фактор*, «возводя» ценности выживания на вершину иерархии ценностей, способствует проявлениям ценностного кризиса по крайней мере по двум причинам: во-первых, ценности выживания в большей степени ориентированы на экономизм (в их группе преобладают такие ценности, как экономическое благосостояние, перераспределение рабочей силы, получение и накопление прибыли, рационализация труда и т. д.); в такой ситуации индивиду практически не остается выбора ценностей так наз. гуманитарной культуры; во-вторых, происходит трансформация смыслов бытия, а следовательно, ценности не могут оставаться в стороне от этих изменений; так, например, ряд зарубежных авторов подчеркивает, что «в отличие от цивилизационных смыслов, в центре которых находятся идеи стирания границ между странами, сосредоточенности на коллективном решении вопросов обороны государств, охраны суверенности и конституционализма, культурные смыслы как будто уходят в тень – они перестают главенствовать в бытии – и эта ситуация заметно ослабляет все возможные иерархии ценностей: массовая культура и концепция массового человека в наибольшей степени отвечают запросам цивилизационного развития, т. к. они позволяют быстро распространять требуемую информацию и достигать нужных целей»¹⁵⁵.

¹⁵⁵ Dobewall H., Tormos R., Vauclair C. Normative Value Change Across the Human Life Cycle: Similarities and Differences Across Europe. *Journal of Adult Development*. 2017. № 24 (4). P. 271.

Как нам кажется, этот пример демонстрирует точки сопряженности цивилизации и культуры, но одновременно точки их противостояния: массовая культура обеспечивает преемственность ценностей в любую эру – эру духовности, экономизма, политизма, космополитизма и т. д. В равной степени она подпитывает цивилизационное развитие, потому что, действительно, обладает мощным ресурсом вовлечения индивидов в свое пространство: каждый человек «пользуется» массовой культурой, «потребляет» ее, а значит, массовая культура – это эффективный канал передачи информации, и наполнение этого канала новыми цивилизационными смыслами обеспечит их интеграцию в социальную реальность; с другой же стороны, массовая культура противопоставлена цивилизации в силу того, *что она ставит цель поиска адекватной концепции личности, а цивилизация такой цели лишена*; ее основная цель – обеспечение выживаемости и безопасности.

С этой точки зрения цивилизационный фактор ценностного кризиса культуры вполне определенно можно рассматривать как основание для пересмотра концепции личности, согласуемой с эпохой и преобладающими ценностями и смыслами бытия: цивилизация основывается в своем развитии на таких концепциях личности, которые, по мысли Р. Фишера, «отчасти напоминают поиск сверхчеловека, но на самом деле представляют собой слепки с реальности – так, если цивилизации нужен герой, который объединяет политиков, экономистов, является средоточием глобализма, в таком случае она ориентируется на ценности героики, если же цивилизация обеспокоена сохранением благополучия, высокого уровня социального развития и социальной интеграции, то, вероятно, она нуждается в другом типе личности с набором ценностей "неуязвимости" и выживаемости»¹⁵⁶. Отметим, что в культурфилософской традиции многие мыслители обращали внимание

¹⁵⁶ Fischer R. Where is Culture in Cross Cultural Research? An Outline of a Multilevel Research Process for Measuring Culture as a Shared Meaning System. International Journal of Cross Cultural Management. 2019. № 9. P. 42.

на необходимость поиска концепции личности для понимания того, как меняются смыслы бытия, ценностные приоритеты, а вместе с ними критерии соотношения цивилизации и культуры. На этот счет, например, Ф. Бродель полагал, что вероятность обретения цивилизацией своей собственной концепции личности чрезвычайно мала, а те концепции, которые основаны на ценностях духовной культуры, не подходят для уровня цивилизации из-за их мягкости, «неэнергичности», «несплоченности» и т. д.¹⁵⁷. Другой мыслитель Э. Гуссерль, оценивая «кризис европейского человечества», замечает следующее: «... культура ищет свою концепцию личности, наталкиваясь на мучительные откровения, цивилизации не свойственны сомнения и переживания, именно поэтому она не может положиться на то, что дано от культуры...»¹⁵⁸. В целом свои рассуждения относительно невозможности «адаптировать» концепцию личности к ходу цивилизационного развития представили также Р. Лотце, Э. Трельч и другие.

Таким образом, при идентификации ценностного кризиса культуры важно иметь в виду следующее обстоятельство: *цивилизационный фактор* определяет состояние двоичности концепции личности: поиск таковой приводит к тому, что в основание выверенной культурой концепции личности цивилизация привносит новые смыслы, которые искажают ее суть, а это в свою очередь влечет серьезные ценностные трансформации. В качестве примера здесь можно использовать концепцию Герта Хофстеде, который в своей известной книге «Следствия культуры: международные различия трудовых ценностей» пришел к выводу, согласно которому ценности могут быть какими угодно, иногда измерение ценностей не успевает за их изменениями, цивилизация тяготеет между тем к стабильности ценностей, однако об этом не может быть и речи, так как здесь мы видим сопротивление культуры: она опирается на духовные ценности, ценности добра, красоты, истины, цивилизация же избирает совершенно иной путь – в ее границах главенствуют

¹⁵⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация ... С. 341–344.

¹⁵⁸ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 60.

иные ценности, направленные на обеспечение выживания¹⁵⁹. Примеров такой рассогласованности множество, все они так или иначе указывают на состояние ценностного кризиса, разворачивающегося под воздействием цивилизационного фактора. Итак, мы можем выявить следующие важнейшие черты *цивилизационного фактора*:

1) культурные ценности и универсалии под его влиянием не формируют каких-либо устойчивых иерархий и систем: такие системы довольно изменчивы, что влечет за собой неупорядоченность социокультурной динамики; данные всемирного обзора ценностей World Values Survey¹⁶⁰ свидетельствуют о смещении ключевых ценностей в сторону социально-экономических потребностей индивидов; так, к примеру, «убыстряющийся темп цивилизационного развития», по мнению М. Степанянц, влияет настолько выражено на систему ценностей, что за последние несколько лет в начале XXI века четкой иерархии установить невозможно¹⁶¹: ценность заботы о других, входившая в десятку ключевых ценностей и взаимосвязанная с ценностью добра, по данным World Values Survey, откатилась во вторую десятку иерархии, но в то же время ценности выживания плавно поднимаются вверх; ценностный кризис в таких случаях идентифицируется не только потому, что ценности распределяются в бытии человека и обществ каким-либо «некорректным» образом, а в том, что цивилизационный фактор, с одной стороны, убыстряет темп такого перераспределения ценностей, с другой стороны, культура утрачивает свои ценностно-смысловые основания, поскольку для нее не характерна стремительная трансформация: по большому счету для культуры важно сохранить любые ценностные приоритеты настолько длительно, насколько это вообще возможно в процессах социокультурной динамики;

¹⁵⁹ Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills CA, 1980. P. 45.

¹⁶⁰ World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 05.01.2022).

¹⁶¹ Stepanyants M. Cultural Essentials versus Universal Values? European Journal of Cultural Studies. Diogenes. 2008. Vol. 55. № 3. P. 21.

2) преодоление ценностного кризиса культуры должно быть связано с эффективной и действенной культурной политикой и механизмом обеспечения культурной безопасности, однако, как полагают некоторые исследователи, сами по себе эти явления связаны с цивилизационным фактором ценностного кризиса: дело в том, что культурная политика ставит в центр своего внимания не защиту ценностей, а только перераспределение сил для обеспечения культурного взаимодействия (интеграции, консолидации) – таким же образом проявляет себя и цивилизационный фактор, отмечающий состояния быстрой смены приоритетов для достижения той или иной цели¹⁶²; очевидно, что в таком случае культурная политика должна обеспечивать не только формализацию процессов культурного взаимодействия, но и установление ценностных приоритетов, например, воспитания гражданственности, патриотичности и т. д. – данную точку зрения, в частности, разделяют Дж. Холден¹⁶³, Х. Матёва и Я. Дворжек¹⁶⁴; что касается проблематики культурной безопасности, то в этом случае акцент должен быть сделан на четкой дифференциации ценностей выживания и ценностей безопасности, в то время как их отождествление, напротив, только будет способствовать усугублению ценностного кризиса: как полагает М. Деббарма, «цивилизационные ценности в основе своей ориентированы на достижение высокого уровня выживаемости, но при этом в каких условиях выживаемости оказывается человек? Чем больше риски комфорта, повышенного ресурсного обеспечения, больших финансов, тем значимее ценности выживания: раньше человек боролся с природой, стихией, войной, сражался за пропитание и землю, теперь же ценности выживания совершенно иные. С другой стороны, указанные ценности нельзя относить к ценностям безопасности, где должна идти речь о консолидированности и солидарности, связи поколений и т. д.»¹⁶⁵.

¹⁶² Smith P. B. Nations, Cultures and Individuals: New Perspectives on Old Dilemmas. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2014. Vol. 35. P. 8.

¹⁶³ Holden J. Указ. соч. P. 70.

¹⁶⁴ Maťová H., Dvoracek J. Указ. соч. P. 39.

¹⁶⁵ Debbarma M. Указ. соч. P. 191.

Таким образом, говоря о том, что цивилизационный фактор является одним из основных детерминантов ценностного кризиса современной культуры, мы прежде всего имеем в виду влияние цивилизации на социокультурную динамику в целом и перераспределение ценностей, приводящие в конечном итоге к ценностному кризису, а также к «сдвигам» смыслов бытия, представленных, к примеру, в тех или иных эпохальных концепциях личности, в связи поколений и т. д.

Общие выводы по первой главе. В результате анализа культурфилософских оснований осмысления ценностного кризиса культуры было установлено следующее: 1) исходя из понимания культуры как ценностно-смысловой системы, в которой ценности несут значимую для общества и человека смысловую нагрузку или заключают в себе ключевые смыслы бытия, мы сформулировали авторское определение ценностного кризиса культуры как такого состояния культуры, при котором происходит трансформация смыслов бытия, отраженных в определенных ценностях, чаще всего традиционных, под воздействием цивилизационного фактора; эвристичность данного определения подтверждается обобщением позиций современных исследований онтологизации культуры (В. Азакавичуте, М. Деббарма, Х. Йоас, Ш. Шварц и другие), в которых прослеживается связь ценностей и норм культуры со сдвигами и трансформациями смыслов бытия – любви, красоты, истины и т. д., а также обобщением результатов длительных репрезентативных мониторингов ценностных трансформаций World Values Survey и Европейского социального исследования (ESS), демонстрирующих существенные подвижки в иерархии ценностей, в том числе в условиях сопряженности развития культуры и цивилизации; 2) культурфилософская рецепция кризисности и ценностного кризиса современной культуры основывается на положениях мыслителей разных эпох, которые в своих трудах затрагивали проблематику смещения смыслов бытия, кризиса культуры, кризиса ценностей, при этом были выделены три основных направления рецепции:

историкоцентристское, представленное концептуализацией соотношения культуры и цивилизации сквозь призму переосмысления исторического процесса (О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Ф. Мейнеке, Э. Трельч и др.); интериоризационное, основанное на концепциях, определяющих особенности накопления и передачи социокультурного опыта между поколениями (Г. Зиммель, З. Фрейд, Н. А. Бердяев, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Гвардини, Н. Гартман, Р. Панвиц и др.); духовнокумулятивные, противопоставляющие кризисности бытия и ценностному кризису культуры «накопление духовности» в смыслах бытия (Г. В. Ф. Гегель, Э. Гуссерль, М. Шелер, Р. Г. Лотце, Н. А. Бердяев, В. Соловьев, М. О. Гершензон, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин и др.); 3) обоснована авторская трактовка цивилизационного фактора ценностного кризиса как ценностно-нормативного вектора развития культуры, который способствует ее кризисному состоянию в процессах перераспределения («центрации») культурных универсалий из пространства современной культуры в пространство современной цивилизации; данная трактовка соотносится с позицией ряда современных исследователей, которые рассматривают различные варианты сопряженности культуры и цивилизации (А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, А. Хаген, Дж. Холден, Х. Матёва, Я. Дворжек и др.).

Глава 2. Цивилизационные основания ценностного кризиса современной культуры

2.1. Культурно-цивилизационная «центрация» консолидирующих ценностей

Ценностный кризис современной культуры проявляется совершенно по-разному, но прежде всего он охватывает культурные ценности и культурные универсалии: первые в наибольшей степени подвержены кризису в силу того, что оказываются в промежуточном состоянии между традиционностью и инновационностью, при этом механизмы сохранения их традиционного облика выглядят довольно сложными и не всегда эффективными (например, в случаях доминирования инновационных процессов те ценности, которые передавались из поколения в поколение в течение многих лет и даже эпох, тем не менее, тоже могут быть подвержены существенной «инновационной» трансформации); вторые – культурные универсалии – если и видоизменяются, то только в пространстве и времени, сохраняя при этом свой универсализм; однако в условиях культурно-цивилизационного развития и они тоже могут испытывать на себе влияние социально-политических и социально-экономических процессов – происходит «центрирование культурных универсалий» (данный механизм, выявленный А. Хаген, был подробно описан в предыдущей части диссертации). Данный механизм с особой силой проявляется в условиях сопряженности культуры и цивилизации: культура определяет смыслы бытия, «центрирует» их, обеспечивает их ценностно-нормативное содержание, в основании цивилизации лежат процессы экономизации, политизации, юридизации ценностей (по мнению В. А. Кутырева, «человеческое общение вытесняется юридическими отношениями»¹⁶⁶), а также процессы «растворения» ценностей в тотальной социальности, технократии и т. д. Современная линия исследований

¹⁶⁶ Кутырёв В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 95.

демонстрирует, что культура и цивилизация идут по разным путям развития: культура тяготеет к закреплению ценностей и норм в человеческом индивидуальном и коллективном бытии, а в свою очередь цивилизация способствует их «проверке» на инновационность: насколько эти ценности могут выполнять предписанные им функции для стремительного развития и роста социального потенциала; так, В. Шефер отмечает, что культура не изменяет своей основной цели, которая была заложена в ней еще в древности, – формирование смыслов бытия и поддержание их в «рабочем состоянии» – функциональном состоянии, т. е. несмотря ни на что, ни на какие эндогенные и экзогенные процессы – культура не перестает эти смыслы бытия и ценности сохранять, другое дело цивилизация: она должна провести проверку ценностей прежде всего на предмет их консолидирующей роли и обеспечения выживаемости индивидов и поколений носителей культуры¹⁶⁷.

Обратим внимание на одну важную особенность, подчеркнутую исследователем – он ведет речь, прежде всего, о консолидации индивидов как одной из ключевых проблем сопряженности культуры и цивилизации; действительно, культура должна обеспечить такую консолидацию – те или иные смыслы бытия (например, свобода, равенство и др.) и соответствующие им универсалии (единство, братство и т. д.) и ценности (семья, поколение, родители и др.) должны выполнить свою функцию консолидации, в то время как цивилизация осуществляет «центрацию» этих систем или своего рода их проверку на «инновационность»: равенство становится избирательным в системе карательной политики или возвышения социальных групп и классов («цивилизационная стратификация»¹⁶⁸), братство получает неофашистскую трактовку (партия «Братья Италии», победившая на выборах в парламент страны в 2022 г. выступает с программой в такой интерпретации), «границы» и коды современной западной семьи также заметно изменяются в сторону нетрадиционных отношений («сохранение семьи, по-видимому, главный

¹⁶⁷ Schäfer W. Global Civilization and Local Culture. International Sociology. 2020. Vol. 16. Is. 3. P. 306.

¹⁶⁸ Park R. E. Cities of Culture, Cities of Civilization. Journal of Foreign Languages Cultures and Civilizations. 2017. P. 220.

раздражитель для современной цивилизации, от семьи как формы совместного существования, в сущности, уже отказавшейся»¹⁶⁹) и т. д. Получается, как полагает Р. Парк, *цивилизация развенчивает почти все устои культуры*¹⁷⁰, но главное, что она делает – она не изменяет сам «образ» ценности, но видоизменяет систему координат, в которой эти ценности переосмысливаются и переоцениваются – как правило, это происходит в силу воздействия цивилизационного фактора, основным принципом которого становится инновационность. Но нужно иметь в виду, что цивилизационный фактор предлагает и свои мерки инновационности – по мысли Дж. Стори, в этом случае культура «собирает», «соединяет» смыслы бытия и ценности в строгую систему, цивилизация же их «деконсолидирует» – в этом и заключается основной принцип цивилизационной инновационности¹⁷¹.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, выяснение причин, почему это происходит. Полагаем, что для этого есть по крайней мере *три* основные причины: во-первых, в ходе «центрации» ценностей фактор консолидации может быть упущен из виду: не все ценности и к тому же не всегда способны консолидацию обеспечить, следовательно, возникает обратный эффект – деконсолидации, который вызывает ценностный кризис, но в то же время дает стимул для проявления цивилизационного фактора: цивилизация предлагает свою систему координат для переоценки ключевых ценностей человеческого бытия; поэтому можно сказать, что в условиях культуры происходит своя переоценка ценностей по собственным принципам, а в условиях цивилизационного развития – своя; о необходимости рассмотрения вопроса о цивилизационном реализме, связанного с различием «цивилизации реальной» и «цивилизации» для оценок ее роли в бытии и социальной реальности, предлагает порассуждать сербский исследователь Часлав

¹⁶⁹ Кутырев В. А. Указ. соч. С. 97.

¹⁷⁰ Park R. E. Указ. соч. Р. 221.

¹⁷¹ Storey J. The culture and civilization' tradition. Journal of Foreign Languages, Cultures and Civilizations. 2018. № 6. Р. 24.

Копривица. Он, в частности, пишет: «Наконец, есть ли настоящая цивилизация, помимо понятия "цивилизация", т. е. возможно ли говорить о каком-то цивилизационном реализме? С одной стороны, может показаться, что цивилизация является "изобретением" интеллектуалов, которые вообразили ее путем введения в обращение и культивирования термина "цивилизация". Со временем стали возникать и эмоции, вызываемые именно словами "цивилизация" и "культура". Однако на эти эмоции реагируют преимущественно в тех же самых кругах, которые их распространили – среди интеллектуалов»¹⁷²; мы также разделяем точку зрения о том, что концептуализация цивилизации и сам феномен цивилизации требуют разных систем координат в осмыслении их содержания.

Во-вторых, как замечает В. М. Розин, «культуры европейской цивилизации и культуры модерна хотя и входят в одно категориальное пространство, заданное процедурами сопоставления и противопоставления культур, а также констатацией их целостности, но входят по-разному. Для культур модерна целостность и противопоставленность во многом задаются оптикой государства как социального института, а для культур европейской цивилизации – историческими событиями и различием мировоззрений (вера в души, богов, христианского Бога, природу и пр.)»¹⁷³. Как видим, важное значение во всех этих случаях имеют как раз системы координат, в которых переоцениваются ценности и нормы – и это нередко могут быть политизированные системы или системы техногенного характера. Очевидно, в таком случае могут быть использованы системы координат «культура – антикультура», «ценности – антиценности», но мы все же избежим подобных противопоставлений, хотя они все чаще появляются в современных исследованиях культурно-цивилизационных процессов, в том числе связанных с кризисом культуры. Представляется, что

¹⁷² Копривица Ч. Д. Возможность конституирования цивилизации/культуры как коллективного социоисторического актора // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 1. С. 6.

¹⁷³ Розин В. М. От традиционного понятия «культура» к различению понятий «культура модерна», «культура европейской цивилизации», «посткультура», «креативные культуры», «фьючекультура» // Мир психологии. 2019. № 3 (99). С. 29.

данный дихотомичный подход несколько упрощает вопрос сопряженности культуры и цивилизации; мы не станем углубляться в него – он должен составить объект другого самостоятельного исследования, но все же признаем, что вряд ли можно согласиться с утверждением, согласно которому «культура есть совокупность духовных ценностей, а цивилизация – совокупность ценностей материальных»¹⁷⁴. Здесь явно прослеживается «формальный» механицизм, который явно не приемлем в диагностике проблем культурно-цивилизационного развития на современном этапе.

Наконец, в-третьих, предметом нашего исследования является ценностный кризис культуры, следовательно, мы должны определиться, рождается ли ценностный кризис именно в точках сопряженности культуры и цивилизации или же он происходит как самостоятельное (эндогенное) явление, связанное с внутренними процессами развития и культуры (например, в результате «центрации» культурных универсалий), и цивилизации (как следствие ее ориентации на техногенные изменения в мире). Ранее мы уже обосновали точку зрения, согласно которой именно цивилизационный фактор во многом способствует развитию ценностного кризиса современной культуры. В особенной степени это проявляется в консолидирующих ценностях, которые, с одной стороны, являются ядром культуры, обеспечивают преемственность традиций культуры и их передачу от одного поколения другому, но, с другой стороны, именно данный тип ценностей подвержен «центрации» со стороны цивилизации, поскольку консолидирующие ценности затрагивают не только глубинные ментальные уровни человеческого бытия, но и связаны с политической, экономической, социальной рефлексией и соответствующими ей смыслами бытия.

Именно поэтому цивилизация испытывает консолидирующие ценности на прочность, в то же время культура должна вырабатывать способы преодоления этой «центрации» – вероятнее всего, в таких условиях и порождается

¹⁷⁴ Кортунов В. В. Культура и цивилизация как основной вопрос социологии культуры // Научный журнал СЕРВИС Plus. 2014. № 1. С. 6.

ценностный кризис, но при этом вовсе не утрачивается надежда на минимизацию его последствий; здесь мы исходим из того, что все-таки ценностный кризис имеет затяжное течение и практически становится неотъемлемой частью всех протекающих социокультурных процессов и социокультурной динамики. Как замечает В. М. Межуев, «культурная ценность – это и не то, чего индивид инстинктивно желает, хочет для себя, к чему его неосознанно влечет; она имеет значение для целого, с которым он связан социальными или моральными узами»¹⁷⁵. Эти «узлы» определяют тот факт, что *консолидирующие ценности в наибольшей степени подвержены кризисности* в силу того, что, во-первых, они включены в культурно-исторический контекст становления государственности, обретения индивидами своей идентичности, ментальности, самобытности, следовательно, в наибольшей степени оказываются детерминированными различными процессами и явлениями и, таким образом, находятся в «зоне» кризисного состояния, т. к. не могут оставаться неизменными, не реагирующими на происходящие трансформации, во-вторых, консолидирующие ценности являются точками сопряженности культуры и цивилизации: для культуры они обеспечивают единство ее носителей и соответствуют ключевой цели развития культуры – осуществить трансляцию ценностей последующим поколениям, для цивилизации они становятся универсалиями, получающими дополнительные политические, социальные смысловые характеристики – «центрация» таких универсалий происходит по принципу редукции смыслов: например, возрастающая роль религиозности в обществе и культуре может объясняться не обязательно увеличением масштаба религии как формы общественного сознания, а сложными катастрофическими событиями, вынуждающими людей обращаться к Богу и т. д.

Некоторые исследователи предпринимают попытки сопряжения культуры и цивилизации через их *открытость* человеку, обществу, миру – Н. И. Лапин, применяя антропосоциетальный подход, высказывает идею о

¹⁷⁵ Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006. С. 231.

необходимости понимания цивилизации как самоорганизующейся совокупности отношений идентификации (идентичности) множества людей с исторически своеобразной культурой, которая центрирована на человеке¹⁷⁶. Действительно, культура центрирована на человеке, но способна ли цивилизация ограничиться такой центрацией – возникают сомнения: цивилизация обрастает множеством политических, юридических свойств, она может быть даже продолжением истории финансовых потоков, сражения техники и технологий и т. д. В этом случае место человеку как носителю культуры остается все меньше. Вместе с тем, как полагает Ч. Д. Копривица, цивилизация открыта миру, т. к. она обладает «геоцивилизационной коллективной сингулярностью»¹⁷⁷ – она порождает новые смыслы и закрепляет их за традиционными культурными ценностями, например, консолидирующими. В этой ситуации, если индивид не чувствует социальной и политической угрозы, он воспринимает консолидирующие ценности как традиционные, идентифицирующие его с социумом, своей родной культурой, но как только, отмечает Ч. Копривица¹⁷⁸, возникает «геоцивилизационная коллективная сингулярность» и риски возрастают, а вместе с ними увеличивается масштаб *катастрофизации* бытия, индивид способен воспринимать эти ценности как своего рода противодействие цивилизационному фактору. В конечном итоге культура идентифицируется как закрытое пространство, а цивилизация, напротив, как открытое¹⁷⁹ – вероятно, «центрация» ценностей не вполне отвечает такому положению дел: консолидирующие ценности, являясь основой культурного развития, открыты для приобретения различных дополнительных смысловых коннотаций, собственно, цивилизация этот путь «центрации» как раз и использует:

¹⁷⁶ Лапин Н. И. Своеобразие культур цивилизаций – достояние и ресурс каждого человека и всего человечества // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 5–16.

¹⁷⁷ Копривица Ч. Д. Указ. соч. С. 8.

¹⁷⁸ Там же. С. 12.

¹⁷⁹ Кутырев В. А. Указ. соч. С. 97; Миронова Н. В. Культура и цивилизация в условиях глобализации // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 23.

притягивает новые смыслы, редуцирует уже имеющиеся, закрепленные за теми или иными ценностями и нормами.

Консолидирующие ценности, по выражению Райана Вэя, представляют собой такие ценности, которые не просто объединяют какие-либо активные начала бытия, но и, являясь точками сопряженности культуры и цивилизации, одновременно укрепляют позиции культуры, способствуя объединению ее носителей по признакам этнической, религиозной или иной специфики, и становятся в то же время ресурсом цивилизационного развития, идентифицируя социально-политические, геополитические, социально-экономические и другие процессы¹⁸⁰. На самом деле авторы находят и иные точки сопряженности культуры и цивилизации, например, «культурно-коммуникативные формулы как отражение цивилизационных картин мира»¹⁸¹; «локальные культурно-исторические типы общества, глубинным смыслом которых является менталитет»¹⁸²; «цивилизация необходимо является определенной формой культуры, но не всякая культура непременно имеет форму цивилизации»¹⁸³ и т. д. Однако заметим на этот счет, что авторы вносят еще больший аспект дискуссионности в эту проблему, по сути, определяя цивилизацию через культуру, а культуру соответственно через цивилизацию; именно поэтому сложно согласиться с часто встречающимися утверждениями, подобными следующему: «Культура перманентно трансформируется в цивилизацию», цивилизация – «синоним культуры»¹⁸⁴. «Центрация» ценностей и норм показывает, что и культура, и цивилизация, «притягивая» к себе определенные ценности, наделяют их своими функциями, целеполаганием, наконец, метафизичностью; тогда, по-видимому, более

¹⁸⁰ Wei R. Civilization and Culture. International Review of Social Sciences and Humanities. 2021. Vol. 1. №. 1. P. 10.

¹⁸¹ Завьялова Н. А. Цивилизационные картины мира в контексте культурно-коммуникативных формул. Екатеринбург, 2021. С. 9.

¹⁸² Трофимов В. К. Русский менталитет как смысловой фокус российской цивилизации // Культура и цивилизация. Екатеринбург, 2001. С. 12.

¹⁸³ Краснухина Е. К. Культура против цивилизации // Система ценностей современного общества. 2015. № 42. С. 81.

¹⁸⁴ Чупров А. С. Культура и цивилизация: тождество противоположностей // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 96; 99.

резонным будет утверждение о том, что *для культуры и цивилизации основой для трансформаций являются именно ценности и нормы*, а не что-либо иное. Также следует подчеркнуть, что «центрация» ценностей как раз и позволяет разделять культуру и цивилизацию даже безотносительно результатов возможных «превращений» одного в другое – культуры в цивилизацию. На самом деле, для концептуализации культуры и цивилизации необходимы совершенно иные системы координат, выводящие эти феномены на онтологический уровень, равно как более продуктивным способом идентификации этих явлений следует считать «центрацию» ценностей или универсалий – методологический ракурс соотношения культуры и цивилизации в таком случае выглядит более акцентированно. Но в любом случае нельзя сводить или «выводить» культуру из цивилизации, и наоборот. Когда же исследователи пытаются «ввести» в анализ сопряженности культуры и цивилизации другие сложные понятия или координаты, например «цивилизационную картину мира», понимаемую «как совокупность культурных картин мира народов, входящих в состав цивилизации»¹⁸⁵, – ситуация становится еще более запутанной: получается, что цивилизация как будто бы поглощает культуру, но с этим трудно согласиться.

В то же время следует иметь в виду, что сопряженность культуры и цивилизации особенно проявляется на уровне именно консолидированных ценностей. Здесь можно привести две ведущие причины: во-первых, данный тип ценностей охватывает актуальные смыслы бытия, которые находят свое воплощение во всех формах общественного сознания: идеологии, мифологии, политике, праве, науке и др. Действительно, например, одна из ключевых консолидирующих ценностей – гражданственность – актуализирована одновременно и как культурная универсалия, отражающая значимость для каждого индивида отношений к государству, сплоченности вокруг той или иной идеи (национальной идеи), поиска оснований для единства (или даже Всеединства в русской религиозной традиции), и как

¹⁸⁵ Завьялова Н. А. Указ. соч. С. 23.

цивилизационный фактор: гражданственность, безусловно, подвергается политизации, предстает как центр социально-политических алгоритмов бытия, а следовательно, рассматривается не только как универсалия или ценность культуры, но и как сегмент цивилизационного развития. По выражению современного британского историка и философа Ниала Фергюсона, «загадка западной цивилизации заключается в том, что отсутствие единства кажется одной из ее характерных особенностей»¹⁸⁶; в данном случае «центрация» ценностей в условиях западного мира происходит по цивилизационному основанию: «отсутствие единства» порождается в том числе и тем обстоятельством, что западный мир на современном этапе его развития утратил объединяющую идею или смысл бытия, прежде всего, в силу нарастающей поляризации мира, разобщенности, что определяется противоречивыми политическими и экономическими, а не культурными (и даже не социокультурными) детерминантами.

В то же время именно консолидирующие ценности могут быть идентифицированы в качестве способов преодоления ценностного кризиса культуры, о чем речь пойдет в следующем разделе диссертационного исследования. Во-вторых, именно консолидирующие ценности подвержены наибольшей «центрации» в силу того, что они пронизывают все аспекты человеческого бытия независимо от стран, континентов, этнонациональных особенностей, политических режимов, типов экономики; при этом культурная «центрация» таких ценностей осуществляется *по принципу их соответствия духовной безопасности* и основам культурной политики, в то время как цивилизационная «центрация» идет по несколько иному пути: консолидирующие ценности *«притягиваются» в те области человеческого индивидуального и коллективного бытия*, в которых возрастают проявления социальной напряженности, катастрофизация жизни, конфликтность и т. д.

Исследование состояния консолидирующих ценностей нами будет осуществляться с учетом ценностного кризиса культуры на основании

¹⁸⁶ Фергюсон Н. Указ. соч. С. 38.

методологического ресурса, предложенного А. Хаген¹⁸⁷, В. Асакавичуте¹⁸⁸ и Р. Инглхартом и К. Вельцелем¹⁸⁹ и адаптированного в предыдущей части настоящей диссертации. Эмпирической базой для культурфилософских обобщений являются данные Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) (1981–2020) и Европейского социального исследования (European Social Survey) (2001–2021). «Стратегия» определения границ ценностного кризиса культуры с учетом цивилизационного фактора состояла из трех основных этапов: 1) выявление ключевых смыслов человеческого бытия, подвергавшихся существенной трансформации на протяжении длительного времени (сразу отметим, что по наблюдениям во Всемирном обзоре ценностей именно консолидирующие ценности претерпевают значительные изменения на протяжении всего времени мониторинга); 2) установление принципов и степени «центрации» консолидирующих ценностей в зависимости от трансформации ключевых смыслов бытия; 3) констатация ценностного кризиса на основании недостаточной степени «центрации» консолидирующих ценностей в пространстве современной культуры. Именно в таком методологическом ключе с учетом разработок А. Хаген и В. Асакавичуте может быть получена, как нам представляется, довольно полная картина состояния и консолидирующих ценностей, и ценностного кризиса культуры.

Важным вопросом является сложность идентификации самих консолидирующих ценностей – в силу того, что они все чаще в последнее время получают «цивилизационные» коннотации – социально-политические, правовые, социально-экономические и другие, их можно соотнести с идеологией и рассматривать именно как элементы идеологического развития. Вместе с тем даже при условии приобретения такими ценностями идеологической нагрузки они в общем-то не перестают быть прежде всего ценностями и составляют «сегмент» культуры. Некоторые исследователи

¹⁸⁷ Hagen A. Указ. соч.

¹⁸⁸ Asakaviciute V. Указ. соч.

¹⁸⁹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч.

выделяют различные «кластеры» смыслов бытия: метафизический, познавательный, нравственный, эстетический¹⁹⁰, но среди них особое место отведено и консолидирующему, на что обращают внимание С. Гукрогер¹⁹¹ и Ч. Копривица¹⁹²; при этом авторы в число консолидирующих ценностей включают *религиозность, гражданственность, патриотичность, братство, солидарность* и другие.

Более широкая классификация предложена Т. Ф. Масловой: она относит к консолидирующим такие группы ценностей, как «культурно-коммуникативные, морально-психологические, социально-правовые, социально-демографические, социально-экономические и другие, отражающие признаки ценностного единства в контексте динамизма современного общества»¹⁹³. С этой типологией можно согласиться, но по большому счету все ценности как таковые могут быть распределены по этим группам, не имея выраженного консолидирующего характера. Отметим, кроме того, что консолидирующие ценности Ш. Шварц относит к базовой группе ценностей, представляющих собой желаемые «кросс-ситуативные цели»¹⁹⁴. Именно консолидирующие ценности («кросс-ситуативные цели») в качестве объекта изучения чаще всего фигурируют во Всемирном обзоре ценностей и Европейском социальном исследовании. Более того, изменения, происходящие в системе таких ценностей, являются более выраженными, в межстрановом сравнении идентифицируются практически в любой стране; примечательно, что сама ценностная «центрация» оставляет заметный след в преобразовании консолидирующих ценностей – они одновременно сохраняют свой потенциал в пространстве культуры, оставаясь «приближенными» к ключевым смыслам человеческого бытия, и в то же время в результате цивилизационных изменений (выраженной политизации, юридизации и т. д.) центрируются уже в

¹⁹⁰ Чупров А. С. Указ. соч. С. 98.

¹⁹¹ Gaukroger S. Civilization and the Culture of Science. OUP Oxford, 2020. P. 202–204.

¹⁹² Koprivitsa Ch. D. The Balkans, Europe's Distant Back Yard: Identity – Alterity, Necessity – Arbitrariness. European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities. 2016. № 2 (2). P. 20–21.

¹⁹³ Маслова Т. Ф. Консолидирующие ценности как основа социокультурной интеграции современного общества // Россия: тенденции и перспективы развития. М., 2016. С. 539.

¹⁹⁴ Schwartz S. Указ. соч. 1994. P. 40–41.

пространстве цивилизации и зачастую в силу того, что процесс «центрации» протекает разнонаправленно и с различной силой, именно консолидирующие ценности оказываются в состоянии ценностного кризиса – дистанция между ними и ключевыми смыслами бытия существенно растет.

Итак, некоторые открытые результаты (эмпирические данные) Всемирного обзора ценностей (WVS)¹⁹⁵ и Европейского социального исследования (ESS)¹⁹⁶ показывают, каким образом с изменением смыслов бытия происходит трансформация консолидирующих ценностей в части смещения их смысловой нагрузки в плоскость политики, экономики и т. д. под воздействием цивилизационного фактора. Прежде всего в основании упомянутых исследований лежит не только мониторинг конкретных изменений ценностей и анализ факторов, влияющих на данный процесс, но и явно присутствует выход на культурфилософскую рецепцию, когда речь идет о выявлении существенных изменений в системе ключевых смыслов человеческого бытия. По сути, основной схемой анализа в парадигме WVS является следующая модель: *смысл бытия – трансформация смысла бытия – «центрация» ценностей – «центрация» консолидирующих ценностей – ведущий фактор «центрации» – состояние кризисности – идентификация ценностного кризиса*. Отметим, что и в парадигме WVS, и в кластере ESS данная схема работает практически без сбоев. Огромный массив данных, заключающихся в кластерах на указанных исследовательских платформах, представляет собой всеобъемлющий срез ценностей и норм, с одной стороны, традиционных, «привязанных» к таким, например, смыслам бытия, как межпоколенческие смыслы (продолжение рода, поддержание семейственности, клановости, патриархальности, характерных для определенных типов культур и т. д.), с другой стороны, модернизационных – инновационных (капитализация, посткапитализм, неолиберализм, мегаиндустриализм и др.). Чтобы упорядочить возможности анализа массива

¹⁹⁵ World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 05.01.2022).

¹⁹⁶ European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 22.04.2022).

данных, необходима четкая схема; в данном случае на основании методологии А. Хаген, В. Асакавичуте, Р. Инглхарта и К. Вельцеля предлагается вышеуказанная схема анализа. При этом мы придерживаемся именно культурфилософской рецепции, не углубляемся в социальную сферу бытия, не рассматриваем те смыслы бытия, которые возникают в силу распространения различных политических, технократических и других оснований мировоззрения и миропонимания, а также формирования различных вариантов картины мира.

Смысл бытия. По мысли Р. Инглхарта и К. Вельцеля, ключевым смыслом бытия, в наибольшей степени определяющим развитие человека и культуры на современном этапе истории, является гуманистический смысл¹⁹⁷, который в свою очередь сопряжен с рядом других «онтосов»; они перечисляются в одном из крупных социокультурных исследований, проведенных в 2018–2020 гг. в социальном университете Амстердама на тему «Кризис культуры или кризис систем ее оценивания» – результаты данного масштабного проекта приведены в журнале «Krisis»¹⁹⁸. Авторы исследования обратили внимание на тот факт, что из всех смыслов бытия, которые определялись участниками исследования (представителями разных групп населения из более чем 23 стран, включая Россию, с выборкой более 20 тыс. чел.) в качестве поддерживающих их духовные силы, жизненную защищенность («existential security», по выражению Инглхарта – Вельцеля¹⁹⁹) назывался смысл интеграции (единения, объединения, солидарности). Мы можем на основании выделенных «признаков» такого смысла бытия [а его инструментализация в целях эмпирического исследования проходила по трем уровням: 1) тотальная распространенность в мировоззрении и закреплённость в картине мира (основание – опросники, анализ лейтмотивов, выбор предложенных вариантов и их шкалирование по важности и влиянию на повседневную жизнь и жизнь в среднесрочной и долгосрочной перспективе

¹⁹⁷ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 12–13.

¹⁹⁸ «De cultuurcrisis of de crisis van haar beoordelingssystemen» (голланд.). *Krisis / Journal for Contemporary Philosophy*. URL: <https://krisis.eu> (дата обращения 14.01.2022).

¹⁹⁹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 12.

и т. д.); 2) уровень «закрепленности» отдельно в пространстве культуры и кластере общественных отношений (основание – опросники, картографирование зон напряженности по достижению духовной и социальной безопасности); 3) влияние на все сферы бытия или частично на определенные сферы (основание – анализ вторичных данных)] идентифицировать его как *консолидирующий смысл*. По данным WVS, рейтинг консолидирующих смыслов бытия является достаточно высоким – 7,341 (из 10 возможных) пункта; в раскладке по странам – незначительные отклонения, по типам культур (этнические [традиционалистские] – превосходит средний рейтинг на 0,244 пункта, что следует признать незначительным; индустриальные – также незначительные отклонения и т. д.). Стоит отметить, что по сравнению с другими выделенными «онтосами» (например, *субстанциональными* – поиск идеалов, сущностей, первоосновы и т. д. или *вещественно-субстратными* – обретение полного или истинного знания о миропорядке или устройстве мира и др.) консолидирующий смысл (интеграция и солидарность) имеет, по данным исследовательского проекта «De cultuurcrisis of de crisis van haar beoordelingssystemen», самый высокий рейтинг.

Трансформация смысла бытия. По данным Всемирного обзора ценностей WVS, трансформация смыслов бытия чаще всего происходит по политико-идеологическим причинам, при этом сам процесс изменений идентифицировался по нескольким ключевым позициям, но для нашей работы интерес представляют прежде всего две из них: 1) изменение компонентов человеческого развития (объективация принципов самовыражения индивидов: с течением времени появляются новые возможности для самовыражения именно в политике – рейтинг 8,012); 2) выраженность оснований обеспечения духовной безопасности, связанной с сохранением традиций и межпоколенческого социального и культурного опыта; результат изменений смысла бытия концептуализировался по принципу лейтмотивности выбора; с течением времени у носителей культуры право выбора между различными компонентами человеческого развития существенно меняется: так, лейтмотивы интеграции, солидарности уже к 2016 году претерпевают существенные

изменения, определяемые политической ситуацией в мире (смена правительств в различных государствах, причем неоднократно за короткий промежуток времени, Брексит, региональная «деглобализация» в Западной Европе и т. д.). Данные лейтмотивы (смыслы бытия) усиливают независимость индивидов в образах мысли, материальных, интеллектуальных ресурсах. На это обстоятельство также обращают внимание Инглхарт – Вельцель, полагающие, что «акцент в культурной сфере смещается от коллектива и дисциплины к свободе личности, от групповой нормы к индивидуальному многообразию, от власти государства к личной независимости...»²⁰⁰. В конечном итоге ключевой смысл бытия – консолидация – подвергается трансформации под воздействием процессов изменения компонентов человеческого развития и необходимости обеспечения духовной безопасности.

«Центрация» ценностей затрагивает консолидирующие ценности в той степени, что они в пространстве культуры уже не остаются в прежнем состоянии: культура не обладает той силой их притяжения, как это было ранее, хотя бы на момент старта WVS в 1981 году. Основной принцип «центрации» – показать, как ценности удаляются постепенно от культурного ядра и все более закрепляются на периферии культурного развития, по сути, размыкая смыслы бытия и становясь уязвимым элементом самой культуры. Такие «ослабленные» ценности теряют свой статус традиционных, становятся инновационными, иногда для их измерения и обобщения необходимы собственные интерпретационные модели, которые вполне могут носить выраженный политический или какой-либо иной характер, например, цивилизационный.

«Центрация» консолидирующих ценностей. Результаты Европейского социального исследования (ESS) в период с 2010 по 2012 г. фиксируют «центрацию» консолидирующих ценностей на основании сопоставления компонентов человеческого развития и тех функций, которые данные ценности выполняют в обществе: удельный вес ценности религиозности в указанный период

²⁰⁰ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 12.

существенно возрастает (рейтинг от 6,212 до 7,307 за два года измерений, по охвату населения – на 10 %), но в силу изменения лейтмотива бытия – от консолидации к индивидуализации – религиозность воспринимается как желание ухода от острого влияния политики, идеологии и экономики на индивида. Получается, что ценность религиозности проходит этап «центрации» по причине поиска индивидом вариантов выбора, но не в пользу веры, следования религиозному канону и будущего просветления, а в связи с противопоставлением политизации всех сфер бытия. Результаты ESS, кроме того, указывают на тот факт, что ценность религиозности выполняет теперь функцию не открытия пути к Богу, а дистанцирования от социально напряженных и социально обусловленных аспектов бытия. Нельзя сказать, что консолидирующая роль религиозности в таком случае утрачивается – мы констатируем снижение этой роли на уровне лейтмотива выбора индивида: идти по пути политики или, например, по пути религии, но в пику политической ангажированности, а не ради обретения единства с божественной силой. Примерно в таком же ключе рассматриваются и другие консолидирующие ценности – их «центрация» проходит в силу ослабления функциональности, которое в свою очередь связано с трансформацией смыслов бытия. Применительно к ценности религиозности ситуация только усугубляется: по данным ESS, с 2012 года по 2017 год удельный вес данной ценности не снижается и даже несколько возрастает (рейтинг 7,805), но при этом массовые опросы населения разных стран демонстрируют снижение «охранительной» функции религиозности: она не связывается с духовной безопасностью индивида и социума и заметно уступает место «секулярно-рациональным ценностям», особенно в группе молодых людей (до 40 лет), хотя заметны подвижки в эту сторону и среди других групп. Как отмечается, «становясь старше, эти люди не становятся более приверженными традиционным ценностям и ценностям выживания, как можно было бы предположить...»²⁰¹. На это обстоятельство обращают внимание Инглхарт – Вельцель, которые также обращались к обобщениям «срединных» волн Всемирного обзора ценностей WVS. С другой стороны, на «центрацию»

²⁰¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Указ. соч. С. 19.

религиозности как ценности накладываются различные политико-идеологические события, которые также уменьшают ее традиционную консолидирующую функциональность: духовный кризис католической церкви, «прибалтийская независимость от Русской православной церкви» и т. д. При этом Б. В. Межуев верно замечает, что «традиционная религия постепенно, шаг за шагом отстывает из западного общества, и вернуть какие-то связанные с ней запреты, уже один раз пересмотренные и отмененные, оказывается невозможно без допущения массового подъема религиозности и клерикального возрождения, на что евро-атлантическая цивилизация в нынешнем ее состоянии едва ли способна»²⁰².

Ведущим фактором «центрации» ценностей следует признать прежде всего цивилизационный фактор. Дело в том, что именно обстоятельства цивилизационного развития создают условия для того, чтобы «классические» или традиционные ценности обществ в начале XXI века все более замыкались на «центре» выживания. Многие исследователи, как уже подчеркивалось ранее в настоящей работе, обращают внимание на тот факт, что практически все группы ценностей под влиянием цивилизационного фактора превращаются в кластер *ценностей выживания* с соответствующими ему поведенческими социальными и индивидуальными практиками: к примеру, в исследовании ESS приводятся случаи увеличения доли магии и астрологии в повседневной жизни индивидов, при этом данные ценности представляют собой группу ценностей выживания: как известно, возрастание интереса к магии в индустриальных и постиндустриальных культурах происходило в условиях социальной, политической и экономической напряженности и т. д. В исследовании WVS на методологическом уровне цивилизационный фактор «центрации» ценностей идентифицируется по двум основным критериям: 1) изменение структуры систем ключевых ценностей под влиянием техногенных и иных трансформационных процессов, имеющих варианты перехода от острого

²⁰² Межуев Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код» и в чем он может заключаться?. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2005 (дата обращения: 18.04.2022).

течения к устойчивому; 2) «разъем» поколений, когда отсутствует равновесие и устойчивость ценностей в межпоколенческой трансляции – все эти и другие признаки, по мнению исследователей, прежде всего свидетельствуют в пользу цивилизационного фактора «центрации» ценностей. Как полагает, в частности, Ш. Шварц, «современная культура с трудом может удерживать какие-либо ценности в своем пространстве, они очень быстро переходят в цивилизационное поле и, таким образом, начинают все как один выполнять предназначенную для них именно цивилизацией функцию выживания – они и становятся по определению ценностями выживания»²⁰³. Собственно, на этом основании ведется речь и о *состоянии кризисности – идентификации ценностного кризиса*.

Какие-либо существенные подвижки в системе ценностей, наложившиеся на изменения смыслов бытия, являющихся более устойчивыми формами развития человека и его мира, по сути, априори можно считать проявлениями состояния кризисности. Эти состояния усложняются, а точнее прочно закрепляются в человеческом бытии при участии цивилизационного фактора – он вынуждает культуру закрывать свою систему ценностей для сохранения их традиционного облика, однако в таких условиях, когда культура всегда тяготела к открытости, возникает противоречие и системный ценностный кризис: наблюдается ситуация, когда человек не может выбирать те или иные ценности, поскольку под воздействием цивилизационного фактора развитие получают преимущественно именно ценности выживания. Но конкретные проявления ценностного кризиса, его идентификация в рамках Всемирного обзора ценностей WVS происходят в тех случаях, когда консолидирующие ценности превращаются в ценности выживания и начинают определять повседневные практики носителей культуры по принципам политической, социальной, экономической или даже технократической детерминации. Действительно, под воздействием цивилизационного фактора (по WVS: утрата структуры ценностей и невозможность или ограниченность их

²⁰³ Schwartz S. Указ. соч. 1994. P. 33.

передачи от одного поколения другому) консолидирующие ценности, являющиеся одними из ключевых в современном и историческом бытии человека, трансформируются в ценности выживания: религиозность, обеспечивающая консолидацию на уровне веры в божественную силу, приобретает свойства ухода от социальной напряженности и, таким образом, повышает градиент выживания в реальном мире, патриотичность нивелируется до примыкания к идеям единого миропорядка (прежде всего в масштабе Евросоюза), но при этом консолидирующий смысл для этих стран ЕС патриотичность утрачивает в силу того, что, как полагает М. Стивенсон, наблюдается социально-психологическая «вживаемость» индивидов в самую идею патриотичности. При этом зачастую она не имеет реального веса в бытии, но продолжает механически обеспечивать их самоидентификацию и в целом сопротивляемость возможным «манипуляциям» с данной ценностью²⁰⁴; ценность патриотичности, вероятно, относится к наиболее идеологически и политически окрашенным ценностям – апелляция к этим свойствам патриотичности нередко вызывает спекуляции со стороны органов власти и различных общественных сил; как верно замечают исследователи, «о патриотизме обычно вспоминают в эпоху серьезных испытаний духовных и нравственных сил народа»²⁰⁵. В таком случае как раз речь идет о том, что и ценность патриотичности приобретает выраженные черты ценности выживаемости.

Таким образом, культурно-цивилизационная «центрация» консолидирующих ценностей, о чем шла речь в данном параграфе настоящей работы, представляет собой идентификацию процесса или состояния перехода ценностей, традиционно являющихся основой социокультурной динамики и в целом культурно-исторического развития, из пространства культуры в

²⁰⁴ Stevenson M. Globalization, National Cultures, and Cultural Citizenship. *Sociological Quarterly*. 2007. Vol. 38. P. 56–57.

²⁰⁵ Лубский А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. № 1. С. 46.

пространство цивилизации под воздействием самого широкого круга объективных обстоятельств политизации, юридизации, экономизации человеческого индивидуального и коллективного бытия.

2.2. Роль ценности гражданственности в преодолении ценностного кризиса современной культуры

В вопросе о ценностном кризисе современной культуры повышается эвристическая значимость идентификации способов минимизации его последствий или возможного преодоления. Мы также обращаемся к данному аспекту исследования, тем более что речь идет именно о ценностном преодолении кризиса, т. е. мы не выходим за рамки объектно-предметного пространства настоящей работы. Тем не менее, задача эта представляется довольно сложной, т. к. выше мы неоднократно отмечали, что практически весь пул ценностей, которые находятся в системе «центрации» культуры и цивилизации, подвержены кризисному состоянию, имеют те или иные варианты трансформации, не всегда сохраняют свою функциональность, утрачивают какие-либо свойства, но при этом, конечно же, не перестают быть ценностями по своей сути, поскольку продолжают оставаться сопряженными с актуальными смыслами человеческого индивидуального и коллективного бытия.

Из всех консолидирующих ценностей в условиях современного состояния развития культуры и цивилизации именно ценности гражданственности уделяется повышенное внимание по вполне объяснимым причинам. Во-первых, ценность гражданственности названа в числе традиционных российских духовно-нравственных ценностей в соответствии с Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

ценностей»²⁰⁶. Во-вторых, практически все актуальные философские, антропологические, социологические исследования не обходят своим вниманием проблематику гражданственности; при этом сложный междисциплинарный дискурс, состояние которого мы также планируем вкратце осветить в нашей диссертации, преимущественно акцент делает именно на оценках социально-политического и социально-философского ракурса трактовок гражданственности. Между тем мы, как и было сказано, исходим из идентификации гражданственности как ценности, занимающей место среди других консолидирующих ценностей. В-третьих, данная ценность в большей степени подвергается изменениям под воздействием цивилизационного фактора, когда «центрация» происходит с изменением статуса и функциональности ценности – из кластера консолидирующих она, как и другие ценности, может быть подвержена трансформации до ценностей выживаемости с утратой ее культуросозидательного потенциала и т. д. Иными словами, именно данная ценность находится в водоразделе политики, экономики, социальной и правовой жизни и т.д. В-четвертых, ценность гражданственности «захватывает» все сферы бытия, проходит через все эпохи, а следовательно, она получает такую смысловую нагрузку, которая может либо способствовать наступлению кризисности и кризиса культуры, либо, напротив, противодействовать им в той или иной степени. В-четвертых, данная ценность активно изучается на этапах всех волн и Всемирного обзора ценностей (WVS), и Европейского социального исследования (ESS), поэтому сделанные нами обобщения на этот счет более верифицируемы, хотя мы признаем, что в случае культурфилософской рецепции трудно удержаться от того, чтобы не перейти в плоскость каких-либо политических суждений на этот счет. Для того, чтобы избежать данной ситуации, мы будем придерживаться теоретико-методологического ракурса анализа гражданственности именно как ценности

²⁰⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 09.11.2022).

культуры, предложенного рядом турецких исследователей (А. Альтикулач²⁰⁷, А. Эрзой и Ф. Остюрк²⁰⁸, И. Сахин и Ф. Чермик²⁰⁹) и отчасти сложившегося в русле исследовательского опыта Инглхарта – Вельцеля. Таким образом, мы полагаем, что нам удастся показать, с одной стороны, трансформацию ценности гражданственности, подтверждающую кризисное состояние культуры, с другой стороны, повышенную сопротивляемость цивилизационному фактору, по причине чего данная ценность рассматривается как своеобразное препятствие на пути дальнейшего усугубления ценностного кризиса.

Турецкие ученые предлагают в своих работах идентифицировать ценностное выражение гражданственности по следующим признакам.

1. Гражданственность охватывает всех без исключения индивидов, даже если они по какой-либо причине противопоставлены обществу, культуре, политическому режиму и т. д. (в случае маргинальности или девиантности и др.). Это говорит прежде всего о том, что данная ценность является наиболее распространенной среди всех консолидирующих ценностей; так, например, А. Эрзой и Ф. Остюрк полагают, что «гражданственность – это ценностно-смысловой комплекс, который позволяет любому человеку ощущать себя дома, даже если он физически находится вдали от него – это характерно абсолютно для всех людей, но важно и то, что в таком случае гражданственность предстает как ценность вживания в естественное для человека пространство бытия»²¹⁰; с другой стороны, как отмечают И. Сахин и Ф. Чермик, гражданственность в силу своего «всеобъемлющего участия в бытии человека» должна по определению обладать высокой степенью сопротивляемости каким-либо внешним воздействиям (включая кризисы, трансформации и т. д.)²¹¹. На основании этих суждений мы можем отметить по

²⁰⁷ Altikulaç A. Patriotism and Global Citizenship as Values: A Research on Social Studies Teacher Candidates. *Journal of Education and Practice*. 2016. Vol. 7. № 36. P. 26–33.

²⁰⁸ Ersoy A. F., Öztürk F. Patriotism as a Citizenship Value: Perceptions of Social Studies Teacher Candidates. *Elementary Education Online*. 2015. № 14 (3). P. 974–992.

²⁰⁹ Şahin İ. F., Çermik F. Turkish adaptation of Global Citizenship Scale: Reliability and Validity. *Eastern Geographical Review*. 2014. № 31. P. 207–218.

²¹⁰ Ersoy A. F., Öztürk F. Указ. соч. P. 984.

²¹¹ Şahin İ. F., Çermik F. Указ. соч. P. 210.

крайней мере две ключевых *особенности гражданственности как ценности*: она пронизывает все сферы человеческого бытия и характерна для любых типов обществ с любыми условиями цивилизационного развития.

Данный подход можно назвать масштабированием гражданственности: очевидно, что с точки зрения «центрации» ценностей в условиях культурно-цивилизационного развития гражданственность является одной из ключевых ценностей, которая составляет ядро культуры, сопряжена с «устойчивым» смыслом бытия – обретением, по выражению Ч. Д. Копривицы, «онтологического статуса культурно-цивилизационного "мы"»²¹². Ценность «мы» значима для любого типа обществ, является объединяющей и в то же время способствующей преодолению катастрофизации бытия.

2. Другой исследователь А. Альтикулач обращает внимание на иное важное свойство рассматриваемой ценности, задавая актуальным вопросом: приобретает ли гражданственность какие-либо дополнительные смысловые определения в силу протекающих модернизационно-глобализационных процессов, которые под воздействием цивилизационного фактора, как мы обосновали в настоящей работе, переходят в кластер ценностей, обеспечивающих выживание индивидов, а не их саморазвитие, совершенствование и т. д.? Ответ, с его точки зрения, таков: гражданственность предполагает установление фатического контакта внутри поколений, внутри групп носителей культуры, поэтому определяющим качеством данной ценности является не подверженность влиянию указанных изменений, а, напротив, сопротивление им. Как отмечает исследователь, если обозначить какие-либо рубежи гражданственности, можно обнаружить, что она вовсе не является политическим или каким-либо иным условием для выживания, более того – она становится основанием, имеющим *культуросозидающее свойство: индивиды должны принимать свою культуру, ее ценности и нормы, вживаться в нее, быть сопряженными с ней, устанавливать контакт на*

²¹² Копривица Ч. Д. Указ. соч. С. 5.

конвенциональных основаниях и т. д.²¹³ Именно в таком качестве гражданственность и является традиционной культурной ценностью, определяющей взаимодействие поколений и индивидов. Функция обеспечения выживаемости, скорее всего, будет вторичной и проявляющейся с особой силой как раз под воздействием цивилизационного фактора, меняющего саму суть гражданственности, политизируя ее, принося в ее качества смысл мобилизации усилий человека для выживаемости. Что в таком случае остается от того, что гражданственность именно в статусе культурной ценности несет культуросозидающее начало? Здесь мы можем вновь вернуться к словам Н. А. Бердяева, который полагал, что «ценности не нужны для спасения от гибели...», при таком положении дел само «бытие суживается и упрощается»²¹⁴.

Итак, главный вопрос, который нам предстоит решить, рассуждая о ценности гражданственности, это определение границ процесса «центрации», при котором сохраняется культуросозидающая роль этой ценности и даже в большей степени по сравнению с другими (об этом, в частности, свидетельствуют результаты волн WVS и ESS – и мы еще к ним вернемся, чтобы продемонстрировать, насколько гражданственность способна сохранять свою фатическую функцию – функцию единения). В то же время мы сумеем показать, что вмешательство цивилизационного фактора в этот процесс, конечно же, существенно меняет расклад ценностей и норм, подвергает трансформации ключевые ценности – возникает ценностный кризис, который несет уже *de*-культуросозидающее начало. С точки зрения П. Сорокина, «когда созидательные силы исчерпаны и все их ограниченные возможности реализованы, соответствующая культура и общество или становятся мертвыми и несозидательными, или изменяются в новую форму, которая открывает новые созидательные возможности и ценности. Все великие культуры, сохранившие творческий потенциал, подвергались как раз

²¹³ Altikulaç A. Указ. соч. Р. 31.

²¹⁴ Бердяев Н. А. Смысл творчества ... С. 335.

таким изменениям»²¹⁵. По этому же принципу происходит и «центрация» ценностей, когда либо культура, обладая мощным интегративным потенциалом эпохального свойства, притягивает ценности к себе и удерживает их затем в своем пространстве, либо цивилизация завладевает ими настолько, что они получают новое осмысление и воспринимаются уже, например, как механизмы катастрофизации бытия. Карл Ясперс между тем утверждает, что «люди ощущают близость катастрофы, стремятся помочь пониманием, воспитанием, введением реформ. Планируя, они пытаются овладеть ходом событий, восстановить необходимые условия или создать новые»²¹⁶. Прежде чем мы, однако, углубимся в исследование данного аспекта, отметим *два основных направления культурфилософской рецепции*, согласно которым гражданственность идентифицируется как ценность и соответственно, как феномен культуры, а не только как явление, сопутствующее происходящим процессам политизации, юридизации и социологизации реальности. По сути, сопряженность культуры и цивилизации через «центрацию» гражданственности происходит на уровне такого смысла бытия, как *общинность*. Вместе с тем средоточием развития культуры является именно *гражданская общинность*, в которой гражданственность является вовсе не инерцией сохранения «мы», а его воплощением. При ответе на вопросы о современном состоянии культуры, об особенностях сохранения ключевых ценностей, о вариантах «центрации» можно утверждать, что именно гражданская общинность остается тем местом, где сопряженность культуры и цивилизации может и возрастать, но при этом ценности сохраняют свой статус по-прежнему.

Итак, первое направление – *генеративное*. Оно дает возможность идентифицировать гражданственность с точки зрения соотносимости с феноменом культуры и одновременно показать, в какой именно степени происходят изменения под воздействием цивилизационного фактора. В

²¹⁵ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 435.

²¹⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 35–36.

зарубежной работе «Глобальное исследование гражданственности»²¹⁷, где обобщены результаты практик привития данной ценности индивидам в обществах на протяжении последних лет (2012–2017) указывается ведущий механизм такого привития и главный результат – они представлены именно в культурфилософском ключе и актуализируются через *изменение смыслов человеческого бытия, за которым обязательно следуют изменения ценностей и норм, но при этом кризис как таковой еще не наблюдается, но как только в дело вступает цивилизационный фактор – трансформация настолько захватывает систему культуры, что равновесие между смыслами бытия и ценностями и нормами нарушается, уже практически не выравнивается, и в данном случае уже отчетливо наблюдаются все признаки ценностного кризиса культуры.*

Итак, привитие гражданственности в западных обществах и соответствующих им культурах происходит на основании идентификации гражданской общинности, в которой утверждаются те или иные смыслы бытия на протяжении длительного времени и транслируются неизменно от одного поколения другому; главным смыслом становится объединение индивидов вокруг смысла бытия «МЫ», который, по отчету «Глобального исследования гражданственности», только лишь в невысокой степени сопрягается с идейно-политической интеграцией, но в основном формируется за счет религиозной, морально-нравственной и в целом культурно-исторической идентификации. Так, например, в странах Западной Европы еще в 80–90-е годы XX столетия смысл бытия «МЫ» укладывался преимущественно в рамки идейно-политических и индустриально-капиталистических исканий, соответственно с ними формировался «пул» ценностей, имеющих также идейные коннотации, то с наступлением XXI в. приоритеты изменились довольно заметно – в основной массе общества в ведущих западноевропейских державах стали плавно

²¹⁷ Measuring Global Citizenship Education: A Collection of Practices and Tools. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/global_20170411_measuring-global-citizenship.pdf (дата обращения: 16.07.2022).

устанавливать иные критерии смысложизненных ориентаций – теперь они увязаны с развитием культуры, ее ключевых ценностей и норм; «Глобальное исследование гражданственности» на этот счет приводит выкладки²¹⁸, которые дают представление о том, как менялся градиент социокультурных и идейно-политических кластеров смысложизненных ориентаций для концептуализации смысла бытия «МЫ» в условиях гражданской общинности: у индивидов возрастает интерес к таким ценностям как дружба, коллективизм, взаимопомощь, взаимоподдержка и т. д., одновременно с этим «увеличивается» межпоколенческое влияние данных ценностей в развитии общинности, но можно наблюдать, что это происходит в основном *внутри гражданской общинности*, не выходит за ее пределы, что было бы более актуальным и значимым для консолидации носителей культуры и сопротивления кризисности как таковой. По словам Бердяева, «...динамическое движение внутри культуры с ее кристаллизованными формами неотвратимо влечет к выходу за пределы культуры, к "жизни", к практике, к силе»²¹⁹. Суть культуры, конечно же, состоит вовсе не в том, чтобы атомизироваться, скрыться внутри себя самой или за теми или иными социальными процессами, суть культуры – в открытости ее ценностно-нормативной системы. Если же ценность гражданственности лишь соответствует цели и задачам гражданской общинности, то она находится, по сути, в пространстве, где многие ситуации и процессы социокультурного развития уже подчинены цивилизационному фактору, вынуждающему культуру «центрировать» свои ценности и нормы уже в интересах цивилизационного развития.

Ряд зарубежных авторов (К. Вонг и Дж. Бонагуро) утверждают в связи с этим, что в условиях гражданской общинности Запада, где процветает изоляция ценностей, выгодная для определенных социальных групп,

²¹⁸ Measuring Global Citizenship Education: A Collection of Practices and Tools. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/global_20170411_measuring-global-citizenship.pdf (дата обращения: 16.07.2022).

²¹⁹ Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре ... С. 163.

индивидов или даже целых поколений носителей культуры, только следование смыслу бытия «МЫ» и установление приоритетов такой ценности, как гражданственность, сохраняет западную реальность от острого и, возможно, разрушительного для культуры кризиса; исследователи предлагают в данном случае вести речь о *генерации ценностей* – их собирании и удержании в какой-то ключевой точке бытия, характерной для конкретной культуры или определенного общества²²⁰. Полагаем, что данный подход следует признать важнейшим при определении границ ценностного кризиса культуры – на самом деле он отражает ситуацию, когда нужно обеспечивать «притяжение» – центрацию или генерацию ценностей в локальной точке, тем самым уберегая культуру от потери ее самобытности и ядра, в котором сконцентрированы все ключевые ценности и нормы, а также межпоколенческий символический опыт. Вероятно, следует иметь в виду, что в отличие от «центрации» ценностей, которая, по сути, является предвестником будущего ценностного кризиса, генерация ценностей – это в общем-то позитивное явление для культуры в целом, она происходит по каким-либо законам или закономерностям бытия или же в соответствии с определенной программой – такой программой исследователи Вонг и Бонагуро как раз и называют гражданственность в ее ценностно-смысловом статусе.

По этому поводу можно также добавить, что некоторые исследователи в самой ценности гражданственности усматривают механизм генерации смыслов бытия и противодействие ценностному кризису. Так, например, рассматривается следующая ситуация: различные западные демократии постулируют гражданственность как идею соотнесенности индивидов со своим народом, государством, обществом, но культуре в этом процессе отводится факультативная роль – она как будто бы должна подчиняться такому позиционированию демократического курса; однако как только возникают политические сложности с самоидентификацией, то сразу апеллируют к

²²⁰ Wong C., Bonaguro J. The Value of Citizenship and Service to the Nation. The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. 2020. № 6 (3). P. 97–99.

недостатку социокультурной «генерации», при которой ценность гражданственности могла бы становиться оплотом консолидации и ключевой ценностью, содержащей своего рода «антикризисную программу бытия». Исследуя политический вопрос, связанный с оценками чувства принадлежности мигрантов к принимающей стране, Кристина Симонсен высказывает мысль о том, что такая привязанность не может быть вне ценностного пространства, но поскольку мигранты еще не способны идентифицировать чужие для них ценности и нормы, они имеют представление только о гражданской общинности, их объединяющей. В свою очередь данная, как полагает автор, общинность базируется на ключевой ценности гражданственности – получается, что нет причин для развития кризиса: гражданственность удовлетворяет интересам мигрантов, они «уходят» от политической детерминации своего бытия, идентифицируют указанную ценность как свою – хотя, возможно, это состояние и является временным²²¹.

Между тем в соответствии с генеративным подходом оценивается влияние цивилизационного фактора на ценность гражданственности. Мы исходим из положения, согласно которому данная ценность, хотя и находится, как и другие ценности, под мощным воздействием цивилизационного фактора, все же продолжает находиться в зоне процесса «центрации» в пространстве культуры и при этом сохраняет свое культуросозидающее начало. Такой вывод можно сделать на основании изучения данных Всемирного обзора ценностей (WVS) и Европейского социального исследования (ESS). В первом исследовании акцент сделан на том, что ценность гражданственности соотносится обществами с неизменными смыслами бытия, которые определяют значимость межпоколенческого опыта и одновременно соответствуют духу общинности: 1) единством мира как «стабильным» смыслом бытия, который однако под

²²¹ Simonsen K. B. Does citizenship always further Immigrants' feeling of belonging to the host nation? A study of policies and public attitudes in 14 Western democracies. *Comparative Migration Studies*. 2017. Vol. 5. № 3. URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-017-0050-6#citeas> (дата обращения: 21.07.2022).

воздействием цивилизационного фактора сопрягается с глобализационными и модернизационными изменениями – в этом случае, как мы полагаем, происходит укрепление роли общинности; 2) субстанциональным смыслом, который определяет многообразие и изменчивость вещного мира, под воздействием цивилизационного фактора этот вещный мир завладевает обществами и индивидами, генерация общинности сводится к этим изменениям, однако ценность гражданственности упорядочивает это соотношение: происходит возврат к культуросозидающему началу, обеспечиваемому не ценностями вещей, а опытом их переоценки и переосмысливания – символическим опытом; иными словами, как полагают некоторые исследователи, «движущей причиной становления гражданственности» в таком случае «является культурный опыт уникальных межчеловеческих, системообразующих, символически опосредованных отношений на линейном уровне, обеспечивающих культурное самопреображение народа на пути к гражданскому обществу»²²²; 3) «поиском» духовности – непрерывным процессом отыскания духовных оснований бытия; именно гражданственность обеспечивает «возврат» к такому поиску: в пространстве культуры генерируются смыслы и ценности, которые становятся подчиненными потребностям обществ и индивидов – речь идет о так наз. «потребительской общинности», по выражению Алана Уорда²²³.

Во Всемирном обзоре ценностей (WVS) смыслы бытия были идентифицированы на этапе определения методологических рамок исследования, а в дальнейшем эмпирические срезы ценностей дифференцировались в соответствии с выделенными кластерами ценностно-смысловой системы. В Европейском социальном исследовании (ESS) представлены результаты генерации ценностей и норм примерно в таком же ключе, вместе с тем ценность гражданственности опознавалась участниками многоцентровых эмпирических исследований (фокус-группы, глубинные

²²² Капустина З. Я. Гражданственность как ценность российской культуры: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2008. С. 8.

²²³ Warde A. After taste: Culture, consumption and theories of practice. *Journal of Consumer Culture*. 2014. Vol. 14 (3). P. 284.

интервью, кейс-стади и др.) как ведущая в разделе «Ценности и нормы, стабилизирующие развитие культуры, обладающие выраженным культуросозидающим потенциалом»²²⁴.

Таким образом, генеративный подход в русле культурфилософской рецепции ценности гражданственности выявляет ее приоритет в системе других ценностей – процесс «центрации» в данном случае обеспечивает удержание ценности в пространстве культуры, минимальное «притяжение» к цивилизационным установкам развития; в то же время, как считает А. Уорд, следует рассматривать генеративную характеристику гражданственности как основополагающую, связанную с минимальными проявлениями ценностного кризиса культуры: «Гражданственность сохраняет свой потенциал в силу того, что она не уступает ходу развития цивилизации: цивилизация ускоряет переключение смыслов бытия на потребление, технократию, возможно, антиценности, но гражданственность практически во всех случаях способна возратить всё на свои места – происходит генерация новых смыслов и ценностей, имеющих культуросозидающий заряд»²²⁵.

Другим не менее важным культурфилософским аспектом или подходом к определению роли гражданственности как ценности следует назвать *энергичный подход*. По мысли З. Я. Капустиной, «феномен гражданственности содержит в себе механизмы регулирования динамических цивилизационных процессов, которые воплощены не столько в социальных, политических и иных институтах, сколько концентрируются на уровне культурных привычек, нравов, стереотипов поведения – во всем том, что составляет *энергичный потенциал народа* (курсив наш. – С. Б.), его "энергичную нравственность"»²²⁶. Автор цитаты подчеркивает роль гражданственности в регулировании «динамических цивилизационных процессов» – в действительности, можно считать, что именно так это и происходит. Гражданственность, являясь ключевой ценностью в пространстве культуры подвергается кризису только в той мере, что стоящие за этой

²²⁴ European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 22.04.2022).

²²⁵ Warde A. Указ. соч. Р. 285.

²²⁶ Капустина З. Я. Указ. соч. С. 8.

ценностью смыслы бытия могут существенно меняться: смысл всеобщего равенства и единения трансформируется в смысл «МЫ» (с акцентом на противопоставлении обществу, социальным группам, индивидам, например, по религиозному, половому или иным признакам), однако гражданственность по этой причине по-прежнему продолжает выполнять свою объединяющую функцию; в то же время «динамичные цивилизационные процессы», способствующие развитию ценностного кризиса культуры, переводят – «центрируют» – ценности в соответствии с переосмыслением смыслов бытия в сторону экономических, потребительских, политических и других – однако ценность гражданственности в этой ситуации, обретая градус, например, политической коннотации, тем не менее сохраняет свой статус ключевой культурной ценности в гражданской общинности, определяющей свой круг ценностных приоритетов.

В результате этого выделяется *энергия культуры*, которая повышает сопротивляемость гражданственности влиянию «динамичных цивилизационных процессов». По словам Н. Я. Данилевского, цивилизация обеспечивает «раскрытие начал, лежащих в особенностях духовной природы народов, составляющих культурно-исторический тип под влиянием своеобразных внешних условий»²²⁷; действительно, она обеспечивает «раскрытие начал», но, безусловно, только на своих собственных условиях: духовная природа народов составляет ядро культуры, но именно под воздействием цивилизационного фактора перемещается на «периферию» и растворяется в антиценностях и антинормах. Кроме того, в этом случае утрачивается энергия культуры – в частности, на это обстоятельство обращает внимание ряд зарубежных исследователей: они отмечают, что энергия культуры – это совокупность ее ценностей, причем не механическая совокупность, а культуросозидающая: через духовность, нравственность и гражданственность культура может получить защиту от разящего

²²⁷ Данилевский Н. Я. Указ. соч. С. 125.

цивилизационного воздействия²²⁸. В данном случае только за счет своей энергии или связки ценностей и норм культура сохраняет динамику своего развития и, тем не менее, попадая в зависимость от цивилизационного фактора, эту энергию (или связку) постепенно утрачивает. Вместе с тем, с точки зрения Р. Инглхарта и К. Вельцеля, культура образует т.н. «культурные зоны», в которых эффекты цивилизационного фактора не столь заметны – «традиционно протестантские, православные, исламские или конфуцианские страны образуют ярко выраженные “культурные зоны” с собственными ценностными системами – их наличие четко прослеживается даже при всех поправках на результаты социально-экономического развития. Эти культурные зоны отличаются немалой устойчивостью. Хотя под воздействием мощных сил модернизации ценностные системы разных стран развиваются в одном и том же направлении, вопреки упрощенческим постулатам о глобализации культуры, их конвергенции не происходит»²²⁹.

Энергичный подход распространен в западной культурфилософской традиции: нередко в различных оценках культурного развития понятие энергии и энергичности фигурирует для того, чтобы показать, насколько серьезное давление с различных сторон испытывает культура и какие усилия следует ей прилагать для того, чтобы каким-либо образом противостоять данным процессам. В то же время актуальным остается вопрос об отношении к энергичности ценности гражданственности. На этот счет есть несколько ключевых моментов, проясняющих суть данного вопроса. Прежде всего следует иметь в виду, что, как поясняют некоторые авторы, гражданственность обладает энергией, необходимой не только для консолидации индивидов, но и трансляции конвенционального опыта от одного поколения другому – Уильям Сьюэлл отмечает, что культура функционирует только в пространстве смены поколений, при этом для поколений важными признаются *общинность и традиции*, – только так

²²⁸ Stephenson J., Barton B., Carrington G., Gnoth D. Energy cultures: A framework for understanding energy behaviours. Energy Policy. 2010. № 38 (10). P. 6127.

²²⁹ Инглхарт Р., Вельцель Р. Указ. соч. С. 37–38.

обеспечивается именно преемственность поколений, во всех иных случаях этого не происходит, и поколения не могут передать ценный для них опыт – он подвергается искажению, модернизации, возможно, глобализации, а это в свою очередь ведет к ценностному кризису и последующему вымещению из пространства культуры духовных ценностей в пику ценностям выживания и выживаемости; общинность и традиции Сьюэлл называет *энергией культуры*, которая способствует ее развитию²³⁰. Что касается значения цивилизационного фактора, то он, как полагает исследователь, «забирает» энергию культуры только для того, чтобы строить свой ход развития, однако ни общинность, ни традиции для цивилизации не характерны – она может их расформировывать и менять многократно для достижения цели выживания индивидов в любых условиях повседневной жизни и бытия²³¹. Энергичная основа сопряженности культуры и цивилизации находит свое отражение в позициях Д. Суриг, Г. Карунашевой, У. Кулатунга и др.²³² Следует подчеркнуть, что мы вслед за У. Сьюэллом под *общинностью* будем понимать связь поколений, для которых важнейшим элементом их сопряженности является передача символического опыта через ключевые ценности, нормы и смыслы бытия²³³.

Итак, каким же образом ценность гражданственности выполняет одну из своих основных задач, связанных с преодолением ценностного кризиса современной культуры? Здесь следует иметь в виду, что мы не беремся идентифицировать гражданственность как маркер гражданского общества или процессов идейно-политического свойства, но, с другой стороны, гражданственность как элемент духовной культуры и связи поколений носителей культуры определяется нами на вполне адекватных основаниях, которые выделяются исследователями данной проблематики. Среди таких оснований можно, например, выделить следующие: 1) гражданственность – это

²³⁰ Sewell W. The concept(s) of culture. *Sociology and Culture*. 2017. № 8. P. 37–39.

²³¹ Там же. P. 41–42.

²³² Soorige D., Karunasena G., Kulatunga U., Mahmood M. N., De Silva L. An Energy Culture Maturity Conceptual Framework. *J. Open Innov. Technol. Mark. Complex*. 2022. № 8.

²³³ Sewell W. Указ. соч. P. 44.

духовно-нравственное понятие, «этический комплекс»²³⁴;

2) гражданственность есть ценностно-смысловой комплекс, направленный на обеспечение идентификации индивида со своей культурой через сопряженные ценности любви к родине и ее истории, доверия, терпимости и др.²³⁵

Ценностный кризис проявляется в нарушении равновесия между ценностями в пространстве культуры и под воздействием цивилизационного фактора происходит т. н. процесс «центрации» ценностей: ценности духовного «уровня» становятся ценностями выживания, подчиненными обеспечению безопасности индивидов и целых обществ, но при этом утрачивается их консолидирующая функция: выживание – это центральная проблема развития любой цивилизации, и эта проблема нередко политизируется, подчиняется закономерностям экономического, идеологического, социального порядка. Между тем ценность гражданственности, несмотря на процесс «центрации», продолжает сохранять свою консолидирующую роль, т. к. составляющий ее основу «онтос» или смысл бытия – общинность – обеспечивается консолидацией носителей культуры, и внутри общинности устанавливаются приоритеты сохранения ключевых традиционных ценностей, препятствующих острому влиянию цивилизационного фактора на социокультурную динамику. Таким образом, ценность гражданственности продолжает нести культуросозидающее начало, обеспечивает «онтологизацию» культуры, при этом минимизирует влияние цивилизационного фактора, обозначающего ценностный кризис.

²³⁴ Акимова М. К., Персиянцева С. В. Факторы формирования гражданственности у российской молодежи // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73–83 Шестакова Н. А. Этические основания гражданственности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2009 Социокультурные особенности патриотизма и формирования государственно-гражданской идентичности в современной России / Попов А. В. [и др.] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4; Затева Н.А., Татарова С. П., Эрхемтогс Ж. Этнические ценности как основа гражданственности // Власть. 2019. Т. 27. № 2.

²³⁵ Рожкова Л. В., Васильева Н. Д. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121); Гревцева Г. Я. Гражданственность как ценность культуры в процессе социализации личности // Вестник культуры и искусств. 2020. № 4 (64).

2.3. Духовная безопасность в условиях культурно-цивилизационного развития и ценностного кризиса

Духовная безопасность рассматривается нами как условие для обеспечения «центрации» ценностей культуры с сохранением ее ключевых онтологических свойств и прежде всего преемственности ценностей и норм, духовной ориентации и консолидации носителей культуры и т. д. Если в предыдущих частях настоящего исследования речь шла преимущественно об общих (или универсальных) характеристиках ценностного кризиса и его проявлениях в западном мире, то в завершающем разделе диссертации акцент будет сделан на идентификации российской действительности и особенностях проявления ценностного кризиса в пространстве отечественной культуры. При этом, как следует из названия настоящего параграфа, мы исходим из положения о том, что именно духовная безопасность является следствием преодоления мощной силы «центрации» ценностей под воздействием цивилизационного фактора.

Первопричиной ценностного кризиса, как было установлено ранее, является «центрация» ценностей в условиях цивилизационного развития мира – ценности перемещаются из ядра культуры и ее периферии в систему цивилизационных отношений, видоизменяются, приобретают новые – например, технократические – смыслы и, таким образом, способствуют разрастанию ценностного кризиса в силу того, что идентификация таких ценностей многократно усложняется для индивидов, социальных групп и общностей и в целом для человечества. Происходит консолидация смыслов бытия, которые не всегда являются сочетаемыми или соотносимыми друг с другом, это в свою очередь ведет к утрате человеком онтологических оснований, а культурой – ее системности. Здесь можно приводить множество примеров, когда субстанциональные и цивилизационные смыслы тесно переплетаются, а вслед за этим происходит контаминация традиций и инноваций – они настолько тесно соприкасаются, что принципы какой-либо

их дифференциации становятся неразличимыми: так, экономизации и социологизации подлежат практически все смыслы бытия, ценности и нормы культуры. В первом случае экономической оценке подвергается даже духовность («а что она дает человеку, кроме внутренней убежденности в духовном воспарении над миром и бытием – ничего более» – так Томас Метцингер оценивает положение дел в ряде современных культурфилософских обобщений²³⁶; скепсис по поводу роли духовности в условиях цивилизационного развития периодически нарастает; как полагают некоторые авторы, в частности, Джейсон Бреннен, «вероятно, это происходит и по той причине, что довольно сложно в современной реальности предложить какие-либо столь убедительные признаки духовности и всего духовного [кроме, пожалуй, Бога и всего божественного], везде нужно отыскать пользу и экономическую цель»²³⁷). Во втором случае (при социологизации) акцент делается на том, что субстанциональное – не более чем привязка к таким смыслам бытия, которые требуют четкой операционализации: «Каждый желает знать, что дает ему этот смысл и каким им располагать в течение всей жизни или ее короткого отрезка»²³⁸.

Полагаем, что следствием таких попыток предложить некую свою, возможно утилитарную, систему координат в оценках смыслов бытия становится «выпад» в пользу принятия цивилизационного фактора, который, по сути, должен способствовать активному приращению новых смыслов бытия (например, техногенных: создание искусственного интеллекта, сплошная цифровизация и т. д.). Вместе с этим «выпадом» нарушается равновесие в культуре на уровне ее ядра и периферии и в системе ценностей, заметно снижается уровень духовной безопасности. Таким образом, духовную безопасность мы рассматриваем, во-первых, как условие «благоприятного» совпадения культуры и цивилизации, когда «центрация» ценностей

²³⁶ Metzinger T. Spirituality and Intellectual Honesty. P. 20. URL: https://www.blogs.uni-mainz.de/fb05philosophie/files/2014/04/TheorPhil_Metzinger_SIR_2013_English.pdf (дата обращения: 16.08.2022).

²³⁷ Brennan J. Scepticism about philosophy. Ratio. 2010. № 23 (1). P. 12.

²³⁸ Там же. P. 10.

осуществляется с сохранением традиционных приоритетов, а во-вторых, как фактор минимизации последствий от ценностного кризиса современной культуры и ориентир для сохранения перспектив развития культуры преимущественно по ценностно-смысловому пути с несущественными уступками цивилизационному фактору.

В трактовке духовной безопасности сложился определенный дискурс, который, однако, следует принципам политического и социально-философского ракурсов осмысления данного явления. Наша задача состоит в том, чтобы отклониться от этой ведущей исследовательской линии и показать, что духовная безопасность имеет непосредственное отношение к сопряженности культуры и цивилизации. Прежде всего обратим внимание на тот факт, что духовная безопасность в широкой трактовке предстает как элемент национальной безопасности, что вполне закономерно, т. к. забота о сохранении и развитии ключевых ценностей и духовной культуры возлагается на государство, от которого и исходит стратегия национальной безопасности. Как известно, в России она была утверждена президентом страны В. В. Путиным в 2015 году²³⁹. По словам Е. В. Воропаевой, «наиболее благоприятные возможности в плане обеспечения духовной безопасности государства Стратегия национальной безопасности видит в сфере культуры, средствами которой возможны развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны, сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности»²⁴⁰. Кроме того, чуть ранее, в 2012 году, Президент России в ежегодном послании российскому парламенту также обратил внимание на тот факт, что

²³⁹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 22.08.2022).

²⁴⁰ Воропаева Е. В. Духовная безопасность личности и общества как объект стратегии национальной безопасности // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2018. № 7. С. 178.

«российское общество испытывает дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи»²⁴¹.

Данные акценты позволяют считать, что, действительно, духовная безопасность является не только частью институционализированной стратегии национальной безопасности, но и ценностно-смысловой системой с выраженным культуросозидающим началом, которое проявляется в следующем: 1) обеспечение сохранности ключевых для страны и нации ценностей и норм и минимизация последствий воздействия рискогенных факторов, например, связанных с бурным развитием технологий, способствующих трансформации смыслов бытия, являющихся культуроорганизующими в течение всего времени формирования и развития культуры как ценностно-смысловой системы; 2) укрепление в пространстве культуры духовных скреп (милосердия, сочувствия и др.), обладающих выраженным консолидирующим свойством, за счет поддержки культуросозидательной «центрации» ценностей на уровне социальных институтов (семья, образование и т. д.), политических институтов (партий, общественных формирований и др.); 3) влияние на межпоколенческую трансляцию ключевых ценностей – обеспечение безопасных каналов такой трансляции; например, как отмечают исследователи, такими безопасными каналами являются интериоризация – «присвоение культурных идеалов», символический обмен традициями²⁴², «онтологизация» ключевых смыслов бытия в культурном пространстве и их последующая конвенционализация и другие. Таким образом, духовная безопасность, являясь элементом национальной безопасности, становится не просто институциональным образованием, но и социокультурным феноменом, обеспечивающим «центрацию» ценностей по принципу культуросозидающего начала, а не цивилизационного.

²⁴¹ Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2012. 13 декабря.

²⁴² Шнуренко Т. И. Ценностные ориентации молодежи как основа духовной безопасности России // Система ценностей современного общества. 2015. № 42. С. 119.

Между тем главный тезис, за который мы выступаем в работе, – следующий: *духовная безопасность является неременным условием преодоления ценностного кризиса культуры, возникшего под воздействием цивилизационного фактора*. Поскольку в данном случае речь идет о точках сопряженности культуры и цивилизации, то нужно иметь в виду, каким образом духовная безопасность оказывает воздействие на цивилизационный фактор настолько, что «центрация» ценностей происходит преимущественно в пространстве культуры и при этом ценностный кризис не проявляется столь ярко и неоднозначно, как об этом, например, свидетельствуют результаты Всемирного обзора ценностей (WVS) и Европейского социального исследования (ESS). В разрезе отечественной культуры имеют значение некоторые результаты, полученные в ходе проведенных ВЦИОМ опросов «Влияние Запада и российская культура» (2022)²⁴³, «Тренды культурного досуга: 1992–2022» (2022)²⁴⁴, «Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать» (2022)²⁴⁵. В приведенных исследованиях впервые понятие духовной безопасности соотносится с ценностным кризисом и развитием цивилизации: так, например, в оценках влияния Запада на российскую культуру появляется такой показатель, как духовная безопасность: «больше половины россиян (59 %) не видят пользы от западной цивилизации, демократии и культуры, 33 % считают, что они не подходят нам, а 26 % называют их разрушительными»²⁴⁶, вместе с тем в инструментарий данного опроса введено понятие духовной безопасности и по данным опроса обращает на себя внимание тот факт, что цивилизация идентифицируется как угроза духовной безопасности, при этом цивилизация понимается в ее локализации как «западная цивилизация», а духовная безопасность идентифицируется

²⁴³ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura> (дата обращения: 12.09.2022).

²⁴⁴ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-kulturnogo-dosuga-1992-2022> (дата обращения: 13.09.2022).

²⁴⁵ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 12.09.2022).

²⁴⁶ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura> (дата обращения: 12.09.2022).

применительно к России. В культурном досуге, ориентированном на западные традиции, усматривается угроза цельному воспитанию подростков и молодежи на основе отечественных культурно-исторических традиций, а преобладание соответствующих субкультур, для которых значимыми являются западные традиции, оценивается как угроза духовной безопасности для россиян. Примерно такая же картина наблюдается в отношении к «патриотизму сегодня»: участники исследований однозначно связывают значимость патриотизма с ключевыми ценностями российской культуры и прежде всего с любовью к родине, но также связывают патриотизм с духовностью, духовной жизнью человека и общества и духовной безопасностью.

Исходя из проанализированных данных опросов ВЦИОМ, мы можем утверждать, что *в системе оценок кризиса культуры его основной причиной называется влияние западной цивилизации и Запада в целом (в обобщенном его понимании), а условием преодоления кризиса должно стать обеспечение духовной безопасности.* Следует подчеркнуть, что трактовки духовной безопасности в современном отечественном научном дискурсе носят преимущественно политический характер по понятной причине: духовная безопасность, как было уже отмечено в настоящей работе, рассматривается как неотъемлемый элемент безопасности национальной, поэтому ей придается институциональный характер и, например, в соответствии со статьей 79 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в числе основных угроз духовной безопасности и в целом национальной безопасности России названы следующие угрозы: «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации

российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры»²⁴⁷.

Между тем мы полагаем, что цивилизационный фактор, определяющий границы ценностного кризиса культуры, собственно, как и сам ценностный кризис, также следует назвать в числе угроз национальной безопасности государства и рассматривать как мощный рискогенный фактор нарушения социокультурной динамики. По словам А. Л. Анисина, «утрата духовных ориентиров, разрыв духовной традиции представляют собой огромную опасность для исторического существования как отдельных обществ и государств, так и человечества как такового. Лишаясь духовных основ, человеческое общество лишается человеческого качества жизни. Даже обладая самым высоким уровнем развития экономики, общество обезчеловечивается без духовной составляющей. Невозможно назвать настоящим человеческим социум, лишенный фундаментальных духовных ценностей: человеколюбия, сострадания, нравственных идеалов, религиозных переживаний, патриотизма»²⁴⁸. *В случае с исследованием роли духовной безопасности в культурно-цивилизационном развитии на современном историческом этапе следует исходить из идентификации основных угроз, возникающих в пространстве цивилизации, оценивания их влияние на состояние культуры и способствование ценностному кризису, а также определение механизмов обеспечения духовной безопасности.*

Прежде всего, оценивая содержание духовной безопасности в широком дискурсе современных исследований, посвященных данному феномену, мы можем выделить три основных направления, которые позволят нам сформулировать свое собственное определение. Во-первых, авторы соотносят духовную безопасность с защищенностью человека и общества от каких-либо

²⁴⁷ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 22.08.2022).

²⁴⁸ Анисин А. Л. Концептуальные основы обеспечения духовной безопасности России // Академическая мысль. 2019. № 4 (9). С. 93.

внешних угроз²⁴⁹ (однако в таком случае четкой границы между данным типом безопасности и, к примеру, безопасностью национальной или социальной не проводится, хотя это сделать необходимо – при общих приоритетах объекты и субъекты здесь могут различаться); во-вторых, духовная безопасность рассматривается с точки зрения социальной рискологии, рисков выживания и реализации социокультурного потенциала с акцентом на политическом осмыслении данного явления²⁵⁰ (очевидно, что с этой точки зрения «политизация» духовной безопасности излишне смещает полюс ценностно-смысловой трактовки в плоскость политических процессов и изменений, что не исчерпывает саму суть исследуемого феномена); наконец, в-третьих, духовную безопасность определяют в границах человеческого фактора, который зависит от тех или иных морально-нравственных установок, способностей индивида, группы, общности и т. д.²⁵¹ (не трудно заметить, что при такой идентификации духовной безопасности она воспринимается вовсе не как самодостаточное явление, обладающее свойствами детерминанта, а само подвергается детерминации, с чем не всегда возможно согласиться). Нельзя утверждать, что авторы не осознают необходимости более широкой или, напротив, узкой интерпретации столь важного понятия, как духовная безопасность, однако для цели настоящего исследования значение имеет соотнесенность с ценностями, кризисностью и цивилизационным фактором, следовательно, мы должны несколько в ином ключе рассматривать духовную безопасность, а именно как *такое состояние культуры, при котором обеспечивается сохранение ключевых ценностей, что будет препятствовать*

²⁴⁹ Духовно-нравственная сфера современного российского общества: обеспечение безопасности. Казанцева Д. Б. [и др.]. М., 2022 ; Майкова Н. О., Майков А. И. Духовно-нравственное развитие личности как фактор безопасности существования человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2.

²⁵⁰ Беспаленко П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-н/Д., 2009 ; Шевченко О. М., Тихоновская М. П. Угрозы и риски духовной безопасности современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 1.

²⁵¹ Гончарова Л. Н. Национальная безопасность как результат духовно-нравственной, экономической и политической безопасности // Экономика и управление в современных условиях: сборник трудов. Красноярск, 2016 ; Гадаев В. Ю. Религиозная безопасность в контексте духовной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10.

распространению ценностного кризиса под воздействием цивилизационного фактора.

При этом следует иметь в виду, что многие авторы как раз обращали внимание на особую роль цивилизации в возможных рисках и угрозах для духовной безопасности. Так, например, А. Л. Анисин справедливо считает, что «вопросы обеспечения национальной безопасности России не могут решаться в отрыве от проблем осмысления идейных, мировоззренческих, духовно-нравственных основ российской цивилизации. Сознательное выстраивание внешней и внутренней политики российского государства должно иметь началом такое осмысление»²⁵². В то же время другие авторы считают, что ценностный кризис является следствием «цивилизационного противостояния»²⁵³ и т. д. Между тем для идентификации подобных состояний культуры следует исходить из тех угроз, которые возникают в силу проявлений цивилизационного фактора. По данным общероссийского проекта «Культура безопасности современного российского общества», осуществленного Институтом социально-политических исследований (ИСПИ) РАН в феврале 2002 г., результаты которого обобщены директором организации В. Н. Кузнецовым в статье «Общенациональная цель как фундаментальная проблема социологии», можно увидеть, что вводится понятие культуры безопасности, которое интегрируется с более известным термином «духовная безопасность»; при этом, как утверждается, в качестве основных причин актуальных проблем российского общества называются «навязывание России со стороны США своего пути развития», «деградация образования, науки, культуры», «отсутствие общенациональной цели» и т. д.²⁵⁴ Таким образом, основная угроза для ценностно-нормативного развития современной культуры видится, с одной стороны, как эффект влияния США и других стран на российскую культуру в целом, на формирование

²⁵² Анисин А. Л. Указ. соч. С. 92.

²⁵³ Ковалев А. А. Проблемы духовной безопасности современного человека в свете противостояния цивилизаций // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Махачкала, 2016. С. 185.

²⁵⁴ Кузнецов В. Н. Общенациональная цель как фундаментальная проблема социологии // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 20.

национальной идеи или общенациональной цели, с другой стороны, как развитие цивилизационного фактора, проявляющегося прежде всего в «переориентации» смыслов бытия на социально-политическую и социально-экономическую проблематику; следовательно, и угрозы, которые возникают со стороны цивилизации, носят соответствующий характер. Но все-таки мы исходим из положения, согласно которому цивилизация провоцирует угрозы для развития культуры, социокультурной динамики, а культура, в свою очередь, в отсутствие общенациональной цели испытывает серьезное давление со стороны цивилизации – наблюдаются признаки ценностного кризиса и необходимость обеспечения духовной безопасности со стороны общества и государства.

Итак, какие угрозы со стороны цивилизации провоцируют ценностный кризис современной культуры и в какой степени духовная безопасность способствует изменению этого влияния цивилизационного фактора? При этом следует исходить из методологического ракурса анализа, в соответствии с которым угрозы культурно-цивилизационного развития должны рассматриваться не в плоскости сопряженности с какими-либо формами общественного сознания (например, политикой, правом, мифологией, наукой и другими), а с конкретными смыслами человеческого индивидуального и коллективного бытия – данный ракурс был предложен и апробирован в работе В. Асакавичуте²⁵⁵. Исследователем были выделены два основных «кластера» угроз развития культуры и рисков социокультурной динамики в их соотнесенности с ключевыми смыслами бытия, определяющие таких угроз, по словам автора работы, способствуют протеканию «затяжного системного ценностного кризиса современной культуры»²⁵⁶. Для понимания специфики обеспечения духовной безопасности в условиях культурно-цивилизационного развития и «развертывания» ценностного кризиса современной российской культуры мы идентифицировали каждый из предложенных «кластеров» с

²⁵⁵ Asakaviciute V. Указ. соч. Р. 71–73.

²⁵⁶ Там же. Р. 76.

концептуальными свойствами духовной безопасности и ее эмпирическими маркерами, выделенными в ходе анализа данных, полученных в рамках Всемирного обзора ценностей (WVS), Европейского социального исследования (ESS), а также частично опросов ВЦИОМ «Влияние Запада и российская культура», «Тренды культурного досуга: 1992–2022», «Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать».

«Кластер» угроз и рисков № 1. Условно данный «кластер» может быть назван *полицивилизационным*. Как отмечает В. Асакавичуте, цивилизации всегда тяготели к многополярности и в то же время к обеспечению согласованности в трендах развития, к ориентации на ведущую «многоцентровую» цель, например, на формирование единой концепции развития мира – технократичной в противовес антропоцентристской или антропосоциетальной и т. д. В силу протекающих общемировых тенденций цивилизационного развития и их обострения в течение последнего времени (начало 20-х годов XXI столетия), вызванного санкциями, применяемыми в отношении России на всех уровнях бытия: экономическом, политическом, социальном, а в последующем и жестким противопоставлением недружественных стран не только самому государству, но и культуре, человеку, обществу, российская культура не включается в диалог культур, в мультикультурную парадигму, намеренно исключается из нее. Главная угроза в этом случае состоит в изменении ценностно-смыслового потенциала развития культуры в подобных условиях полицивилизационного давления. Однако в силу того, что российская культура в высокой степени сохраняет свой самобытный потенциал и обеспечивает через его сохранение духовную безопасность государства и общества, угрозы и риски полицивилизационного влияния не исчезают, но минимизируются. В данных условиях духовная безопасность достигается не столько через абсолютизацию ценностей консолидации и выживания, сколько через «антропосоциетальные механизмы», обеспечивающие «состояние защищенности жизненно важных духовно-нравственных интересов и потребностей личности, общества и

государства», влияющих на систему «отношений между субъектами общественной жизни, которая обеспечивает благоприятные условия для духовно-нравственной жизни и духовно-нравственного развития»²⁵⁷ и т. д.

Русский философ Вл. Соловьев в «Оправдании добра» концептуализирует одну из ключевых ценностей, характерную для русской культуры, – ценность достоинства; он это делает в рамках этического подхода, поиска этоса для бытия русского человека, но вместе с тем в его работе четко прослеживается идея о том, что достоинство жизни совпадает со смыслом мироздания и в таком качестве способно оградить общество и человека от влияния всех тех, кто проверяет достоинство на духовную силу «всего русского»²⁵⁸. Вероятно, проверка «всего русского» происходит в современных условиях цивилизационного развития, однако этот путь вовсе не гарантирует успеха «полицивилизациям»: вполне вероятен для них сценарий, когда проверка «всего русского» обернется для них утратой их традиционных принципов и смыслов бытия, а в конечном итоге и крушением систем ценностей и норм.

Результаты WVS и ESS как раз показывают, насколько во многих европейских странах за последние годы изменились ценностные приоритеты – так, например, если в 1990-е годы на Западе в тройку ведущих ценностей в межстрановом сравнении неизменно входили те же ценности, которые были характерны и для российской культуры: из витальных – здоровье, безопасность и качество жизни, из нравственных – добро, справедливость и свобода, то в начале 2000-х годов западные системы ценностей начинают «крениться» в сторону политизации и экономизации бытия: в тройку ценностей входят финансы (другие варианты: деньги, ресурсы, комфорт), в российской культуре, тем не менее, еще продолжают сохраняться прежние приоритеты с наименьшими подвижками под влиянием цивилизационного фактора на культуру, но уже к 2020 году мы видим, что картина ценностей на

²⁵⁷ Гончарова Л. Н. Указ. соч. С. 25.

²⁵⁸ Соловьев В. С. Оправдание добра. С. 261–265.

Западе существенно меняется: если брать во внимание нравственные ценности, то они передвигаются в сферу повседневности и потребления, появляются такие ценности, как свобода инвестиционного выбора, свобода экономического благополучия (как вариант – финансовая свобода и независимость), справедливый обмен, справедливое богатство и т. д. При этом витальные ценности по приоритету «опускаются» на второй уровень рецепции и среди них лидирующие позиции занимает ценность качества жизни, так или иначе связанная с символическим обменом и социальным капиталом. Что касается российской культуры, то опросы ВЦИОМ (о них речь шла выше) демонстрируют тот факт, что группы ценностей за последнее время, конечно же, отклонялись в сторону «качества жизни» и «выбора инвестиций», но не так стремительно и с сохранением приоритетов духовных ценностей. Нередко, как уже отмечалось, в числе ценностей фигурирует духовная безопасность. Мы полагаем, что развитию такого положения дел способствовал и цивилизационный фактор, который обеспечивает «центрацию» ценностей по своему собственному алгоритму экономизации и политизации, и фактор обеспечения духовной безопасности, соответствующий росту полицивилизационных процессов современности.

«Кластер» угроз и рисков № 2. Здесь следует обратить внимание на угрозы и риски, которые продиктованы определенными механизмами *внутрицивилизационного* характера, в частности, внутри каждой цивилизации происходит постоянная контаминация смыслов бытия, идеологий, концепций и концептов – каждая цивилизация стремится обозначить свой собственный потенциал развития как ключевой, то есть внутри каждой цивилизации происходит отбор таких положений – этот отбор ведется на всех уровнях человеческого бытия – социальном, экономическом и других; оператором этого отбора становится сама цивилизация, которая приобрела в процессе своего становления и развития рецепторы, реагирующие на необходимость постоянного и часто сокрушительного для самой цивилизации, но также и для

культуры, с которой она сопряжена в ключевых ценностно-смысловых «точках», поиска новизны и основ модернизации.

Американский исследователь Райан Вэй назвал такое положение дел «фронтом самой цивилизации»: «...если цивилизация сама себя изнутри не исчерпает, то она так и будет подтачивать силы культуры, но получается, что культура может самостоятельно реагировать на эти изменения даже без участия цивилизации – как будто бы по инерции: горит цивилизация, но одновременно пламя перебрасывается и на культуру; беда в том, что, если даже цивилизация сможет потушить свой пожар, культура тем не менее будет продолжать пылать – в этом и состоит ее кризис: культура как будто бы включается во фронт самой цивилизации»²⁵⁹. Исследователь предложил свой ракурс идентификации кризиса ценностей в культуре: цивилизации, по сути, и не нужно как-то по-особенному и прицельно воздействовать на культуру – вполне достаточно для кризисности обозначить линии «фронта» внутри себя самой. Таким образом, в данном случае можно, вероятно, вести речь о таких угрозах и рисках для развития культуры, связанных с внутрицивилизационной трансформацией, как столкновения, конфликты и войны, но также и конфронтации идей и идеологий; немаловажное значение приобретают экологические риски и угрозы, которые совпадают с тем обстоятельством, что, как полагает В. С. Степин, «старая парадигма, будто природа – бесконечный резервуар ресурсов для человеческой деятельности, оказалась неверной»²⁶⁰. Данные угрозы и риски также соотнесены в рамках осуществленных исследований WVS и ESS с ценностным кризисом современной культуры: по итогам 2015–2019 гг. показано, что на уровне западной цивилизации ценностный кризис обусловлен увеличением борьбы за идеологическое и политическое пространство – давление на мир со стороны единой Европы неуклонно снижалось, но вместе с тем возрастала поляризация идей и фронтов внутри цивилизации: так, например, в некоторых странах Европы

²⁵⁹ Wei R. Указ. соч. Р. 13.

²⁶⁰ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 94.

программами выживаемости индивидов назывались не конкретные ценности, обеспечивающие безопасность на всех уровнях человеческого бытия, а смена руководства странами на фоне разворачивающегося экономического кризиса – в таком случае мы вновь наблюдаем политизацию цивилизационного развития, которая внутри концентрируется на собственных конфликтах, имеющих выраженные социально-экономические и социально-политические коннотации. Таким образом, культура Запада под влиянием данных внутрицивилизационных процессов получает эффекты несогласованности ценностей и норм: нарастает конфликтогенность цивилизации – закономерно увеличивается и кризисность бытия, а вместе с ней проявляется и ценностный кризис: к примеру, субстанциональные смыслы бытия (единство мира, единение индивидов, универсализация ценностей и др.) в условиях цивилизационных угроз и рисков на Западе проходят этап трансформации и становятся *квазисубстанциональными*: и единство мира, и консолидация индивидов носят формальный характер, достигаются не онтологическим путем, а политическим или экономическим и т. д.

В реалиях российской культуры духовная безопасность не только влияет на внутрицивилизационные процессы, но и способствует не столь резкому и разительному распространению ценностного кризиса. По результатам общероссийского проекта «Культура безопасности современного российского общества», осуществленного Институтом социально-политических исследований (ИСПИ) РАН (2002)²⁶¹ видно, что духовная безопасность идентифицируется как состояние равновесия между цивилизацией и культурой, причем равновесия, достигнутого за счет того, что культура обрела свои механизмы «центрации» ценностей не под влиянием цивилизационного фактора, а с опорой на свою собственную духовную силу. На самом деле, в культурфилософской традиции неоднократно уже высказывались идеи относительно духовной силы отечественной культуры, которая накапливалась в результате сопротивления цивилизационным «рывкам» и «разрывам»:

²⁶¹ Кузнецов В. Н. Указ. соч.

например, в подходе Н. А. Бердяева всякая культура прежде всего – духовная культура, в которой имеется сила, способная обезопасить ее от низвержения²⁶². О созидательной силе культуры, необходимой ей для противостояния цивилизации, писал П. Сорокин, отмечавший при этом, что «вопреки их реквиему цивилизации» культуры за счет своей духовной силы продолжают существовать и развиваться²⁶³. Вряд ли можно сказать, что российская культура нашла какие-то собственные силы для противостояния цивилизационному фактору, однако духовная сила в ней – это ее духовные константы, которые с течением времени не просто не потеряли своего значения и силы, а напротив, еще более укрепились в пространстве культуры в результате «центрации» ценностей. К таким константам, как известно, относятся соборность, Русская Идея, софийность и другие.

Таким образом, духовная безопасность в условиях культурно-цивилизационного развития России нами идентифицируется как устойчивое состояние, обеспечивающее сопряженность культуры и цивилизации на ценностно-смысловом уровне с сохранением культуросозидающего начала, выраженного в укреплении приоритетов духовных ценностей и норм и прежде всего ценности гражданственности и консолидации народов и культур. Духовная безопасность становится ведущим маркером снижения потенциала кризисности и ценностного кризиса современной культуры, поскольку отражает положение государственной политики, направленной на поддержку и развитие традиционных ценностей и норм («Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»), а также согласуется с ключевыми для народа культуросозидающими смыслами бытия, такими, например, как духовная сила, единение, преемственность поколений и их традиций и другие.

Общие выводы по второй главе. Соотношение культуры и цивилизации необходимо идентифицировать на двух уровнях:

²⁶² Бердяев Н. А. Воля к жизни и воля к культуре ... С. 164–165.

²⁶³ Сорокин П. А. Указ. соч. С. 436.

1) *дискурсивном* с введением системы координат оценивания данных явлений: для культуры характерно выявление особенностей культуросозидающего начала, отражающего субстанциональные смыслы человеческого индивидуального и коллективного бытия, для цивилизации – экономизация, политизация, технократизация социокультурных процессов, а также ценностей и норм;

2) *транскурсивном* с выявлением объективных границ или точек сопряженности рассматриваемых явлений: культура сохраняет ключевые смыслы человеческого бытия через традиции, идеалы и универсалии, цивилизация вносит существенные изменения в эти смыслы, подвергая их переоценке в силу процессов модернизации, глобализации, влияния западных трендов повседневности, технократии, навязывания материальных ценностей и т. д. И на дискурсивном уровне рефлексии, и на транскурсивном мы наблюдаем состояние ценностного кризиса современной культуры под воздействием цивилизационного фактора, однако процесс «центрации» ценностей в условиях кризисности протекает по-разному в пространстве культуры и в пространстве цивилизации: в первом случае он захватывает «ядерные» ценности культуры, подвергая их модернизации и глобализации, но за счет сохранения ключевых смыслов бытия культура не способна полностью «отдать» свои ценности «потoku цивилизации»; во втором случае цивилизация, получив доступ к «ядерным» культурным ценностям, провоцирует ценностный кризис, но вместе с тем она не получает доступа к ключевым смыслам бытия, переоценивая их на поверхностных основаниях через призму политических, экономических и других современных процессов; таким образом, культура получает возможность через консолидирующие ценности (например, ценность гражданственности), а также посредством механизмов обеспечения духовной безопасности (к примеру, через стратегию соответствующей государственной политики) сохранять свое ядро и перспективы развития.

Заключение

Тема ценностного кризиса культуры в исторической перспективе дает четкое представление о том, какие ключевые процессы бытия затрагиваются и как они влияют на человека и общество. Здесь в научном контексте появляются две основные линии исследований и культурфилософской рецепции: с одной стороны, речь идет об оценке внутренних изменений культуры за счет собственного потенциала (культура в таком случае зачастую предстает как самодостаточная система, имеющая собственные векторы развития), с другой стороны, внимание обращается на внешние обстоятельства и факты, оказывающие воздействие на потенциал культурного развития. Примечательно, но ценностный кризис культуры может быть рассмотрен и в ракурсе первого исследовательского направления, и с позиций второго. В настоящей диссертации мы сделали акцент на обоих из указанных направлений рецепции, но при этом в большей степени акцент сделан на том, как цивилизационный фактор влияет на ценностный кризис современной культуры. В этой связи ключевыми моментами проведенного исследования можно назвать следующие положения.

Прежде всего отметим, что проблематика сопряженности культуры и цивилизации имеет давнюю традицию в теории и истории культуры, в философии культуры, культурологии, но для этих областей знания было характерно установление различий между культурой и цивилизацией: целью научных изысканий при этом являлось выделение общих и частных оснований для культурно-цивилизационного развития в историко-генетическом аспекте. В настоящей диссертации мы пошли по иному пути: на современном этапе культурфилософской рецепции необходимо конкретизировать (и возможно, даже объективировать) влияние цивилизации на культуру в той мере, как это сказывалось на состоянии ценностей и норм; при этом важно подчеркнуть, что ценности рассматривались не сами по себе как свершившийся факт социокультурной динамики, а как феномены, сопряженные со смыслами

человеческого бытия, например, субстанциональными. С этой точки зрения важным обстоятельством становился выбор адекватной цели и задачам исследования методологии, которая позволяла бы не просто дифференцировать культуру и цивилизацию, но и показать, каким образом в условиях их сопряженности происходит трансформация ценностей и как в конечном итоге формируется и укрепляется ценностный кризис культуры. Именно такой кризис идентифицирован нами как, по сути, продолжение противостояния культуры и цивилизации, с одной стороны, и как результат кризисности бытия – с другой. Стоит особо отметить, что мы ставили задачу выявить тенденции формирования ценностного кризиса в «снятом» виде, т. е. безотносительно специфики этнонационального своеобразия культур и цивилизаций, не устанавливали «привязку» ценностного кризиса к той или иной стране, к той или иной культуре и цивилизации – используемые нами данные эмпирических исследований (например, Всемирного обзора ценностей – WVS или Европейского социального исследования – ESS) позволяли обобщить ключевые позиции на уровне общемировой и общечеловеческой тенденции ценностного кризиса. Эти исследовательские данные опирались на межстрановые сравнения, но мы старались избегать территориальной или этнокультурной локализации кризиса, чтобы прежде всего не концентрироваться на каких-либо политических или идеологических маркерах современной реальности. Это представляется тем более важным в условиях 2022 года, когда мир повсеместно обнаруживает поляризацию смыслов бытия, их интерпретаций, а диалог культур, идеологий, стран и континентов подвергается серьезному переосмыслению, что еще более усугубляет течение кризисности бытия. Однако в свете происходящих в мире событий проблематика культурно-цивилизационного развития получает новые коннотации, в связи с чем открываются перспективы философско-культурологических исследований сопряженности культуры и цивилизации через призму социально-политических или социально-экономических трансформаций. На этом основании мы не смогли обойти вниманием оценку

опыта российской действительности, который в аспектах поиска консолидирующих смыслов бытия и соответствующих ценностей и норм культуры, а также через систему духовной безопасности, представляющую собой институциональную матрицу (на уровне государственной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации), идентифицируется нами как основание для механизмов и способов преодоления ценностного кризиса современной культуры. Этот опыт является злободневным, отражающим состояние культуры, которое выдерживает достаточно мощную экспансию цивилизационного фактора, возникшего в условиях развития и укрепления западных идейно-политических установок и стереотипов.

Между тем предложенный зарубежными учеными методологический ракурс «центрации» ценностей стал основным вектором исследования и позволил нам установить основной механизм «притяжения» ценностей, который и рассматривается в качестве причины ценностного кризиса культуры. Через «центрацию» мы видим, как те или иные ценности перестают соотноситься с традиционными смыслами бытия, меняют свою смысловую окраску, становятся «цивилизационными» и, таким образом, все более обретают политические, социальные или даже экономические характеристики. По сути, ценностный кризис идентифицируется как своего рода «продолжение» цивилизации, и для самой цивилизации он становится совершенно закономерным явлением, поскольку цивилизационный фактор предполагает слом смыслов бытия и ценностей в процессе поиска новых онтологических систем, фиксирующих бытие человека. Но для культуры, как было установлено, ценностный кризис вызывает перестановку ценностей, ключевые из которых могут существенным образом трансформироваться – процесс «центрации» происходит таким образом, что ценности не могут оставаться в пространстве культуры и передвигаются в пространство цивилизации, где получают совершенно иное смысловое наполнение. Так, например, субстанциональные смыслы бытия, которые сопряжены с соответствующими ценностями, конечно же, не теряют своих ключевых

позиций, но через изменяющуюся ценностную систему они приобретают цивилизационный характер.

Таким образом, ключевой идеей всей настоящей работы является осмысление в рамках культурфилософской рецепции ценностного кризиса современной культуры на уровне влияния на него цивилизационного фактора, который способствует не только смене ценностных приоритетов в социальной реальности, но также и «сдвигу» смыслов бытия, связанных с обеспечением выживания индивидов, борьбы за лучшее социальное или политическое положение в обществе, рационализацией бытия и повседневной жизни, в результате чего происходит «деонтологизация» ценностей – разрыв их «привязанности» к таким смыслам бытия, которые традиционно оказывали воздействие на развитие человека, культуры, общества.

Перспективы настоящей работы видятся в том, чтобы оценить роль современной культурной политики, которая ориентирована на сохранение ключевых смыслов бытия и «онтологизацию» культуры – так она сможет снять цивилизационную напряженность, в то же время культурная безопасность, являющаяся предметом культурной политики, должна обеспечить духовную безопасность человека и общества через закрепление традиционных смыслов бытия – единение человека с природой, сохранение общечеловеческих ценностей и т. д.

Список литературы

1. Акимова, М. К. Факторы формирования гражданственности у российской молодежи / М. К. Акимова, С. В. Персиянцева // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 73–8. – С. 6–10.
2. Анисин, А. Л. Концептуальные основы обеспечения духовной безопасности России / А. Л. Анисин // Академическая мысль. – 2019. – № 4 (9). – С. 90–95.
3. Баева, Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей / Л. В. Баева. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 216 с.
4. Баева, Л. В. Ценностные основания индивидуального бытия. Опыт экзистенциальной аксиологии / Л. В. Баева. – Москва : Прометей : МПГУ, 2003. – 240 с.
5. Бердяев, Н. А. Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории / Н. А. Бердяев. – Москва : Мысль, 1990. – С. 162–175.
6. Бердяев, Н. А. Кризис искусства / Н. А. Бердяев. – Москва : СП «Интерпринт», 1990. – 48 с.
7. Бердяев, Н. А. О культуре / Н. А. Бердяев // Антология культурологической мысли. – Москва : Изд-во РОУ, 1996. – С. 195–198.
8. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – Москва : Канон+ : ОИ «Реабилитация», 2002. – 446 с.
9. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – Москва : Правда, 1989. – С. 251–518.
10. Беспаленко, П. Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Беспаленко П. Н. – Ростов-на-Дону, 2009. – 55 с.

11. Блок, М. Апология истории или ремесло историка / М. Блок. – Москва : Наука, 1973. – 232 с.
12. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель. – Москва : Альма Матер, 2022. – 523 с.
13. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 томах / Ф. Бродель. – Том 3. Время мира. – Москва : Весь Мир, 2007. – 752 с.
14. Вебер, А. Избранное: Кризис европейской культуры / А. Вебер. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. – 565 с.
15. Вебер, М. Критические исследования в области логики наук о культуре / М. Вебер // Культурология: XX в. – Москва : Юрист, 1995. – С. 7–54.
16. Влияние Запада и российская культура. ВЦИОМ. – URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura> (дата обращения: 12.09.2022).
17. Воропаева, Е. В. Духовная безопасность личности и общества как объект стратегии национальной безопасности / Е. В. Воропаева // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). – 2018. – № 7. – С. 175–179.
18. Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года. – URL : http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_36185.html (дата обращения: 22.03.2022).
19. Гадаев, В. Ю. Религиозная безопасность в контексте духовной безопасности / В. Ю. Гадаев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 13–16.
20. Гартман, Н. Эстетика / Н. Гартман. – Москва : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 692 с.
21. Гвардини, Р. Конец Нового времени / Р. Гвардини // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – URL: http://krotov.info/libr_min/04_g/va/rdini.htm (дата обращения: 21.10.2021).

22. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.
23. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 томах / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Искусство, 1968. – Том 1. – 312 с.
24. Гершензон, М. О. Кризис современной культуры // Тройственный образ совершенства / М. О. Гершензон. – 2-е изд. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 13–18.
25. Гобино, Ж. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж. Гобино. – Москва : Одиссей : Олма-Пресс, 2001. – 764 с.
26. Гончарова, Л. Н. Национальная безопасность как результат духовно-нравственной, экономической и политической безопасности / Л. Н. Гончарова // Экономика и управление в современных условиях : сборник трудов. – Красноярск: Изд-во «Сибирский институт бизнеса, управления и психологии», 2016. – С. 21–26.
27. Гревцева, Г. Я. Гражданственность как ценность культуры в процессе социализации личности / Г. Я. Гревцева // Вестник культуры и искусств. – 2020. – № 4 (64). – С. 39–48.
28. Груздева, В. В. Антропологический подход к исследованию динамики цивилизации и культуры / В. В. Груздева, Г. В. Груздев // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Том 9, № 4(33). – С. 96–100.
29. Гуревич, П. С. Кризис ценностных ориентаций / П. С. Гуревич. – URL : https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1657949855&tld=ru&lang=ru&name=Gurevich_Krizis_cennostnikh_orientaciy (дата обращения: 17.12.2021).
30. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 45–67.
31. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.
32. Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие основания и ценностные приоритеты: сборник / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. – Москва : Наука, 2005. – 426 с.

33. Духовно-нравственная сфера современного российского общества: обеспечение безопасности : монография / Д. Б. Казанцева, А. Л. Золкин, О. А. Карпенко и др. – Москва : РУСАЙНС, 2022. – 78 с.

34. Жукова, О. И. Аксиологический кризис и поиск общечеловеческих ценностей в современном социокультурном пространстве / О. И. Жукова, С. А. Пушненко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 4–1. – С. 238–243.

35. Завьялова, Н. А. Цивилизационные картины мира в контексте культурно-коммуникативных формул : монография / Н. А. Завьялова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 187 с.

36. Затеева, Н. А. Этнические ценности как основа гражданственности / Н. А. Затеева, С. П. Татарова, Ж. Эрхемтогс // Власть. – 2019. – Том 27, № 2. – С. 113–118.

37. Зиммель, Г. Конфликт современной культуры / Г. Зиммель // Культурология. XX век: Антология. – Москва : Юрист, 1995. – С. 378–399.

38. Иванов, А. В. Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте / А. В. Иванов, Ю. В. Попков // Siberian Socium. – 2021. – Том 5, № 1(15). – С. 8–19.

39. Иванов, А. В. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы : монография / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин. – Барнаул : Изд-во АГАУ, 2010. – 133 с.

40. Иванов, А. В. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения) / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин. – Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2014. – 219 с.

41. Иванов, В. И. Переписка из двух углов / В. И. Иванов, М. О. Гершензон. – Москва : Водолей Publishers : Прогресс-Плеяда, 2006. – 208 с.

42. Иванов, А. В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России / А. В. Иванов, Ю. В. Попков // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2022. – Том 22, № 2. – С. 404–415.

43. Извеков, А. И. Интросекция противоречий кризиса культуры в структуру личности : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Извеков А. И. – Санкт-Петербург, 2015. – 38 с.
44. Ильин, И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – Москва : Воениздат, 1993. – 368 с.
45. Ильин, И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / И. А. Ильин // Москва. – 1996. – № 1–12.
46. Инглхарт, Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как изменяется мир / Р. Инглхарт. – Москва : Мысль, 2018. – 347 с.
47. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – Москва : Новое издательство, 2011. – 464 с.
48. Исаченко, Н. Н. Культурный проект как одна из стратегий предупреждения кризиса гуманизма / Н. Н. Исаченко // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 12(104). – С. 64–67.
49. Исаченко, Н. Н. Феномен рессентимента в контексте формирования политической культуры / Н. Н. Исаченко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 4(69). С. 128–132.
50. Йоас, Х. Возникновение ценностей / Х. Йоас ; пер. с нем. К. Г. Тимофеевой. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. – 312 с.
51. Каграманов, Ю. Любовь к Ивану Ильину как веха русского опаматования / Ю. Каграманов // Новый мир. – 1997. – № 7. – URL : https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1997/9/lyubov-k-ivanu-ilinu-kak-veha-russkogo-opamyatovaniya.html (дата обращения: 09.01.2022).
52. Калимуллин, Д. Д. Мир смыслов и ценностей духовной культуры: монография / Д. Д. Калимуллин. – Москва : Перо, 2012. – 33 с.
53. Капустина, З. Я. Гражданственность как ценность российской культуры: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии / Капустина З. Я. – Москва, 2008. – 38 с.

54. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. – Москва : Университетская книга, 2001. – 271 с.

55. Ковалев, А. А. Проблемы духовной безопасности современного человека в свете противостояния цивилизаций / А. А. Ковалев // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Грозный, 1–3 декабря, 2016 г.). – Махачкала : ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников М. А.), 2016. – С. 184–189.

56. Ковалева, М. В. К вопросу о кризисе системы культурной ценности / М. В. Ковалева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Том 44, № 2. – С. 230–233.

57. Копцева, Н. П. Проблема культурных ценностей и ее решение в философии Генриха Риккерта / Н. П. Копцева, В. П. Лозинская, А. А. Махонина // Философия и культура. – 2013. – № 7. – С. 974–984.

58. Корольков, С. В. Этнорегиональная культура: определение понятия / С. В. Корольков // Общество. Среда. Развитие. – 2018. – № 4. – С. 43–46.

59. Картунов, В. В. Культура и цивилизация как основной вопрос социологии культуры / В. В. Картунов // Научный журнал СЕРВИС Plus. – 2014. – № 1. – С. 6–14.

60. Краснухина, Е. К. Культура против цивилизации / Е. К. Краснухина // Система ценностей современного общества. – 2015. – № 42. – С. 81–85.

61. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / под редакцией И. М. Клямкина. – Москва : Новое издательство, 2011. – 536 с.

62. Кузнецов, В. Н. Общациональная цель как фундаментальная проблема социологии / В. Н. Кузнецов // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 3–30.

63. Кураев, В. И. И. А. Ильин: философия духовного опыта / В. И. Кураев // История русской философии / под редакцией М. А. Маслина. – Москва : ИНФРА-М., 2004. – С. 497–513.

64. Кутырёв, В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма / В. А. Кутырёв // Век глобализации. – 2009. – № 2. – С. 92–102.

65. Лавринова, Н. Н. Социальные функции духовно-нравственных традиций в культуре / Н. Н. Лавринова, С. А. Чеботарёв, Т. М. Кожевникова // Нефилология. – 2022. – Том 8, № 1. – С. 179–192.

66. Лапин, Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России / Н. И. Лапин // Мир России. – 2003. – № 4. – С. 120–159.

67. Лапин, Н. И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 8–19.

68. Лапин, Н. И. Своеобразие культур цивилизаций – достояние и ресурс каждого человека и всего человечества / Н. И. Лапин // Вопросы философии. – 2020. – № 10. – С. 5–16.

69. Лапин, Н. И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии / Н. И. Лапин // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 3–15.

70. Ласло, Э. Предисловие. На пути к планетарному сознанию / Э. Ласло // Сфирот познания / В. И. Аршинов, М. Лайтман, Я. И. Свирский. – Москва, 2007. – С. 4–14.

71. Лаццарато, М. Деньги, долг и война / М. Лаццарато ; пер. с фр. М. Ярославцевой // Логос. – 2019. – № 6 (133). – С. 73–84.

72. Лексин, В. Н. Цивилизационный кризис и его российские последствия / В. Н. Лексин // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6. – С. 5–18.

73. Лосский, Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н. О. Лосский // Бог и мировое зло. – Москва : Республика, 1994. – С. 200–291.

74. Лотце, Г. Р. Основания практической философии / Г. Р. Лотце. – Санкт-Петербург, Типография М. И. Румша, 1882. – 87 с. – URL:

<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003595479?page=1&rotate=0&theme=black> (дата обращения: 19.10.2021).

75. Лубский, А. В. Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе / А. В. Лубский // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Том 23, № 1. – С. 42–59.

76. Магун, В. С. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии / В. С. Магун, М. Г. Руднев. – URL: <http://www.eedialog.org/ru/2020/07/17/za-predelami-cheloveka-sovetskogo-rossijane-v-evropejskoj-cennostnoj-tipologii> (дата обращения: 12.12.2021).

77. Майкова, Н. О. Духовно-нравственное развитие личности как фактор безопасности существования человека / Н. О. Майкова, А. И. Майков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 2. – С. 47–54.

78. Маслова, Т. Ф. Консолидирующие ценности как основа социокультурной интеграции современного общества / Т. Ф. Маслова // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. РАН. ИНИОН. – Москва : ИНИОН, 2016. – С. 539–541.

79. Маслянка, Ю. В. Проблема ценностей в философии: методологический аспект / Ю. В. Маслянка, А. В. Сухинина // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2019. – № 1(3). – С. 72–79.

80. Межуев, Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код» и в чем он может заключаться? / Б. В. Межуев // Вопросы философии. – 2018. – № 7. – С. 35–43. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2005 (дата обращения: 18.04.2022).

81. Межуев, В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В. М. Межуев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

82. Мейнеке, Ф. Возникновение историзма : пер. с нем. / Ф. Мейнеке. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 479 с.

83. Миронова, Н. В. Культура и цивилизация в условиях глобализации / Н. В. Миронова // Гуманитарный вектор. – 2019. – Том 14, № 2. – С. 20–26.

84. Мони́на, Н. П. Тема кризиса западной цивилизации в историософии Ф. И. Тютчева и Н. А. Бердяева / Н. П. Мони́на // Культурная жизнь Юга России. – 2020. – № 3(78). – С. 97–103.

85. Невелев, А. Б. Феномены культуры и предметная идентичность бытия человека / А. Б. Невелев, В. С. Невелева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 5(463). – С. 22–32.

86. Невелева, В. С. Человек и технизированный мир: экологический вектор философского осмысления / В. С. Невелева, Д. В. Соломко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – № 2. – С. 181–191.

87. Нейсбит, Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит ; пер. с англ. М. Б. Левина. – Москва : Изд-во АСТ, 2003. – 380 с.

88. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей : пер. с нем. / Ф. Ницше. – Москва : Культурная революция, 2005. – 880 с.

89. Ницше, Ф. Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / Ф. Ницше. – URL : https://www.100bestbooks.ru/files/Nietzsche_Sumerki_idolov_ili_Kak_filosofstvuyut_molotom.pdf (дата обращения: 16.10.2021).

90. Новые идеи в аксиологии и анализе ценностного сознания / под редакцией Ю. И. Мирошникова. – Екатеринбург, 2007. – 429 с.

91. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва : АСТ, Эксклюзивная классика (АСТ), 1930. – 93 с.

92. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2000. – 880 с.

93. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – Москва : Прогресс, 1985. – 311 с.

94. Попкова, М. Д. Культура XX века: кризис самоидентичности и проблема границ / М. Д. Попкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 22(276). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 27. – С. 41–44.

95. Попов, Е. А. Беспольный труд: концепция Дэвида Грэбера / Е. А. Попов // *Философский журнал*. – 2022. – Том 15, № 2. – С. 94–108.

96. Попов, Е. А. Особенности витального комплекса русской культуры XX – начала XXI в. : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Попов Е. А. – Омск, 2006. – 32 с.

97. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ // *Российская газета*. – 2012. – 13 дек.

98. Разумов, В. И. Российское общество в XXI веке: достигнуты ли пределы роста? / В. И. Разумов, О. Р. Онищенко // *Вопросы социальной теории*. – 2020. – Том 12. – С. 187–196.

99. Разумов, В. И. Культура как среда понимания и согласования мировоззрений / В. И. Разумов, В. П. Сизиков // *Вестник Омского университета*. – 2019. – Том. 24, № 2. – С. 98–105.

100. Разумов, В. И. Прогнозирование процессов в обществе с учетом фактора ноосферы / В. И. Разумов, В. П. Сизиков // *Вестник Омского университета*. – 2018. – Том 23, № 3. – С. 159–169.

101. Рожкова, Л. В. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества / Л. В. Рожкова, Н. Д. Васильева // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2014. – № 3(121). – С. 123–128.

102. Розин, В. М. От традиционного понятия «культура» к различению понятий «культура модерна», «культура европейской цивилизации», «посткультура», «креативные культуры», «фьючекультура» / В. М. Розин // *Мир психологии*. – 2019. – № 3(99). – С. 23–35.

103. Розов, Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001097/st000.shtml> (дата обращения: 12.01.2022).

104. Сандакова, Л. Б. Фреймы повседневного прокреативного дискурса в современной культуре / Л. Б. Сандакова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – Вып. 3. – С. 342–351.

105. Санжеева, Л. В. Менталитет как конструкция модели мира / Л. В. Санжеева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 5(11) : в 4 частях. – Часть 1. – С. 185–189.

106. Семилет, Т. А. Идеалы и ценности отечественной культуры в традиционном и новационном измерениях / Т. А. Семилет // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2-2(82). – С. 270–274.

107. Сидорина, Т. Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей / Т. Ю. Сидорина. – Москва : Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2001. – 182 с.

108. Сидорина, Т. Ю. Парадоксы кризисного сознания / Т. Ю. Сидорина. – Москва : Издательский центр РГГУ, 2002. – 240 с.

109. Скоробогатько, А. В. Проблемы и кризис в сфере ценностей в современном мире: социально-философский анализ / А. В. Скоробогатько // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 12 (56). – С. 19–23.

110. Соловьев, В. С. Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 томах. – Москва : Мысль, 1988. – Том 1. – С. 581–756.

111. Соловьев, В. С. Общий смысл искусства / В. С. Соловьев // Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / В. С. Соловьев. – Москва : Книга, 1990. – С. 126–139.

112. Соловьев, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев ; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации : Алгоритм, 2012. – 656 с.

113. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.

114. Социокультурные особенности патриотизма и формирования государственно-гражданской идентичности в современной России / А. В. Попов,

О. М. Шевченко, Н. К. Бинеева, И. В. Печкуров // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2017. – № 4. – С. 221–225.

115. Степанова, И. Н. Как исчезла вера в европейскую культуру? / И. Н. Степанова // В мире научных открытий. – 2015. – № 7–6(67). – С. 2285–2301.

116. Степин, В. С. Устойчивое развитие и проблема ценностей / В. С. Степин // Техника, общество и окружающая среда: материалы Междунар. науч. конф. (18–19 июня 1998 г., Москва). – Москва : ИФ РАН: МНЭПУ, 1998. – С. 11–21.

117. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2011. – 408 с.

118. Столович, Л. Н. Аксиологические течения в современной русской философии / Л. Н. Столович // Соловьёвские исследования. – 2011. – Вып. 4(32). – С. 7–27.

119. Столович, Л. Н. И. Кант и проблема ценности / Л. Н. Столович // Кантовский сборник: научный журнал. – 2009. – № 2 (30). – С. 20–30.

120. Столович, Л. Н. Об общечеловеческих ценностях / Л. Н. Столович // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 86–97.

121. Сулимов, С. И. Взаимодействие внутреннего и внешнего варварства в моменты кризиса цивилизации / С. И. Сулимов, И. В. Черниговских // Вестник Бурятского государственного университета. – 2021. – № 2. – С. 17–26.

122. Тойнби, А. Постигание истории / А. Тойнби. – Москва : Айрис-Пресс, 2010. – 640 с.

123. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2010. – 784 с.

124. Трельч, Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – Москва : Юрист, 1994. – 720 с.

125. Трофимов, В. К. Русский менталитет как смысловой фокус российской цивилизации / В. К. Трофимов // Культура и цивилизация: материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 17–18 апр. 2001 г.): в 2 частях. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2001. – Ч. 2. – С. 10–14.

126. Тюгашев, Е. А. Где находится России и куда она движется? / Е. А. Тюгашев // Личность. Культура. Общество. – 2020. – Том 22, № 3–4. – С. 251–261.

127. Тюгашев, Е. А. Социально-философские основания типологии цивилизаций / Е. А. Тюгашев // Сфера культуры. – 2020. – № 1. – С. 125–132.

128. Углинская, Н. А. Кризис культуры: кризис системы ценностей или кризис стратегий действия? / Н. А. Углинская // КАНТ. – 2020. – № 3(36). – С. 191–195.

129. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 09.11.2022).

130. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 22.08.2022).

131. Фергюсон, А. Опыт истории гражданского общества / А. Фергюсон. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 389 с.

132. Фергюсон, Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира / Н. Фергюсон. – Москва : АСТ, 2014. – 608 с.

133. Фрейд, З. Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=9147&p=1> (дата обращения: 12.11.2021).

134. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 134–155.

135. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33–48. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_5020245_90707986.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

136. Хейзинга, Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир / Й. Хейзинга. – Москва : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 456 с.

137. Хейзинга, Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга. – Москва : Прогресс Традиция, 1997. – 416 с.
138. Хоружая, С. В. Кризисная динамика смыслов культуры / С. В. Хоружая // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 2(39). – С. 109–112.
139. Чупров, А. С. Культура и цивилизация: тождество противоположностей / А. С. Чупров // Социум и власть. – 2020. – № 5(85). – С. 95–104.
140. Шевченко, О. М. Угрозы и риски духовной безопасности современной России / О. М. Шевченко, М. П. Тихоновскова // Гуманитарий Юга России. – 2018. – Том 7, № 1. – С. 161–169.
141. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – Москва : Гнозис, 1994. – 490 с.
142. Шестакова, Н. А. Этические основания гражданственности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Шестакова Н. А. – Саранск, 2009. – 25 с.
143. Шнуренко, Т. И. Ценностные ориентации молодежи как основа духовной безопасности России / Т. И. Шнуренко // Система ценностей современного общества. – 2015. – № 42. – С. 117–120.
144. Шохин, В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль / В. К. Шохин. – Москва : Изд-во РУДН, 2016. – 457 с.
145. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 томах. Том 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1998. – 663 с.
146. Штомпель, О. М. Социокультурный кризис: теория и методология исследования проблемы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / О. М. Штомпель. – Ростов-на-Дону, 1999. – 52 с.
147. Ясперс, К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс // Смысл и назначение истории. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 288–418.

148. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва : Политиздат, 1991. – 530 с.
149. Яцук, Д. Н. Взаимосвязь духовных ценностей в культуре (философско-антропологический и аксиологический аспекты) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Яцук Д. Н. – Санкт-Петербург, 2002. – 23 с.
150. Altikulaç, A. Patriotism and Global Citizenship as Values: A Research on Social Studies Teacher Candidates // *Journal of Education and Practice*. – 2016. – Vol. 7, № 36. – P. 26–33.
151. Antholz, I. Ein Paradigma von Werten, auf die sich alle freuen. – Bonn: Universität Bonn, 2010. – 179 p.
152. Asakaviciute, V. Cultural Crisis as a Decline in Human Existential Creativity. *Cultura // International Journal of Philosophy of Culture and Axiology*. – 2018. – № 15(1). – P. 65–83.
153. Brennan, J. Scepticism about philosophy Spirituality // *Ratio*. – 2010. – № 23 (1). – P. 1–16.
154. D'Andrade, R. G. Cultural Meaning Systems // Richard A. Shweder, Robert A. Levine. *Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion*. – Cambridge ; L., N. Y. ; New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984. – P. 88–115.
155. Debbarma, M. Importance of Human Values in the Society // *International journal of English language, literature in humanities*. 2020. – Vol. 2, is. 1. – P. 181–195.
156. Dobewall, H., Tormos, R., Vauclair, C. Normative Value Change Across the Human Life Cycle: Similarities and Differences Across Europe // *Journal of Adult Development*. – 2017. – № 24 (4). – P. 263–276.
157. Ersoy, A. F., Öztürk, F. Patriotism as a Citizenship Value: Perceptions of Social Studies Teacher Candidates // *Elementary Education Online*. – 2015. – № 14(3). – P. 974–992.

158. Energy cultures: A framework for understanding energy behaviours / J. Stephenson, B. Barton, G. Carrington, D. Gnoth // *Energy Policy*. – 2010. – № 38(10). – P. 6120–6129.
159. European Social Survey (Европейское социальное исследование). – URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 22.04.2022).
160. Fischer, R. Where is Culture in Cross-Cultural Research? An Outline of a Multilevel Research Process for Measuring Culture as a Shared Meaning System // *International Journal of Cross Cultural Management*. – 2019. – № 9. – P. 25–48.
161. Frohlich, M. Spiritual Discipline, Discipline of Spirituality: Revisiting Questions of Definition and Method // *Spiritus A Journal of Christian Spirituality*. – 2001. – № 1(1). – P. 65–78.
162. Gaukroger, S. *Civilization and the Culture of Science*. – OUP Oxford, 2020. – 893 p.
163. Gemtou, E. The Concept of Crisis in Art and Science // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. – 2013. – Vol. 5, № 3. – P. 27–38.
164. Hagen, A. How to Engage in Practices of Critique? From a Universal Conception of the Good Life to the Contestation of Universals // *Krisis*. – 2019. – № 1. – P. 2–14.
165. Hofstede, G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills CA: Sage, 1980. – 238 p.
166. Holden, J. *Cultural Value and the Crisis of Legitimacy Why culture needs a democratic mandate*. – London : Demos, 2006. – 69 p.
167. Koprivitsa, Ch. D. The Balkans, Europe's Distant Back Yard: Identity – Alterity, Necessity – Arbitrariness // *European Quarterly of Political Attitudes and Mentalities*. – 2016. – № 2(2). – P. 18–34.
168. *Krisis / Journal for Contemporary Philosophy*. – URL: <https://krisis.eu> (дата обращения: 14.01.2022).
169. Maťova, H., Dvoracek, J. CSR concept and the value crisis // *Intercathedra*. – 2021. – Vol. 29/1. – P. 37–41.

170. Measuring Global Citizenship Education: A Collection of Practices and Tools. Washington, D.C: The Brookings Institution, 2017. – 69 p. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/global_20170411_measuring-global-citizenship.pdf (дата обращения: 16.07.2022).

171. Mecker, G. Kulturkrise: Einschätzungen von Zuständen und Wandlungen von Werten und Normen. – Berlin : Neue Kultur, 2022. – 239 P.

172. Metzinger, T. Spirituality and Intellectual Honesty. – URL: https://www.blogs.uni-mainz.de/fb05philosophie/files/2014/04/TheorPhil_Metzinger_SIR_2013_English.pdf (дата обращения: 16.08.2022).

173. Narotzky, S., Besnier, N. Crisis, Value, and Hope: Rethinking the Economy // *Current Anthropology*. – 2018. – Vol. 55, sup. 9. – P. 4–16.

174. Pannwitz, R. Die Krisis der europaeischen Kultur (1917). – URL: <https://archive.org/details/diekrisisdereuro00pann/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 16.03.2022).

175. Park, R. E. Cities of Culture, Cities of Civilization // *Journal of Foreign Languages Cultures and Civilizations*. – 2017. – P. 216–224.

176. Şahin İ.F., Çermik F. Turkish adaptation of Global Citizenship Scale: Reliability and Validity // *Eastern Geographical Review*. – 2014. – № 31. – P. 207–218.

177. Schäfer, W. Global Civilization and Local Culture // *International Sociology*. – 2020. – Vol. 16, is. 3. – P. 305–306.

178. Schwartz, S. A theory of cultural value orientations: Explication and applications // *Comparative Sociology*. – 2019. – Vol. 5, is. 2–3. – P. 137–182.

179. Schwartz, S. Are There Universal Aspects in the Structure and Contents of Human Values? // *Journal of Social Issues*. – 1994. – № 50(4). – P. 19–45.

180. Schwartz, S. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Ed. M. Zanna (ed. by) // *Advances in Experimental Social Psychology*. – New York : Academic Press, 1992. – P. 1–65.

181. Sewell, W. The concept(s) of culture // *Sociology and Culture*. – 2017. – № 8. – P. 35–61.

182. Simonsen, K. B. Does citizenship always further Immigrants' feeling of belonging to the host nation? A study of policies and public attitudes in 14 Western democracies // *Comparative Migration Studies*. – 2017. – Vol. 5, № 3. – URL: <https://comparativemigrationstudies.springeropen.com/articles/10.1186/s40878-017-0050-6#citeas> (дата обращения: 21.07.2022).
183. Smith, P. B. Nations, Cultures and Individuals: New Perspectives on Old Dilemmas // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2014. – Vol. 35. – P. 6–12.
184. Soorige, D., Karunasena, G., Kulatunga, U., Mahmood, M. N., De Silva, L. An Energy Culture Maturity Conceptual Framework // *J. Open Innov. Technol. Mark. Complex*. – 2022. – № 8. – P. 1–24.
185. Stepanyants, M. Cultural Essentials versus Universal Values? European Journal of Cultural Studies // *Diogenes*. – 2008. – Vol. 55, № 3. – P. 13–23.
186. Stevenson, M. Globalization, National Cultures, and Cultural Citizenship // *Sociological Quarterly*. – 2007. – Vol. 38. – P. 41–67.
187. Storey, J. The culture and civilization' tradition // *Journal of Foreign Languages Cultures and Civilizations*. – 2018. – № 6. – P. 18–37.
188. Trenkle, N., Robinson, J. Value and Crisis: Basic Questions // *Mediations*. – 2019. – Vol. 27, is. 1–2. – P. 16–28.
189. Van Oenen, G. Krisisbreekt uit: identiteit, politiek, cultuur // *Krisis*. 2022. – № 40(1). – P. 26–35.
190. Vervoort, T. Krisis, identiteit en kritiek // *Krisis*. – 2022. – № 40(1). – P. 60–67.
191. Warde, A. After taste: Culture, consumption and theories of practice // *Journal of Consumer Culture*. – 2018. – Vol. 14(3). – P. 279–303.
192. Wei, R. Civilization and Culture // *International Review of Social Sciences and Humanities*. – 2021. – Vol. 1, № 1. – P. 1–14.
193. Welzel, C. *Fluchtpunkt Humanentwicklung: Über die Grundlagen der Demokratie und die Ursachen ihrer Ausbreitung*. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 2002. – 135 p.

194. Wong, C., Bonaguro, J. The Value of Citizenship and Service to the Nation // The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. – 2020. – № 6(3). – P. 96–116.

195. World Values Survey. – URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 05.01.2022).